

А К А

З А С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

П19
4

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

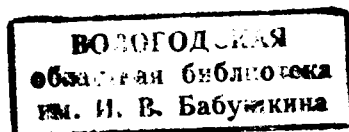
6

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ

1 9 6 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
Н. А. Баскаков, член-корр. АН СССР А. В. Ефимов, М. О. Косвен,
И. И. Кушнер, М. Г. Левин, Л. Ф. Моногарова (зам. главного редактора),
А. И. Першиц (зам. главного редактора), Л. П. Потапов, И. И. Потехин,
Я. Я. Рогинский, академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции О. А. Корбе

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Н. А. Колгурина

Адрес редакции: Москва В-36; 1-я Черёмушкинская, 19

Т-12656	Подписано к печати 23, XII—1961 г.	Тираж 1920 экз.	Заказ 4017
Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Печ. л. 14,0 + 1 вкл.	Бум. л. 5 ¹ / ₈	Уч.-изд. л. 17,0

2-я типография Издательства Академии наук СССР, Москва, Шубинский пер., д. 10

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXII СЪЕЗДА КПСС

XXII съезд КПСС навсегда войдет в историю человечества как событие величайшего, эпохального значения. Съезд явился замечательной демонстрацией единства великой ленинской партии, сплоченности братских коммунистических партий, развертывания мирового демократического движения. В работе съезда участвовали делегации от 80 марксистско-ленинских партий Европы, Америки, Азии, Африки, Австралии и Океании и представители ряда демократических национальных партий независимых государств Африки. Съезд показал, что «никогда еще с такой полнотой не раскрывалась великая жизненная сила марксистско-ленинского учения, как теперь, когда социализм полностью и окончательно победил в Советском Союзе, одерживает победы в странах народной демократии, когда бурно растет международное коммунистическое, рабочее, демократическое и национально-освободительное движение. Под влиянием успехов международного коммунистического движения в мире происходят и будут происходить колоссальные социальные изменения, глубочайшие революционные преобразования»¹.

XXII съезд всесторонне обсудил отчет Центрального Комитета КПСС и полностью одобрил политический курс и практическую деятельность ЦК в области внутренней и внешней политики, одобрил содержащиеся в отчете предложения и принял развернутую резолюцию по отчету. Съезд подвел первые, но уже поистине огромные итоги великого пути в коммунизм и с исключительным подъемом принял четкую программу его завершения — новую Программу Коммунистической партии Советского Союза. Съезд принял также новый Устав КПСС и избрал руководящие органы партии.

Съезд единодушно одобрил принятые Центральным Комитетом КПСС решительные меры по восстановлению ленинских норм партийного и государственного руководства, преодолению вредных последствий культа личности Сталина, а также окончательно разоблачению подрывной антипартийной группы Молотова, Кагановича, Маленкова, Булганина, Первухина, Сабурова, Шепилова, пытавшихся свернуть партию с принятого ею ленинского курса. Съезд осудил порочную деятельность руководителей Албанской партии труда, направленную на подрыв дружбы и сплоченности стран социалистического лагеря.

Документы съезда, прежде всего исторические доклады Н. С. Хрущева и величайший документ современности — третья Программа Коммунистической партии Советского Союза, представляют собой новую замечательную главу в творческом развитии теории и практики марксизма-ленинизма. В них вскрыты главные закономерности развития человеческого общества в современную эпоху и определены основные задачи партии и народа в период развернутого строительства коммунизма. Документы XXII съезда КПСС с предельной ясностью показывают

¹ «Резолюция XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза по отчету Центрального Комитета КПСС», «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 318—319.

каждому советскому человеку его место в рядах великой армии строителей быстро растущего здания коммунизма.

Один из ответственных участков этой всенародной стройки отведен советским ученым, в том числе работникам общественных наук. Н. С. Хрущев в своем докладе XXII съезду «О Программе Коммунистической партии Советского Союза» подчеркнул, что в настоящее время «все более возрастает значение общественных наук в изучении исторического пути движения человечества к коммунизму, в исследовании процессов крушения капитализма, в разработке научных основ планомерного руководства развитием общества, хозяйственным и культурным строительством, в формировании материалистического мировоззрения людей, в воспитании человека коммунистического общества и в борьбе с буржуазной идеологией»². В этих словах не только дано принципиальное направление деятельности советских ученых, призванных крепить связь науки с жизнью, но и прямо указаны основные задачи, поставленные партией и всем советским народом перед общественными науками. В то же время важнейшие теоретические положения, содержащиеся в документах XXII съезда КПСС, дают общественным наукам надежное средство успешного и своевременного решения этих задач.

К числу общественных наук, значение которых в настоящее время существенно возросло и продолжает возрастать, принадлежит этнография. Имея своей главной целью изучение современных процессов в этническом и культурно-бытовом развитии народов мира и основываясь в первую очередь на непосредственном наблюдении этих процессов, советская этнография призвана быть активной участницей разработки теоретических и практических проблем построения коммунистического общества. В то же время, будучи исторической наукой, этнография вносит свой вклад в изучение исторического прошлого человечества, всех этапов его движения к коммунизму. Этим определяется многообразие, сложность и ответственность задач, стоящих перед этнографами на пороге коммунистического общества.

Наиболее актуальной задачей советской этнографии является ее участие в разработке основной проблематики строительства коммунизма в СССР. В послевоенный период и особенно за шестилетие, прошедшее со времени XX съезда КПСС, этнографы добились в этой области заметных успехов. Работниками Института этнографии АН СССР, республиканских академий и других научно-исследовательских учреждений выпущен в свет ряд публикаций, посвященных современным культурно-бытовым преобразованиям и этническим процессам у народов СССР. Увеличился размах исследований, улучшилась их методика, повысился их научный уровень. Но все это — лишь начало огромной предстоящей этнографам работы. На современном этапе, важнейшей чертой которого являются ускоренные темпы коммунистического строительства, партия требует от советских ученых значительного расширения изучения советской действительности, углубления старых и творческой разработки новых исследовательских тем, широкого обобщения полученных результатов и, главное, выявления конкретных закономерностей развития советского общества. Это означает, что этнографические исследования должны быть еще теснее увязаны с насущными потребностями народа, с программой развернутого строительства коммунизма.

Нет, пожалуй, ни одной области экономической, социальной или идеологической жизни, где бы правильно организованные этнографические исследования не могли быть использованы в повседневной практике строительства коммунизма. Этнография изучает материальную и духовную культуру народов, их хозяйственный, общественный и семейный быт. Повсюду здесь этнограф — исследователь советского общества

² «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 197.

может и должен выявить растущие черты коммунизма, обобщить передовой опыт коммунистического строительства и тем самым способствовать его быстрейшему распространению. Так, в свете исторических документов XXII съезда КПСС, этнографического исследования потребуют становящиеся все более интенсивными процессы ликвидации социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней, развития общественных форм удовлетворения материально-бытовых нужд семьи, широкого развертывания сети детских учреждений, устранения остатков бытового неравноправия женщины, полного преодоления капиталистических пережитков в быту и сознании советских людей. Этнографам предстоит значительно расширить рамки изучения общественного быта, приняв участие в исследовании таких важнейших процессов современности, как сложение единых общепризнанных норм коммунистического общежития, соблюдение которых станет внутренней потребностью и привычкой всех советских людей.

Одной из важнейших проблем, поднятых в документах XXII съезда КПСС, является проблема дальнейшего развития социалистических наций. Она нашла отражение в докладах Н. С. Хрущева, выступлениях А. И. Микояна, Н. В. Подгорного, Т. Усубалиева, А. Ю. Снечкус и ряда других участников съезда и исчерпывающим образом сформулирована в утвержденной съездом Программе партии. «В условиях социализма,— указал Н. С. Хрущев в своем докладе о Программе КПСС,— действуют две взаимосвязанные прогрессивные тенденции в национальном вопросе. Во-первых, происходит бурное и всестороннее развитие каждой нации, расширяются права союзных и автономных республик. Во-вторых, под знаменем пролетарского интернационализма идет все большее сближение социалистических наций, усиливается их взаимовлияние и взаимообогащение»³. В ходе развернутого строительства коммунизма будет продолжаться экономический и культурный расцвет советских республик; в то же время, на основе укрепления экономических контактов, создания межреспубликанских хозяйственных органов, обмена культурными ценностями и отмирания устаревших, не соответствующих задачам коммунистического строительства элементов национальных культур, будет достигнуто еще более тесное и всестороннее сближение наций. Важное орудие этого сближения — русский язык: именно в русском языке советские нации приобрели могучее средство для своего развития и межнационального общения. Конечным итогом объективного процесса развития социалистических наций СССР явится сглаживание национальных различий, но этот процесс будет длительным, и, поддерживая его, Коммунистическая партия и Советское государство не допустят ни раздувания, ни игнорирования национальных особенностей. Этими основополагающими принципами ленинской национальной политики КПСС определяется исключительная актуальность научного, в том числе и этнографического, исследования развития социалистических наций на пути к коммунизму. Важная задача этнографов — изучать и обобщать основные закономерности культурного взаимовлияния народов СССР, плодотворного обмена материальными и духовными ценностями, процесса изживания устаревших и вредных национальных традиций. В то же время этнографы могут оказать существенную помощь в деле правильного развития и межнационального распространения прогрессивных элементов национальных культур. Вплоть до того времени, когда сформируется будущая единая общечеловеческая культура коммунистического общества, данные этнографии сохраняют непосредственное практическое значение в народнохозяйственном планировании, в частности в снабжении товарами широкого потребления различных национальных районов СССР,

³ Там же, стр. 190.

что, как это указывается в Программе КПСС, не может осуществляться без учета местных национальных и климатических условий.

Ряд актуальных задач поставлен документами XXII съезда КПСС и перед этнографами — исследователями зарубежных народов, в первую очередь народов социалистических стран. «Социализм сближает народы и страны. В процессе широкого сотрудничества во всех областях хозяйственной, общественно-политической и культурной жизни будет укрепляться экономическая база мирового социализма»⁴. Поэтому КПСС в содружестве с коммунистическими партиями других социалистических стран считает одной из своих задач «...активное содействие взаимообогащению национальных культур, сближению жизненного и духовного склада социалистических наций»⁵. Это программное требование партии обращено и к советским этнографам, обязанность которых — всемерно усилить изучение опыта культурно-бытового строительства в странах социалистического лагеря и протекающих здесь прогрессивных процессов культурного взаимодействия.

Большое теоретическое и практическое значение имеет исследование развития молодых суверенных государств Азии и Африки. Основные закономерности этого развития вскрыты в докладах Н. С. Хрущева и отражены в VI разделе Программы КПСС. После второй мировой войны под мощными ударами национально-освободительного движения фактически развалилась колониальная система империализма, и свыше 40 в прошлом колониальных стран добились национального суверенитета. Освободившиеся страны не входят ни в систему империалистических государств, ни в систему социалистических государств, хотя большинство из них все еще эксплуатируется капиталистическими монополиями. «Однако исторический опыт все более убеждает народы бывших колоний, что только окончательное освобождение от всех форм экономической и политической зависимости, только некапиталистический путь развития может привести их страны к подлинной свободе, процветанию и счастью»⁶.

Выбор пути — это, конечно, внутреннее дело самих народов, но долг марксистско-ленинской науки показать, что только в процессе некапиталистического развития молодые суверенные государства Азии и Африки сумеют в сравнительно короткий исторический срок поднять свою экономику и культуру, ускорить и завершить национальную консолидацию. Документы XXII съезда обязывают этнографов существенно расширить изучение культурного и этнического развития освободившихся от колониальной зависимости народов и тем самым внести практический вклад в борьбу человечества за прогресс и социализм.

Еще одной актуальной задачей, стоящей перед советскими этнографами-зарубежниками, является изучение важнейших этнокультурных процессов современности, протекающих в развитых капиталистических странах. С обострением кризиса мирового капитализма в капиталистических государствах и прежде всего в их главной цитадели — США — усиливается загнивание буржуазной культуры, все более разнузданные формы принимает политика дискриминации национальных и иных меньшинств. Советским этнографам предстоит еще много сделать для того, чтобы всесторонне изучить эти процессы, вскрыть их основные особенности, показать всему миру растленную сущность буржуазной цивилизации.

С этими задачами тесно смыкается и поставленная в документах

⁴ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 422.

⁵ Там же, стр. 423.

⁶ «Резолюция XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза по отчету Центрального Комитета КПСС», «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 300.

XXII съезда КПСС задача усиления борьбы против буржуазной и реформистской идеологии. Защитники буржуазного строя и колониализма не хотят примириться с возникновением мировой социалистической системы и национальным пробуждением угнетенных народов Азии, Африки, Латинской Америки. «Империалистическая реакция мобилизует все средства идеологического воздействия на массы, пытается опорочить коммунизм и его благородные идеи, защитить капитализм»⁷. В арсенале этих средств — откровенный фашизм и лицемерные теории «народного капитализма», различного рода антимарксистские философские школки и воинствующий клерикализм, социал-демократические идеи отступников от рабочего движения и ревизионистские идеи отступников от коммунизма. Не последнее место занимают здесь и неоколониалистские концепции буржуазной, в особенности американской, этнографии — неозоволюционизм, релятивизм, теория ценностей и другие, при помощи которых апологеты империализма пытаются изолировать отсталые внеевропейские народы, не допустить их развития по пути прогресса и социализма. Советская этнография и антропология уже внесли значительный вклад в дело теоретического разгрома расизма и колониализма, но идейная борьба продолжается, и ученые нашей страны должны еще больше активизировать работу по разоблачению буржуазной идеологии.

Рассматривая в качестве ведущей задачи изучение современных процессов в жизни народов СССР и зарубежных стран, советские этнографы не должны ослаблять работы и в других областях своей исследовательской деятельности — этногенезе, палеоэтнографии, исторической этнографии. Данные этих разделов этнографической науки необходимы для воссоздания подлинно марксистской истории народов, понимания общих закономерностей исторического процесса, борьбы с реакционной буржуазной наукой.

Успешное решение задач, поставленных перед этнографами документами XXII съезда КПСС, невозможно без дальнейшего повышения теоретического уровня научной работы. «Долг ученых, работающих в области общественных наук,— отметил в своем выступлении на съезде президент Академии наук СССР акад. М. В. Келдыш,— еще более активно помогать партии в дальнейшем творческом развитии всепобеждающей теории марксизма-ленинизма»⁸. Благодаря повседневной заботе партии и правительства советские ученые имеют все условия для подлинно творческой научной работы. Большую роль в этом деле сыграло, в частности, решительное осуждение партией культа личности, в обстановке которого могли иметь место такие явления, как, например, огульное шельмование трудов видного историка-марксиста М. Н. Покровского. Партия призвала советских гуманитариев к смелой, творческой разработке научных проблем, которые уже встали или еще встанут в ходе строительства коммунизма. Между тем пока еще далеко не все этнографы нашей страны откликнулись на этот призыв. До сих пор некоторые этнографические центры не совершили решительного поворота к исследованию важнейших процессов современности, до сих пор многие этнографические публикации носят описательный или поверхностный характер, до сих пор еще не изжиты недостатки в отборе научных кадров, способных к творческой работе, и повышении их квалификации. Совершенно очевидно, что пока этнографическая наука не покончит полностью с таким положением, она не сумеет в должной мере удовлетворить высоким требованиям, предъявленным к ней на современном этапе партии и народом.

⁷ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 358.

⁸ «Правда», 22 октября 1961 г.

Насущной потребностью является также повышение организационного уровня научной работы. В выступлениях М. В. Келдыша, Ф. Н. Петрова и других участников XXII съезда были подняты важные вопросы о необходимости улучшения координации и планирования научной деятельности, расширения контактов между науками, дальнейшего развития научной работы на периферии, использования общественными науками всех возможностей, предоставляемых им современным естествознанием и техникой. Эти задачи в полной мере стоят и перед советскими этнографами. Следует всемерно добиваться развития этнографических центров при республиканских академиях, университетах, музеях и более строгой координации работ Института этнографии АН СССР и других этнографических учреждений. Необходимо усилить контакты с работниками других общественных наук, активизировать деятельность комплексных научных советов и добиться должной комплексности в проведении экспедиционных и других исследовательских работ. Широкие перспективы для дальнейших успехов этнографической науки открывает развитие этнографических дисциплин, пограничных с другими науками,— географией (этногеография), литературоведением (фольклористика), лингвистикой (этнолингвистика), археологией (палеоэтнография) и т. п.

Коммунистическая партия Советского Союза призвала советских ученых на великую стройку коммунизма. Как и другие ученые нашей страны, этнографы сделают все, чтобы стать достойными участниками этой грандиознейшей в истории человечества стройки.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

С. В. ИВАНОВ

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО НАРОДОВ СИБИРИ (СКУЛЬПТУРА)

(Краткий очерк)

Великая Октябрьская социалистическая революция, ликвидируя вековую отсталость народов Сибири в области хозяйства и техники, вызвала глубокие изменения в их общественном сознании. Широкая сеть школ, возможность получения высшего образования, появление своей интеллигенции, участие населения в строительстве новой, социалистической культуры — все это не могло не оказать своего влияния и на художественную деятельность этих народов.

Некоторые виды их изобразительного искусства, унаследованные от дореволюционного прошлого, например, скульптура и рисунки, связанные с религией, в частности с шаманством, начали отмирать еще в первые десятилетия советской власти, другие получили дальнейшее развитие, нередко с новым содержанием. Появились и новые виды изобразительного искусства, например, станковая живопись, монументальная скульптура, книжная графика и т. п.

На протяжении последних сорока с лишним лет характер изобразительного искусства народов Сибири сильно изменился. В результате социалистических преобразований и повышения общего уровня развития культуры их скульптура приобрела новые черты, круг сюжетов ее значительно расширился, появился ряд работ скульпторов-профессионалов.

Отдельные вопросы, связанные с этим видом искусства уже получили в литературе некоторое отражение¹, но многое, в частности состояние скульптуры народов Сибири в послевоенные годы, остается еще недостаточно освещенным.

В 1950-е годы развитие скульптуры у народов Сибири протекало по-разному. У одних народов, например, у ненцев, алтайцев и хакасов, ее было немного, у якутов и на крайнем северо-востоке она встречалась в значительном количестве.

Этим объясняется и некоторая неравномерность разделов нашего очерка, посвященных описанию скульптуры отдельных народов Сибири в рассматриваемое время.

¹ См., например, И. С. Гурвич, Современное творчество якутских костерезов, «Сов. этнография», 1951, № 3; В. В. Антропова, Современная чукотская и эскимосская резная кость, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XV, М.—Л., 1953; С. И. Вайнштейн, Современное камнерезное искусство тувинцев, «Сов. этнография», 1954, № 3; И. П. Лавров, Чукотско-эскимосское искусство, сб. «Народное декоративное искусство РСФСР», М., 1957; Б. И. Бродский, Тувинское искусство, там же; И. Потапов, Изобразительное искусство Советской Якутии, Л., 1960 и др.

* * *

Широкие народные массы хантов и манси не проявляют пока заметного интереса к скульптуре, как виду изобразительного искусства, довольствуясь орнаментацией одежды и некоторых предметов быта. Это, впрочем, не означает, что среди упомянутых народов не встречаются лица, пробующие свои силы в этой области искусства и уже достигшие в ней известных успехов. К их числу можно отнести, например, современного менсийского резчика по дереву Г. Е. Шешкина.

Рассмотрим некоторые из его работ.

Рис. 1. «Медвежонок». Дерево. Выс. 5 см (ГМЭ*, колл. № 6875—2), Работа Г. Е. Шешкина

Одна из групп представляет собой очень живую сценку, изображающую нападение оленя на двух медвежат. Олень, пригнув голову к земле, на полном скаку посадил на рога медвежонка и готов с силой отшвырнуть его в сторону, как он это сделал с другим медвежонком. Последний, ударившись спиной о землю, ревет от боли. (рис. 1). Все фигуры очень выразительны и предельно динамичны. Скульптурная группа окрашена в светло-синий цвет масляной краской.

Другая скульптура представляет собой группу, состоящую из мужчины с арканом в руке (рис. 2); мужчины, несущего двух убитых пушных зверей; гуся, помещенного на покрытом узорами деревянном кубике, и фигурки собаки (?) на таком же кубике. Все изображения окрашены красным лаком или красной тушью и прибиты к фанерной дощечке с резными узорами обско-угорского типа, характерными для меховых изделий. Дощечка окрашена в красный и фиолетовый цвета. Статуэтки отличаются более или менее правильными пропорциями тела и очень жизненны. Люди — в меховой одежде с капюшоном, позы их спокойные: один стоит, другой идет медленным шагом. Хорошо выполнены лица мужчин и их одежда. Столь же удачны реалистически трактованные изображения гуся и собаки.

Талант Г. Е. Шешкина яркий, творчество его вполне самобытно.

Знаток северного искусства художник А. Л. Горбунков предпринял в последние годы ряд опытов по возрождению хантыйской скульптуры, рассчитанной на продажу. На основе глубокого изучения народных традиций обско-угорского искусства им создано несколько образцов на-

* ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР.

стольных игрушек и статуэток из рога северного оленя, украшенных в средней части сафьяновыми вставками, расшитыми волосом, бисером, цветной шерстью или нашивными бляшками. Предлагая эти образцы, А. Л. Горбунков руководствовался тем, что рога северного оленя имеются на Севере в изобилии и поэтому могут быть широко использованы для производства игрушек как сравнительно дешевый местный материал.

Больших успехов достигла в 1950-е годы чукотская и эскимосская скульптура из моржовой кости. Главнейшим центром ее был и остается Уэлен. В 1954 г. Уэленская костерезная мастерская была передана Главсевероторгу. Руководителем ее назначен был в 1955 г. художник, археолог и искусствовед И. П. Лавров, не раз побывавший до того на Чукотке и хорошо знакомый с чукотским искусством. И. П. Лавров сумел вновь привлечь к работе в мастерской ряд ушедших из нее по разным причинам резчиков, в их числе таких замечательных скульпторов, как Хухутан и Туккай. Ему удалось организовать молодежь, воодушевить ее, заинтересовать созданием новых образцов костерезных изделий. При мастерской был создан художественный совет, в который, кроме И. П. Лаврова, вошли опытные мастера. Налажено было снабжение мастерской необходимыми инструментами. Осенью 1955 г. в Уэлен были доставлены два сборных дома для мастерской и интерната, электростанция и электрооборудование — электрические боры и фрезы для обработки кости, шлифовальные машины. Повышены были цены на готовые изделия, заметно улучшилось их качество. Ежегодно намечено было принимать в мастерскую для обучения десять учеников и вести с ними занятия по специальной программе².

Под руководством И. П. Лаврова уэленские скульпторы создали ряд замечательных по своей выразительности и художественным достоинствам произведений мелкой пластики, среди них реалистические изображения оленей, медведей, моржей, тюленей, интересные в композиционном отношении сценки охоты и т. д. «Уэленская костерезная мастерская, — по словам И. П. Лаврова, — это не просто обычного типа производственная мастерская, которой достаточно быть рентабельной, чтобы выполнить свою основную задачу. Она является центром развития чукотско-эскимосского изобразительного искусства, так как именно в резьбе по кости художественная одаренность чукчей и эскимосов нашла свое наиболее полное выражение. Поэтому задачи развития костерезного производства являются одновременно и задачами развития национальной культуры»³. Эти мысли полностью сохраняют свое значение и в наши дни.

Рис. 2. «Мансиец». Дерево. Выс. 10 см (ГМЭ, колл. № 6875—3).
Работа Г. Е. Шешикина

² И. П. Лавров, Уэленская костерезная мастерская, «Краеведческие записки областного краеведческого музея», вып. 1, Магадан, 1957, стр. 76—77.

³ Там же, стр. 77—78.

В 1956 г. Уэленская мастерская перешла в ведение другой организации — Чукотторга.

Заботу об улучшении работы костерезов Чукотского национального округа проявляет сейчас Исполнительный Комитет Магаданского Областного Совета депутатов трудящихся.

Современная костерезная мастерская, оснащенная новой техникой и имеющая электрическое освещение, улучшает условия работы мастеров, повышает производительность их труда, культуру производства и

Рис. 3. «Приручение оленя». Кость. Выс 14 см
(ГМЭ, колл. № 7036—3). Работа Туккая

качество выпускаемых изделий. Они отличаются хорошей отделкой и тонким исполнением.

С большой любовью и творческим подъемом работают в послевоенные годы как старые мастера — Вуквутагин, Туккай, Хухутан, так и талантливая молодежь — Сейгутегин, Лягляр, Хуват, Инной, Чупло и другие. По-прежнему резчики изготавливают украшенные скульптурой предметы утилитарного характера, например рамки для фотографий, кубки и т. п., но главное внимание их сосредоточивается на скульптуре малых форм, имеющей самостоятельное художественное значение. Мастера придают фигурам человека и животных очень трудные для исполнения позы, усиливают движение, углубляют разработку пластических образов. Туккай интересуют сценки, полные динамики и драматизма, но иногда он переходит и на темы, проникнутые спокойствием и лиризмом.

В Государственном музее этнографии народов СССР (Ленинград) хранится интересная группа работы Туккая на тему «Нападение волка на оленя». Волк вскочил оленю на шею и впился в нее зубами, олень

закинул голову назад, передние ноги его приподняты, рот открыт. Очень интересна группа, изображающая приручение оленя (рис. 3). Она состоит из чукчи-оленевода, держащего в руках аркан, и фигуры поднявшегося на задние ноги оленя. Олень старается высвободиться из петли, накинута ему на голову. Эта сценка, свидетельствующая о большом таланте Туккая, очень выразительна и динамична. Новой здесь является поза оленя. Такие позы в более ранней скульптуре, даже в 40-х годах, не встречались.

Рис. 4. «Схватка с медведем». Кость. Выс. 9,5 см
(ГМЭ, колл. № 7036—10). Работа Хувата

Можно указать еще ряд работ Туккая: «Охота на дикого оленя», «Оленьи упряжки», «Олени пасутся», «Возвращение с охоты», «Охота с гарпуном»⁴. Оригинальна по теме скульптурная группа «Олени провалились». Туккай воспроизвел в ней драматический эпизод из жизни оленеводов: три оленя вместе с нартами, в которых сидят двое чукчей, на полном ходу неожиданно провалились в воду; задняя часть нарт ушла в полынью, передняя поднялась кверху, седоки выпали и оказались по пояс в воде⁵.

Много и успешно трудится мастер резьбы эскимос Хухутан. Его также интересуют охотничьи сценки. Известны его работы «Забой моржей

⁴ Две последние работы изображают сценки, связанные с охотой на морских животных. Репродукции их см. в кн. В. Леонтьева «Юному костерезу» (Магадан, 1959), рис. 12 и 13.

⁵ См. там же, рис. 14.

на лежбище»⁶, «Охотники убивают нерпу», «Охота на лахтака», «Охота на белого медведя». Удаются ему и темы, связанные с борьбой животных, например скульптура «Медведь и морж». В работе «Ловля наваги» Хухутан изобразил двух чукчей, занятых ловлей этой рыбы. Один из них, пожилой, сидит у проруби и раскладывает на льду ровными рядами выловленную рыбу, другой, более молодой и, видимо, менее удачливый, стоит в выжидательной позе перед другой прорубью. Рядом с ним — собака, внимательно наблюдающая за действиями рыболова. В другой работе очень динамичны вступившие в борьбу олени: встав на задние ноги, они устремились навстречу друг другу и сцепились рогами⁷. Эта тема разработана Хухутаном впервые и оригинальна по композиции.

Из работ молодых резчиков следует упомянуть изображения моржей и тюленей Килилоя (1957), оленей и пастухов Сейгутегина (1958)⁸, моржей Инноя (1956)⁹, белых медведей Хувата¹⁰ и его же «Борьбу охотника с медведем». Эта группа задумана резчиком очень интересно: незадачливый охотник, собираясь выстрелить в медведя, не рассчитал расстояния и оказался в непосредственной близости от зверя. Разъяренный медведь, подняв ружье лапой, собирается броситься на охотника, выхватившего нож (рис. 4).

Иногда в создании более сложных многофигурных сценок принимают участие одновременно несколько мастеров. Таковы, например, работы: «Собачья упряжка», состоящая из одиннадцати фигур собак, человека и нарта, установленных на вытянутой подставке, «Оленья упряжка» и др.¹¹.

В настоящее время резьбой по моржовой кости занимаются только в одном центре — Уэлене. Заказов поступает много, но мастера не всегда бывают в состоянии полностью удовлетворить заказчиков. Объясняется это тем, что в мастерской работает всего восемь квалифицированных резчиков и девять учеников¹². О необходимости расширения и укрепления мастерской пишут в местной печати не только журналисты, но и сами мастера. Так, старший мастер Туккай, указывая, что Уэленская мастерская рассчитана на 25—30 мастеров, сообщает, что вопрос об ее доукомплектовании остается пока открытым¹³. Директор Чукотторга в соответствии с решением Областного Исполнительного Комитета обещает, что в ближайшее время при Уэленской и Лаврентьевской школах будут организованы учебно-производственные мастерские¹⁴.

О работе своей мастерской пишут и другие чукчи. В 1959 г. с интересной статьей на эту тему выступил Вуквутагин¹⁵. Костерез Гемауге поместил в местной газете заметку «Как мы встали на ноги»¹⁶. Эти первые печатные статьи, написанные самими чукчами, свидетельствуют об их любви к своему искусству, заинтересованности в его дальнейших судьбах и вместе с тем о возросшей культуре чукчей и эскимосов, активных строителей коммунистического общества.

Заслуги резчиков по кости получают высокую оценку со стороны государственных учреждений и общественных организаций. Чукотский

⁶ См. журн. «Декоративное искусство СССР», Юбилейный номер, 1957, стр. 47.

⁷ См.: В. Леонтьев, Указ. раб., рис. 44.

⁸ Гос. музей этнографии (ГМЭ), колл. 7036—4; «Декоративное искусство СССР», Юбилейный номер, стр. 47.

⁹ Там же.

¹⁰ ГМЭ, колл. 7036—5.

¹¹ В. Леонтьев, Указ. раб., рис. 43 и 55.

¹² Газ. «Сов. Чукотка», 14 июня 1960 г.

¹³ Туккай, Резцы костерезов — в руки молодежи, «Сов. Чукотка», 2 июня 1960 г.

¹⁴ Газ. «Советская Чукотка», 19 июня 1960 г.

¹⁵ Вуквутагин, От примитивной резьбы к искусству, «Сов. Чукотка», 25 апреля 1959 г.

¹⁶ «Сов. Чукотка», 1959, № 65.

районный совет возбудил ходатайство о предоставлении старейшему мастеру резьбы орденоносцу Вуквутагину персональной республиканской пенсии. Он награжден медалью «За трудовую доблесть», имеет ряд почетных грамот, диплом 1-й степени за участие в Магаданской областной выставке и диплом 1-й степени от Министерства культуры РСФСР. Изделия Вуквутагина неоднократно экспонировались как на всесоюзных, так и на зарубежных выставках.

Участником окружных, областных и республиканских выставок является резчик Туккай. Он также награжден несколькими дипломами, в том числе двумя дипломами 1-й степени Министерства Культуры РСФСР. С 1959 г. Туккай состоит кандидатом в члены Союза художников РСФСР. В 1959 г. он создал ряд новых скульптурных произведений: («Первый выход в море на охоту» и др.), а в 1960 г. закончил группу «Чукчи-оленьеводы»¹⁷. Его группы «Возвращение с ярмарки» и «Выборы на Чукотке» можно было видеть на выставке прикладного и декоративного искусства РСФСР, функционировавшей в Москве весной 1960 г. в залах Академии художеств (филиал выставки «Советская Россия»). Там же экспонировались работы Хухутана «Последний шаман» и Килилоя «Агитаторы в бригаде».

Таким образом, в современной скульптуре, наряду с изображениями животных и сцен охоты, можно встретить и темы, отражающие отдельные моменты политической и общественной жизни чукчей и эскимосов.

* * *

Одно из важнейших мест в современном народном искусстве якутов занимает мелкая скульптура из мамонтовой кости. Условия, в которых теперь работают якутские резчики, резко изменились к лучшему. Изменились и характер изделий, их тематика, улучшилась техника выполнения.

В 1950-х годах наиболее талантливые мастера — А. В. Федоров, И. Ф. Мамаев, Т. В. Аммосов, В. П. Попов, Д. И. Ильин, С. П. Заболотский, Т. П. Пестерев и другие — работали при Союзе советских художников Якутии. В 1952 г. за заслуги, достигнутые в области изобразительного искусства, Т. В. Аммосову, И. Ф. Мамаеву и А. В. Федорову присвоено звание народных художников Якутской АССР.

Работы современных скульпторов были представлены на выставке изобразительного искусства и народного творчества в Москве (1957 г.). Некоторые из этих работ, принадлежащие молодым резчикам по кости, в том же году демонстрировались на выставке изобразительного и прикладного искусства, открытой в Якутске в дни первого фестиваля молодежи и студентов Якутской АССР¹⁸. В современной якутской скульптуре различают две группы произведений — круглую скульптуру, примыкающую к работам станкового характера, и скульптуру декоративную, близкую к старинным произведениям якутов¹⁹. Предметы первой группы в художественном отношении более грамотны и выразительны, но вместе с тем в них менее чувствуется сам материал, не используются его природные качества; предметы второй группы иногда грешат в отношении пропорций тела, но зато в них больше лаконичности и простоты, в них учтены качества материала — блеск, матовая белизна кости, ее легкая прозрачность. Художники второй группы чаще обращаются к темам, отражающим особенности материальной культуры якутов²⁰.

¹⁷ «Сов. Чукотка», 14 июня 1960 г.

¹⁸ В. Г. Петров и Л. М. Габышев, Выставка изобразительного и прикладного искусства, Якутск, 1958.

¹⁹ См. И. Крюкова и Г. Яковлева, На выставке якутского искусства, журн. «Декоративное искусство СССР», 1958, № 2.

²⁰ Там же, стр. 22—23.

Известным костерезом Якутии является заслуженный деятель Якутской АССР В. П. Попов (род. 1906 г.), потомственный мастер, учившийся резьбе по кости у своего отца. По словам Л. М. Габышева, пять поколений Поповых занимались этим делом²¹. В. П. Попов любит вырезать объемные фигуры животных, олени и собачьи упряжки, уделяет много внимания этнографическим деталям. Его произведения отличаются тщательной отделкой и чувством материала. Образы животных носят у него несколько обобщенный характер, человеческие фигуры иногда тяжелы, приземисты и не всегда правильны по своим пропорциям. В. П. Попов явно избегает передавать порывистые движения и трудные повороты. Обобщая формы, он в то же время отмечает резцом мелкие детали одежды, упряжи и т. п. Из многочисленных работ этого мастера отметим следующие: «Рыбак»²², «Колхозная звероферма», «Доярка», «Поездка на оленях» (1952)²³, «Колхозная девушка — охотник», «Якутка у коновязи» (1947). Последняя интересна не только с художественной, но и с этнографической точки зрения. В 1957 г. ее можно было видеть на московской выставке изобразительного искусства и народного творчества Якутии²⁴. Скульптура представляет собой группу, состоящую из двух фигур — женщины и коня. Справа помещены три столба «сэргэ» для привязывания лошадей. Якутка одета в зимнюю меховую шубу, на голове старинная шапка, закрывающая уши. В левой руке женщина держит махалку. Поза спокойная. Конь плотный, упитанный, с длинной гривой. Сбруя на нем старинная, якутская, круп покрыт вышитым чепраком, украшенным кистями, кисти пришиты и к кичимам. Столбы, как это и бывает в действительности, расчленены на отдельные части, и на них вырезаны орнаментальные пояски, а сверху — различные фигуры: на одном, самом высоком столбе — птица, на среднем — голова коня, на малом — «чорон» (якутский сосуд для кумыса). Эти детали — сбруя, одежда, столбы — дают более или менее полное представление о старинных, в ряде случаев уже вышедших из употребления предметах материальной культуры якутов, и с этой точки зрения могут быть использованы в качестве исторического источника.

В 1958 г. В. П. Попов создал насыщенную динамизмом скульптурную группу на тему «Конные скачки». Она состоит из двух мчащихся друг за другом всадников, кони которых едва касаются земли. Справа помещен резной столб с кубиком (чороном) и развевающимся флагом вверх, отмечающий, вероятно, конечный пункт пробега²⁵.

Народный художник Якутской АССР И. Ф. Мамаев (1892—1953) выполнил в 1950-х годах барельеф на тему «Портреты семи героев социалистического труда Якутии». Для творчества И. Ф. Мамаева характерно использование мотивов национального орнамента якутов, но, воссоздавая их в кости, он вносил в свое искусство много своеобразного, творчески перерабатывал художественное наследие своего народа и создавал новые орнаментальные мотивы. И. Ф. Мамаев был не только художником, но и опытным педагогом. Он состоял инструктором костерезного отделения Якутского художественного училища.

Живо откликается на современные темы народный художник Якутской АССР А. В. Федоров (род. в 1902 г.). Он умеет облечь их в интересную, иногда — символическую форму. Советскую тематику резчик умело сочетает с творчески переработанными мотивами якутского орнамента, что придает его вещам национальный колорит.

²¹ Л. Габышев, Мастерство якутских костерезов, газ. «Сов. культура», 1956, № 117.

²² Эта работа была представлена на выставке «Советская Россия» (см. «Декоративное искусство СССР», 1960, № 5, стр. 49).

²³ См. сб. «Народное декоративное искусство РСФСР», стр. 358.

²⁴ И. Крюкова и Е. Яковлева, Указ. раб., стр. 24.

²⁵ И. Потапов, Указ. раб., рис. 30.

Рис. 6. «А. С. Пушкин». Кость. 8,5×11,5 (ГМЭ, колл. № 6848—1).
Работа *Т. В. Амосова*

Рис. 12. «Алишер Навои». Гонированный гипс. Выс. 1,7 м. 1950.
Работа И. Н. Карачаковой

Заслуженный деятель искусств РСФСР, народный художник Якутской АССР Т. В. Аммосов (род. в 1912 г.) учился резьбе по кости у И. Ф. Мамаева. Сейчас Т. В. Аммосов — один из крупнейших якутских мастеров, автор многих интересных скульптурных работ, участник республиканских и союзных выставок. Его вещи приобретены многими музеями Советского Союза. С одинаковым успехом работает художник и над созданием скульптуры, и в области декоративно-прикладного искусства²⁶.

Темы скульптурных произведений Аммосова разнообразны. Его одинаково интересуют и мир животных, и эпизоды из старой жизни якутов, и моменты недавнего революционного прошлого Якутии, и современная жизнь. И все это воссоздается художником в ярких, запоминающихся образах, фигурах, жизненно правдивых, спокойных или полных движения и экспрессии.

Очень интересна работа Аммосова — «Гонщики». Она изображает двух всадников, несущихся в стремительном галопе, один из них перегоняет другого. Фигуры небольшие (высота скульптуры всего 6 см), но выполнены очень тонко²⁷.

С историко-этнографической точки зрения заслуживает внимания выполненная Т. В. Аммосовым группа, изображающая богатую якутскую невесту, готовящуюся сесть на свадебного коня (1959). Коня держит за узду стоящий перед ним человек, одетый, как и невеста, в старинный якутский костюм. В правой руке он держит плетку. Невеста стоит на спине раба, заменяющего ей подставку для ног. Раб — без головного убора, на нем только короткие штаны, он худ и истощен. Сценка иллюстрирует далекое прошлое якутов. Одежда, головные уборы, сбруя коня выполнены очень тонко. Движение у фигур сдержанное, крепкий конь нетерпеливо бьет по земле копытом. Лица хорошо передают физический тип якутов²⁸.

Небольшая статуэтка изображает героя гражданской войны якута Алексеева, скачущего на коне (1959). На герое одежда красноармейца, на голове шлем с пятиконечной звездой, за спиной ружье, в одной руке он держит повод, в другой саблю. Т. В. Аммосову удалось в этой скульптуре хорошо передать движение. Оно выражено не только во всей фигуре коня, в его прижатых к голове ушах, развевающейся гриве и в выпрямленном хвосте, но также в отогнутых лапах кафтана и краях головного убора всадника, во взметнувшихся кистях чепрака²⁹.

Иной характер носит статуэтка «Косарь» (1952). Она изображает якута, возвращающегося с полевых работ. Идет он ровным спокойным шагом, неся косу и берестяное ведро. В этой фигуре обращают на себя внимание тонкая моделировка лица, хорошо передающего физический тип якута, а также верные пропорции тела и тонкая проработка деталей одежды³⁰.

Столь же удачна группа, состоящая из двух женских фигур, носящая название «Дружба» (рис. 5). В этой недавней своей работе Аммосов показал не только двух подруг — якутку и русскую, но символически и ту прочную дружбу, которая существует между русским и якутским народами.

Из других работ художника назовем скульптуру «Якут на быке», отражающую один из моментов старого народного быта якутов, рельефный портрет Мао Цзэ-дуна, отличающийся очень тонкой отделкой³¹, и

²⁶ И. С. Гурвич, Указ. раб., стр. 160.

²⁷ ГМЭ, колл. 6848—2.

²⁸ Там же, колл. 7155—3.

²⁹ Там же, колл. 7155—1.

³⁰ И. А. Крюкова, Якутское искусство, Сб. «Народное декоративное искусство РСФСР», рис. 156.

³¹ См. И. Крюкова и Е. Яковлева. Указ. раб., стр. 23.

замечательный по своим художественным достоинствам барельефный портрет А. С. Пушкина. Голова великого поэта хорошо выделяется на мастеров можно назвать Елбаева, талантливого скульптора малых

В Якутии имеется немало талантливых скульпторов, в том числе и молодых, зарекомендовавших себя серией хороших работ. К числу этих резчиков относятся С. Заболоцкий, Я. Аргунов, С. Пестерев, К. Неустров и другие.

Талантливый анималист С. Пестерев (род. в 1917 г.) создал целую серию небольших скульптурных работ из мамонтовой кости. Фигуры изображают различных животных, сцены охоты и борьбу с животными. По характеру своих произведений этот резчик должен быть отнесен к числу представителей декоративного направления. Очень удачна выполненная им группа «Борьба с волками»³². Бегущий олень, сильно нагнув голову, пытается поднять рога одного из волков. Другие волки подбегают к оленю сзади. У животных, особенно у оленя, трудные для исполнения позы, но Пестерев сумел справиться с поставленной им задачей. Интересно задумана этим резчиком серия скульптурных работ на тему «Охота на медведя» (1948).

Остановимся кратко на работах молодого якутского резчика С. А. Егорова (род. в 1931 г.). Им выполнено несколько заслуживающих внимания произведений, наиболее значительным из которых является «Ньургун боотур стремительный». В этой скульптуре воплощен образ одного из якутских богатырей. В поисках лучшего решения образа автор создал ряд вариантов скульптуры.

С. А. Егорову удалось придать своему герою и его коню ту стремительность движений, которой наделяет Ньургун народная фантазия. Конь летит в галопе, грива его развеивается, хвост откинут назад, голова прижата

к шее. Богатырь почти слился с конем, движение его устремлено вперед. В правой руке он крепко держит копьё, готовясь поразить им врага. Тонкая пластическая обработка деталей, правильно намеченные складки одежды, хорошо найденные пропорции тела позволяют отнести эту скульптуру к наиболее удачным произведениям молодого реалистического искусства якутов.

Кроме перечисленных мастеров, уделяющих резьбе по кости значительное время и специализирующихся в этой области художественного творчества, в различных районах Якутии имеется много любителей резьбы — учителей, рабочих, учащихся, колхозников, служащих, занимающихся скульптурой в свободное от работы или уроков время. Их произведения с успехом экспонировались на выставке изобразительного и прикладного искусства, открытой в Якутске в 1957 г. Большая часть этих работ выполнена из дерева, остальные — из мамонтовой кости.

Рис. 5. «Дружба». Кость. Выс. 10 см с подставкой (ГМЭ. колл. № 6848—2). Работа Т. В. Аммосова

³² См. И. Крюкова и Е. Яковлева. Указ. раб., стр. 24.

* * *

Среди алтайцев встречаются резчики по дереву, но их скульптура мало известна и редко попадает на выставки и в музеи. Из отдельных мастеров можно назвать Елбаева, талантливого скульптора малых форм, создавшего ряд изображений верблюдов и борющихся людей. В литературе имеются лишь краткие сведения о современных алтайских мастерах объемной резьбы. В Кошагачском аймаке работают резчики-анималисты Бочок, Кудачиков (колхоз имени VII съезда Советов), спе-

Рис. 7. «Аратка» Раскрашенное дерево. Выс. 37 см
(ГМЭ, Колл. № 6824—1). Работа Д. Окаанчика

циалист по фигуркам, изображающим оленей и других животных, и Янар Юсупов (колхоз «Кзыл тан»).

Тувинцы продолжают создавать скульптуру из дерева, камня и металла. В мелкой скульптуре из дерева значительное место по-прежнему занимают животные, реже шахматные фигуры. Нередко уделяется место и образу человека.

Из современных резчиков обращает на себя внимание Дончак Окаанчик из колхоза имени Ленина Улуг-Хемского района. Работы его экспонировались на выставке «Советская Россия» в Москве, в 1960 г.³³, и частично приобретены Государственным музеем этнографии народов СССР³⁴. Ему хорошо удаются изображения людей и животных, но в них

³³ См. «Декоративное искусство СССР», 1960, № 5, стр. 48.

³⁴ ГМЭ, колл. 6924 и 7021.

мало движения, и оно еще сковано. В то же время мастера привлекает пестрая раскраска персонажей масляными красками, несколько снижающая достоинство его скульптурных работ. Неокрашенные скульптуры того же мастера, например, «Конская голова», «Колхозный чабан» с художественной стороны более ценны.

«Аратка» работы Окаанчика (рис. 7), сидящая верхом на лошади, интересна с этнографической точки зрения. Аратка и лошадь пестро раскрашены. Другая деревянная статуэтка изображает охотника с трофеями: за спиной у него висят рога марала, в левой руке свежая грудина того же животного — мясо, предназначенное для самого почетного человека. Скульптура хорошо передает тип молодого тувинца, одетого в короткий полушубок. Ружье у него местное, на сошках. На подставке вырезано имя мастера. Скульптура моделирована очень мягко, особенно удачно выполнено лицо охотника, но раскраска придает всей фигуре несколько натуралистический характер.

В этой скульптуре, созданной мастером в 1957 г., он попытался воссоздать образ тувинца Чаар Оол Кыргыса. Появление портретной скульптуры знаменует собой новое направление в развитии тувинского народного искусства³⁵.

В колхозе «Красный пахарь» Дзун-Хемчикского района работает Сарыглар Доткан-Оол — участник областного смотра народного творчества Тувинской АССР, происходившего в г. Кызыле в 1960 г. Он вырезал из дерева две партии шахматных фигур местного типа: «король» представлен фигурой тувинца в национальной одежде, пешка — петухом, ладья — пятиконечной звездой и т. д. Среди фигур имеются кони, верблюды и собаки. Все фигуры раскрашены.

Резчик по дереву Салчак Норбу из колхоза «Дружба» Бай-Тайгинского района представил на тот же смотр композицию на тему «Суд нойонов над аратом». Скульптура воспроизводит сценку из жизни патриархально-феодальной Тувы³⁶.

Значительно реже встречается сейчас мелкая пластика из меди и бронзы. К этой области искусства относятся прежде всего шахматные фигурки, в которых чувствуются традиции древневосточного искусства. Из мастеров, изготавливающих эти фигурки, получили известность Калбак-Оола и Тюлюш Ойбаа.

Кроме шахмат, отливаются и отдельные изображения животных и людей. Так, мастер Х. Барынзаа (Чаа-Хольский район) выполнил для тувинского музея статуэтки верблюда (12,6 × 12 см), овцы, лошади и жеребенка, а также ряд скульптурных групп и барельефов. Среди них группа «Погоня охотника за волком» (высота 17 см), отличающаяся реалистическими чертами и хорошо переданным движением, и барельеф «В честь 10-летия Советской Тувы»³⁷. Способы отливки современных изделий унаследованы от старых мастеров.

Большой интерес представляет современная мелкая тувинская скульптура, вырезанная из мягкого китайского жировика, или агальматолита. Этот камень легко поддается обработке и обладает различными оттенками серого, розоватого и зеленоватого цвета. Как и раньше он добывается в горах Сарыг-Хая самими резчиками.

Производство изделий из агальматолита сосредоточено главным образом в Бай-Тайгинском районе Тувинской АССР. Здесь имеется несколько талантливых резчиков, произведения которых отличаются высо-

³⁵ ГМЭ, колл. 7021—37.

³⁶ Данные о работах Сарыглара Доткан-Оола и Салчака Норбу любезно сообщены нам П. И. Каралькиным (1961 г.).

³⁷ Из бронзы делают также фигурные стремена и части уздечного набора, украшения для седел и другие предметы. См. С. И. Вайнштейн, Народные способы металлического литья у тувинцев, «Сов. этнография», 1956, № 4.

кими художественными достоинствами. Большой интерес представляют работы Хертека Тойбу-Хаа из колхоза «Победа» Бай-Тайгинского района. Тойбу-Хаа ученик известного мастера резьбы по камню Туктуг-Оол Кужугета. Творчество Тойбу-Хаа уже получило некоторое освещение в советской литературе³⁸. Родился он в 1918 г. в аратской семье и с детских лет увлекался резьбой. Изучая работы старых тувинских камнерезов и воспринимая лучшие черты их искусства, он в то же время старается отойти от свойственной их произведениям статичности, смело преодолевает их условность и заметно расширяет круг тем.

Его «Тувинка в старинном костюме», шахматные фигуры, наконец многочисленные изображения различных животных — козла, барана, сарлыка, оленя, лисы — повторяют излюбленные сюжеты старой тувинской скульптуры, но трактовка их несколько иная. Позы людей более свободны, пропорции улучшены, персонажи приобретают индивидуальные черты. У животных хорошо выражено движение, они даны в трудных для исполнения поворотах и очень жизненны.

Наряду с отдельными статуэтками, изображающими человека и животных, Тойбу-Хаа создает и их группы, успешно решая композиционные задачи. Достигает он этого двумя путями — соответствующей расстановкой отдельно вырезанных фигурок и композицией из нескольких фигур, вырезанных из одного куска камня, объединяемых общим замыслом.

Произведения этого талантливого мастера заслуживают более подробного описания, но в данной работе мы вынуждены ограничиться лишь беглой их характеристикой.

К началу 1950-х годов относятся его работы: «Табунщик», «Арат Самбажик», «Девушка, играющая на хомусе», «Перевозка выюков на верблюде», «Ловля лошади уруком» (шесть с петлей на конце) и др. В «Табунщике» очень удачно схвачены и переданы мчащаяся галопом лошадь и напряженная поза арата, готового в нужный момент метнуть аркан, который он держит в правой руке. Художника интересует здесь движение и стремительность, почти отсутствующие в произведениях старых резчиков.

Иную задачу ставил перед собой Тойбу-Хаа, работая над статуэткой, изображающей арата Самбажика, руководителя антифеодального «восстания 60-ти богатырей». Художнику хотелось как можно правдивее передать образ народного героя, и это ему вполне удалось. Создание образов исторических личностей — новое направление в тувинской скульптуре и шаг на пути к подлинно реалистическому искусству.

Рис. 8. «Медвежата». Камень. Выс. 8 см
(ГМЭ, Колл. № 7021—43). 1957.
Работа Тойбу-Хаа

³⁸ С. И. Вайнштейн, Современное камнерезное искусство тувинцев, «Сов. этнография», 1954, № 3.

В течение последующих лет Тойбу-Хаа создал ряд новых групповых изображений и отдельных фигур. Они разнообразны по сюжетам и оригинальны по композиции. Таковы, например, «Лисята»³⁹, «Соболь», «Орел и змея». Очень живо изображен соболь. Его голова повернута назад, тело застыло в напряженной позе. Художнику удалось передать в камне пушистость этого зверька, готового к новому прыжку. Столь же выразительны борющиеся медвежата (рис. 8), старающиеся повалить друг друга.

На выставке «Советская Россия» (Москва, 1960) были представлены вырезанные Тойбу-Хаа из агальматолита небольшие, очень выразительные фигурки козла, барана, оленя и сарлыка, а в г. Кызыле, на областном смотре народного творчества — ряд скульптур на темы: «Всадник на марше», «Разведчики», «60 богатырей», а также наборы шахматных фигур⁴⁰. На выставке «Советская Россия» можно было видеть и работы других скульпторов-тувинцев: Монгуш Черзи («Охотник», «Быки перед боем», «Лайка»), Хертека-Хонаа («Лошадь», «Коза», «Баран»), резные шахматы и другие произведения, в которых реалистические черты удачно сочетаются с орнаментально трактованными частями тела. Столь же хороша не лишенная юмора скульптура на тему «Встреча двух козлов» Хертека Монгульби⁴¹.

Нельзя не отметить ту помощь, которую оказывают тувинским художникам местные организации. Они устраивают выставки скульптурных работ, выезды в районы, выявляют мастеров, способствуют привлечению их к творческой деятельности.

У тувинской скульптуры, с ее стремлением к воплощению в камне, дереве и металле удачно решенных пластических образов, реалистическими тенденциями и нарастающим количеством тем, отражающих современность, — богатое будущее.

* * *

Если исключить шахматы и народную зооморфную игрушку, еще бытующую в улусах и заслуживающую специального рассмотрения, то количество произведений бурятской скульптуры, относящихся к послевоенному времени, окажется в общем незначительным. Тем не менее даже те немногие образцы скульптуры, которые были экспонированы на выставке, открытой в 1959 г. в Москве в связи со 2-й декадой бурятского искусства, представляют собой заметный шаг вперед по сравнению с тем, что было показано на 1-й декаде (1940 г.). Отрадно, что авторы этих произведений обращаются к окружающей действительности, их вдохновляют образы современников, людей, вышедших из среды своего народа. Эти образы скульпторы воплощают в произведениях монументального характера, появление которых нельзя не рассматривать как большое достижение бурятского искусства. К этой серии принадлежит гипсовый бюст известного бурятского писателя Хоца Намсараева работы Д. К. Никорова и Л. Е. Гергесова (1959 г.). Авторы этой скульптуры, не получившие специального художественного образования, сумели все же дать убедительную психологическую характеристику портретируемого (рис. 9).

В 1959 г. Д. К. Никоров создал еще одну монументальную скульптуру под названием «Дирижер» (рис. 10). Он воплотил в ней образ молодой бурятской женщины-дирижера. Трудно поверить, что автор этого инте-

³⁹ ГМЭ, колл. 7021—42.

⁴⁰ Сведения о выставке в г. Кызыле получены от П. И. Каралькина (1961 г.).

⁴¹ См. З. Сунпишикова, За Саянским хребтом, «Декоративное искусство СССР», 1960, № 9.

ресного произведения по профессии учитель, а не скульптор-профессионал.

Заслуживает внимания «Голова брата» работы студента Московского художественно-промышленного училища им. М. И. Калинина бурята Б. Зодбоева (1959 г). Перед нами эскизно выполненная голова юноши, смотрящего прямо на зрителя. Губы его плотно сомкнуты, взгляд устремлен вдаль.

Все эти произведения свидетельствуют о том, что отставание бурятского искусства в области скульптуры преодолевается и что среди бурят

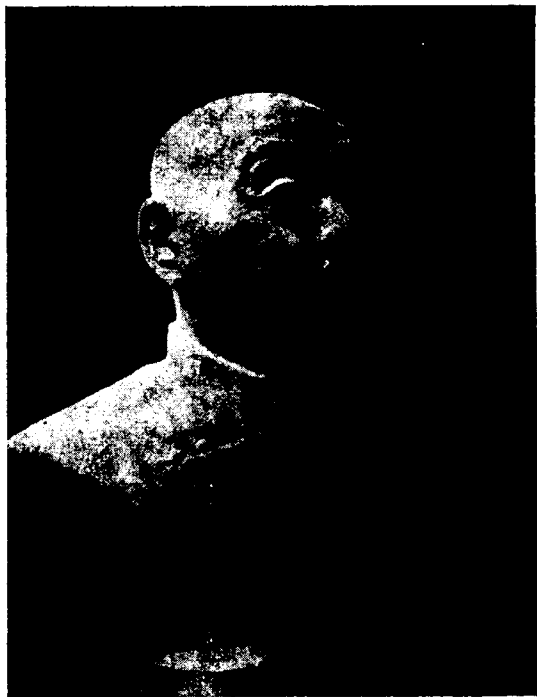

Рис. 9. Портрет Хоа Намсараева. Гипс. Выс. 80 см. 1959. Работа Л. Е. Гергесова и Д. К. Никорова

имеются талантливые художники, нуждающиеся в творческой помощи со стороны скульпторов-профессионалов и в поддержке заинтересованных в развитии бурятского искусства учреждений и организаций.

Необходимо отметить, что на выставке 1959 г. было представлено и несколько скульптурных произведений малых форм. К их числу относится «Хурист» работы Л. Е. Гергесова (1958 г.). Эта небольшая статуэтка изображает бурятского музыканта и певца, играющего на национальном смычковом инструменте — хуре. Она вырезана из камня. Музыкант сидит, поджав ноги. На нем длинный халат. Левая рука лежит на грифе, в правой он держит смычок. Статуэтка очень выразительна и хорошо передает образ старого музыканта.

В 1958 г. Л. С. Давыдов вырезал из темного камня скульптуру «Як», а Л. М. Гергесов в 1959 г. — фигуру «Сакманщица» (светлый камень). Обе статуэтки были экспонированы на выставке 1959 г. Л. Е. Гергесов представил на эту выставку одну из своих последних работ «Девушка с голубем» (гипс).

В с. Киженга (бывший Кижингинский район) по-прежнему трудится старейший бурятский резчик Содном Бадеев (род. в 1881 г.). С. Ба-

деев — выдающийся мастер резьбы по дереву, создавший ряд интересных скульптурных работ⁴².

В 1959 г. он вырезал из дерева два изображения, объединив их под названием «Север и Юг». «Север» олицетворен человеком, едущем на олене. Сильный ветер дует навстречу. Седок старается укутаться плотнее и наклоняется вперед, чтобы удержаться на олене. «Юг» представлен человеком, сидящем на слоне. Высота каждой фигуры свыше 20 см⁴³.

Рис. 10. «Дирижер». Гипс. Выс. 1,20 м. 1959.
Работа Д. К. Никорова

В 1959 г. С. Бадеев вырезал из дерева две статуэтки: одна изображает бурята, вторая — бурятку, оба в старинной национальной одежде. Статуэтки выполнены при помощи несложного набора инструментов, в который входят разного рода ножи, в том числе и перочинный, стамески и буравчик. Высота каждой фигуры вместе с подставкой — 26 см. Фигуры строго фронтальны, руки у них опущены, особое внимание уделено лицу, прическе и деталям костюма. Несмотря на статичность, изображения очень жизненны (рис. 11).

В Хакасии скульптура как вид народного искусства, не получила заметного развития. Сейчас среди хакасов уже появились скульпторы, получившие среднее и высшее художественное образование.

⁴² Широко известны его резные декоративные панно на темы: «Козы», «Колхозные рысаки», «Домашние животные» и др.

⁴³ Обе скульптуры хранятся в Улан-удинском художественном музее.

Деятельность этих скульпторов знаменует собой новый этап в развитии хакасского искусства, а вместе с тем открывает и новую страницу в истории искусства народов Сибири.

Заслуживает внимания творчество хакасского скульптора Г. А. Аткинина, известного также своими вышитыми портретами. Родился он в 1906 г., учился на скульптурном факультете Института им. Репина при Академии художеств. Из его работ назовем тонко выполненную статуэтку (гипс), изображающую девушку-хакаску в национальном костюме.

Скульптор В. Ф. Кидиеков (род. в 1931 г.) учился в Ленинградском художественном училище. Он создал ряд скульптурных портретов современников, в их числе портрет Героя Советского Союза хакаса Михаила Чеподаева (гипс) и портрет поэта и писателя хакаса М. Е. Кильчичакова. Оба бюста находятся в Краеведческом музее в г. Абакане.

Из среды хакасского народа вышла и первая женщина-скульптор И. Н. Карачакова. Родилась она в улусе Аев Усть-Абаканского района Хакасской автономной области. В 1951 г. успешно окончила скульптурный факультет Института им. Репина⁴⁴. Еще в студенческие годы (1948 г.) ею создан скульптурный портрет бывшего штурмана ледокола «Илья Муромец» Д. С. Кокова, хакаса по национальности. Эта скульптура была отлита из бронзы и приобретена Государственным русским музеем.

Дипломной работой И. Н. Карачаковой была монументальная скульптура на тему «Алишер Навои». Создание образа великого поэта и мыслителя узбекского народа, политического и государственного деятеля, покровителя искусства, автора классических творений узбекской литературы второй половины XV в. «Фархад и Ширин», «Лейла и Меджун», «Семь планет» и др., — потребовало от молодого скульптора напряженной творческой работы. И. Н. Карачакова остановила свой выбор на позе спокойно сидящего человека. Высота скульптуры 1,70 м. Поэт сидит на низкой скамье. Правая рука его опущена и опирается на подушку, левая покоится на колене (рис. 12).

Композиционно скульптура построена очень удачно, лепка всей фигуры, особенно лица, очень мягкая. Отлитая в гипсе, тонированном под бронзу, эта скульптура была отправлена на Всесоюзную выставку 1951—1952 г. и приобретена Дирекцией выставок и панорам. По окончании института И. Н. Карачакова создала новую работу — бюст юноши-узбека, отлитый из бронзы (1951—1952 гг.), а в 1953 г. закончила мемориальный мраморный бюст Сун Цин-лин, общественной дея-

Рис. 11. «Бурят». Дерево. Выс. 26 см, 1959 (ГМЭ, Колл. № 7197—41). Работа С. Бадеева

⁴⁴ Пользуемся случаем выразить И. Н. Карачаковой благодарность за сообщенные нам сведения о ее творчестве и за разрешение опубликовать некоторые из ее работ.

тельницы Китайской Народной Республики, лауреата Международной премии за укрепление мира. В том же году этот портрет был экспонирован на IV Всемирном фестивале молодежи в Бухаресте.

В последующие годы круг тем скульптора постепенно расширялся. Из более поздних ее произведений заслуживает внимания портрет преподавателя языка и литературы Индонезии в Ленинградском государственном университете У. У. Эффенди (1957 г.). Голова Эффенди отлита в бронзе, скульптура находится в настоящее время в помещении Общества культурных связей Индонезия — СССР в столице Индонезийской республики г. Джакарте. Одновременно И. Н. Карачакова работала над созданием поясного портрета женщины-хакасши. Портрет, отлитый из гипса, находится у автора.

Хорошее впечатление оставляет группа «Дружба», выполненная художницей в 1957—1959 гг. Она состоит из фигур двух девушек — русской и китайки. Высота скульптуры 1,70 м, материал — глина. Русская девушка изображена сидящей, китайка — стоящей. Первая держит в руках альбом, вторая, положив ей правую руку на плечо, указывает другой рукой на альбом. Позы женщин, особенно сидящей девушки, почти неуловимым движением прислонившейся к подруге, вполне удались автору. Русская девушка одета в короткое летнее платье, на ногах у нее босоножки, у подруги одежда китайская, на ногах сандалии. Идея дружбы, лежащая в основе этого произведения, выражена убедительно.

К 1960 г. относится фигура танцующей узбечки (глина). Высота скульптуры 1,70 м. Танцующая, слегка привстав на пальцы сдвинутых вместе ног, делает ритмические движения руками. Правая рука согнута в локте и поднята вверх, левая вытянута вперед. Голова слегка запрокинута назад. Узбечка опирается на левую ногу. На узбечке надеты узкие штаны и длинное платье с отложным воротником. На голове тюбетейка, из-под которой выбиваются заплетенные в тонкие косички волосы. Плавные, спокойные движения соответствуют ритму национального танца, в котором главную роль играют руки.

В настоящее время И. Н. Карачакова работает над созданием образа крупного тюрколога и лингвиста Н. Ф. Катанова. Его бюст предполагается установить на родине ученого, в селении Аскиз.

Очень выразителен бюст почетного шахтера Хакасии хакаса П. С. Балыкова (1958 г.). Этот портрет, вылепленный из глины и отлитый из тонированного гипса, воссоздает образ сильного, мужественного человека, смело смотрящего в будущее. Работа была представлена в 1959 г. на Ленинградскую выставку «Советская Россия».

Одна из последних работ И. Н. Карачаковой — проект памятника-обелиска в г. Абакане, посвященного исторической дате — 250-летию добровольного вхождения Хакасии в состав Российского государства.

* * *

Приведенный нами материал, несмотря на свою неполноту, позволяет все же говорить о весьма важных процессах, возникающих и развивающихся в области скульптуры народов Сибири в ходе социалистических преобразований их хозяйства, культуры и быта. Изучение этих процессов, различных по своему характеру, имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Под влиянием формирующегося материалистического мировоззрения и повышения общего уровня культуры народов Сибири их скульптура приобрела иное содержание. Заметную роль в этом сыграли отмирание древних религиозных представлений и ростки нового, атеистического отношения к природе и происходящим в ней явлениям. Появились новые темы, заметно расширился круг сюжетов.

Переход к этим темам, отражающий глубокие сдвиги в общественном сознании народных мастеров, явился революционным моментом в национальном искусстве, и его нельзя не принимать во внимание при изучении причин усиления реалистических тенденций в скульптуре Сибири.

У различных ее народов процесс отмирания старого и становления нового протекает по-разному, что обусловлено исторически сложившейся обстановкой, национальными особенностями искусства и его художественными традициями. Учитывая различное состояние искусства, уровень его развития, положение мастеров, необходимо по-разному решать и те практические задачи, которые связаны с дальнейшим развитием искусства народов Сибири.

В советское время значительно улучшилась техника изготовления миниатюрной скульптуры из моржовой и мамонтовой кости. Мастера получают, а отчасти и сами изготавливают разнообразные инструменты, имеют мастерские, станки, электрооборудование.

Для развития чукотской и эскимосской скульптуры большое значение имела и имеет организация при мастерских и местных школах обучения наиболее способным и проявляющим интерес к резьбе подростков техническим приемам обработки кости и изготовлению несложных инструментов под руководством опытных мастеров.

Иначе складывается работа одиночек, в особенности резчиков по дереву, в Южной Сибири (Алтай, Тува, Бурятия). Многие из них, будучи очень талантливыми, не имеют учеников и тем самым лишены возможности передать свои знания и опыт молодому поколению.

Значительно разнообразнее стали и сами виды скульптуры. Наряду с круглой скульптурой малых форм, появились миниатюрные барельефы (у якутов), бурятское самодельное искусство, работы хакасских скульпторов-профессионалов.

В крупнейших центрах резьбы по кости мастера давно уже оценили скульптуру как вид искусства и создают произведения, обладающие высокими художественными достоинствами. В этой связи нельзя не отметить и то положительное влияние, которое оказали на народных мастеров художники-профессионалы, руководившие в различные годы мастерской в Уэлене, помогавшие своими советами резчикам в Якутске, в Бурятии, в Ямало-Ненецком национальном округе.

Понимание художественных достоинств скульптуры нашло свое выражение и в том, что она приобретает самостоятельное значение, отделяясь от утилитарных предметов. Этот процесс хорошо заметен в чукотском прикладном искусстве. Если в первые годы революции скульптура использовалась там чаще всего в качестве дополнительного украшения чернильных приборов, рамок, пресс-папье и т. п., то теперь значительная часть ее приобрела самостоятельное значение и не связана с указанными предметами.

Развитие скульптуры как искусства сказалось и на ее качестве. Упрощенные прежде изображения человека и животных стали более разработанными: наряду с отдельными фигурами появилась групповая скульптура. Народные художники более внимательно относятся теперь к композиционной стороне своих произведений. Изменилась трактовка изображений. Образы животных и человека приобрели индивидуальные черты, позы стали разнообразными, движения — более сложными.

Сейчас скульптурой занимаются не только мастера-специалисты, но и многие рядовые колхозники, рабочие, представители трудовой интеллигенции. Художественный труд привлекает к себе все большее внимание, свидетелем чего являются районные и областные смотры работ, широкое развитие художественной самодельности. Многие представители народов Сибири учатся в настоящее время в художественных

техникумах и вузах страны (Ленинграде, Москве, Иркутске, Якутске). Среди них имеются и скульпторы.

Народное творчество пользуется в Сибири, как и во всем Советском Союзе, вниманием и постоянной поддержкой партии, государственных учреждений и общественных организаций. Мастера получают заказы от различных учреждений, принимают участие в районных, областных, республиканских и всесоюзных выставках, а также в выставках, организуемых за рубежом. Многие мастера получили звания и дипломы, награждены медалями и орденами, состоят кандидатами или членами Союза советских художников. Всесторонняя помощь мастерам необходима и в дальнейшем, так как ряд вопросов, связанных с развитием народного искусства, остается еще не разрешенным.

SUMMARY

The Soviet period, a period of great socialist transformations, has found vivid reflection in the artistic work of the peoples of Siberia. Of particular interest in this respect is their sculptured work, which has opened a new page in the history of their art. The range of subjects and themes was markedly widened. Today there are professional sculptors who have received special training; folk craftsmen, who are supported by Party and public bodies, are making fine progress.

The present-day sculptured work of the peoples of Siberia is primarily of a realistic nature; they gradually overcome the restrictions concerning the range of themes, which formerly prevailed in their art, a certain rigidity of forms and the insufficiently developed treatment of man's figure. Both professional sculptors and folk craftsmen strive to give an authentic representation of Soviet life, to create the portraits of men and women of our day, to reflect in their sculpture the new, socialist culture.

Many folk craftsmen have won government awards, with the most gifted granted membership to the Soviet Artists' Union.

В. П. АЛЕКСЕЕВ

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ ЛАТЫШЕЙ

Разрешение проблемы происхождения народов Прибалтики является одной из актуальных задач исторической этнографии. Несмотря на огромное количество специально посвященных этой проблеме исследований¹, некоторые ее аспекты все еще недостаточно ясны.

Так, противоречиво трактуется, например, вопрос о наличии в населении Прибалтики, в частности в составе латышей и эстонцев, монголоидной примеси. Между тем, решение этого вопроса имеет большое значение, поскольку оно связано с выяснением генезиса и взаимоотношений расовых типов Восточной Европы и Урала и роли образовавшихся в результате смешения и недифференцированных антропологических комплексов в формировании современных антропологических типов.

Первым исследователем, указавшим на монголоидную примесь в составе древнего населения севера европейской части СССР, был Е. В. Жиров². В серии из неолитического могильника на Южном Оленьем острове он выделил несколько черепов, морфологические особенности которых свидетельствовали, по его мнению, о наличии небольшой монголоидной примеси. Это обстоятельство рассматривалось им как свидетельство восточного происхождения части населения, захороненного в Оленеостровском могильнике. Заключение Е. В. Жирова было поддержано археологами³ и получило дополнительное подтверждение в археологических материалах могильника на Онежском озере и других памятников на смежных территориях. Некоторые черепа из могильников культуры ямочно-гребенчатой керамики северных и центральных районов Русской равнины также характеризовались комплексом монголоидных признаков⁴.

Почти одновременно с публикацией Е. В. Жирова появился ряд работ, содержащих аргументацию в пользу смешанного происхождения

¹ См.: С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров. Некоторые вопросы этногенеза народов Прибалтики, «Сов. этнография», 1956, № 2; «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956, и др.

² Е. В. Жиров. Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры» (КСИИМК), VI, 1940. Описание археологического материала могильника дано в работе В. И. Равдоникаса «Неолитический могильник на Онежском озере», «Сов. археология», т. VI, 1940.

³ А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952; М. Е. Фосс, Древнейшая история севера европейской части СССР, «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА СССР), № 29, 1952; Н. Н. Гурина, Оленеостровский могильник, МИА СССР, № 47, 1956.

⁴ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948; М. М. Герасимов, Восстановление лица по черепу, М., 1949; М. С. Акимов, Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы европейской части СССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», т. XVIII, М., 1953.

современных народов Западной Сибири, Приуралья и Среднего Поволжья, принадлежащих к разным вариантам уральской расы или уральской группы антропологических типов⁵.

Правда, в отношении смешанного происхождения марийцев Г. Ф. Дебеч высказывал сомнения⁶, но позднее отказался от них⁷.

В статьях Н. Н. Чебоксарова был приведен обширный материал, свидетельствующий, по его мнению, о наличии монголоидной примеси у древнего населения не только Восточной, но и Центральной Европы⁸.

Таким образом, тезис о широком проникновении монголоидных элементов на территорию Европы из Зауралья в эпоху неолита, а может быть, и в более позднее время мог считаться обстоятельно обоснованным. Он получил дополнительное подтверждение в палеоантропологических материалах из неолитических погребений Эстонии и Латвии, исследованных К. Ю. Марк⁹ и Р. Я. Денисовой¹⁰, а также в результатах антропологического изучения современных народов Прибалтики, осуществленного антропологическим отрядом Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции¹¹.

Однако общепринятая концепция была подвергнута неожиданной критике в последних работах В. В. Бунака¹² и В. П. Якимова¹³. В. В. Бунак, отказавшись от прежних взглядов¹⁴, исходит в своей критике в основном из общетеоретических представлений о разном характере географической изменчивости признаков в смешанных и недифференцированных популяциях и большой роли недифференцированных типов в сложении расового состава современного человечества. Эти

⁵ П. И. Зенкевич, Физический тип горных и луговых марий, журнал «Марийская автономная область», Йошкар-Ола, 1934, №№ 8—9, 10—12; его же, Антропологические исследования в Чувашской АССР, «Краткие сообщения Ин-та и Музея антропологии», 1941; М. Г. Левин, Краниологический тип хантов и манси, «Краткие сообщения Ин-та и Музея антропологии», 1941; Н. Н. Чебоксаров, Т. А. Трофимова, Антропологическое изучение манси, «КСИИМК» IX, 1941; Г. Ф. Дебеч, Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеоантропологии, «КСИИМК», IX, 1941; его же, Селькупы, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. II, М.—Л., 1947.

⁶ Г. Ф. Дебеч, Рецензия: П. И. Зенкевич. Физический тип горных и луговых марий, «Антропологический журнал», 1936, № 1.

⁷ Г. Ф. Дебеч, Антропологические исследования в Камчатской области, М., 1951.

⁸ Н. Н. Чебоксаров, Монголоидные элементы в населении Центральной Европы, «Уч. записки МГУ», вып. 63, 1941; его же, Антропологический состав современных немцев, там же.

⁹ К. Ю. Марк, Новые данные по палеоантропологии Эстонской ССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIII, 1954; ее же, Палеоантропология Эстонской ССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXII, 1956, ее же, Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита в Прибалтике. «Изв. АН Эстонской ССР (серия общественных наук)», 1956, № 1.

¹⁰ Р. Я. Денисова, Палеоантропологический материал из неолитического могильника Крейчи, «Сов. этнография», 1960, № 3.

¹¹ Н. Н. Чебоксаров, Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики, Труды Ин-та этнографии, нов. серия, т. XXIII, 1954; Р. Я. Денисова, Антропологический тип ливов, Труды Ин-та этнографии, нов. серия, т. XXXII, 1956; ее же, К вопросу об антропологическом составе восточных латышей и восточных литовцев, «Изв. АН Латвийской ССР», 1958, № 2; М. В. Витов, Антропологическая характеристика населения восточной Прибалтики, «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. I, М., 1959; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология восточной Прибалтики, «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. II, М., 1959.

¹² В. В. Бунак, Человеческие расы и пути их образования, «Сов. этнография», 1956, № 1.

¹³ В. П. Якимов, Начальные этапы заселения восточной Прибалтики, Труды Ин-та этнографии, нов. серия, т. XXXII, 1956; его же, О древней «монголоидности» в Европе, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXVIII, 1957; его же, Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XIX, М.—Л., 1960.

¹⁴ В. В. Бунак, Антропологический тип черемис, «Русский антропологический журнал» т. XIII, № 3—4, М., 1924; его же, Антропологический тип мордвы, там же.

представления уже были подробно рассмотрены Г. Ф. Дебецом¹⁵, убедительно показавшим их несостоятельность, и нет нужды на них останавливаться.

В. П. Якимов основывается на рассмотрении всего конкретного материала по палеоантропологии неолита Русской равнины, Прибалтики и Западной Европы, но игнорирует морфологические особенности современного населения. Исходя из того, что некоторая уплощенность лица встречается на черепах из неолитических могильников Западной Европы и даже на черепах верхнепалеолитического времени, он считает весьма вероятным существование в прошлом европеоидной группы с такой особенностью. Наличие монголоидной примеси у древнего населения перечисленных выше обширных областей при этом отрицается, так же как его связи с территорией Зауралья.

Все сказанное иллюстрирует сложность вопросов, связанных с антропологическим изучением народов Прибалтики. Поэтому большое значение приобретает любое приращение материалов по антропологии населения Прибалтики и, в частности, изучение краниологических типов современного или близкого к современности населения, сопоставление их с более древними и между собой.

Материал по краниологии современных народов Прибалтики уже являлся предметом исследования. Обширная серия литовских черепов XVIII–XX вв., добытая при раскопках сельских кладбищ и кладбищ города Каунаса, была опубликована литовскими антропологами И. Жилинским и А. Юргутисом¹⁶. Но малая вероятность принадлежности черепов из кладбищ Каунаса литовцам, составлявшим в XVIII в. незначительный процент населения города, а также неполнота программы измерений, в которой отсутствуют определения ряда важных признаков, мешают использованию этого материала в той мере, в какой это диктуется требованиями современной антропологической методики.

Краниологический тип эстонцев также получил характеристику в ряде работ¹⁷, но большая часть их написана несколько десятков лет тому назад и сейчас имеет лишь историческое значение. В последние годы ревизию накопленных к настоящему времени краниологических материалов с территории Эстонии произвела К. Ю. Марк¹⁸. В ее публикациях представлены результаты изучения как старых коллекций, собранных еще в конце прошлого века, так и новых серий, добытых при раскопках эстонскими археологами и самой К. Ю. Марк. Материал охватывает почти все основные районы Эстонской ССР, достаточно представлен количественно и является надежной основой для сопоставления с более ранними сериями.

Сведения по краниологии современного населения Латвии по сравнению с аналогичными материалами о литовцах и эстонцах, крайне скудны.

Правда, количество черепов, опубликованных различными исследователями, довольно значительно¹⁹, но изучены они по чрезвычайно

¹⁵ Г. Ф. Дебеч, О генеалогической классификации человеческих рас, «Сов. этнография», 1956, № 4.

¹⁶ I. Zilinskas, A. Iurgutis, *Crania lithuanica*, «Acta medicinae facultatis viciauti magni universitatis», v. V, f. 3, Kaunas, 1939.

¹⁷ См. библиографию в работе М. В. Витова, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксарова, «Этническая антропология восточной Прибалтики».

¹⁸ К. Ю. Марк, Палеоантропология Эстонской ССР; ее же, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии, «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956; К. Марк, Zur Entstehung der gegenwärtigen Rassentypen im Ostbaltikum, «Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja finska fornminnesföreningens tidskrift», т. 59, № 4, Helsinki, 1958.

¹⁹ I. Līcis, *Kraniologische Untersuchungen an Schädeln altlettischer Stämme*, Riga, 1939.

краткой программе, включающей чаще всего лишь единичные измерения. Поэтому получение новых материалов, на основании которых можно было бы охарактеризовать краниологический тип современного населения Латвийской ССР и провести его сопоставление с краниологическими типами соседних народов, явилось первоочередной задачей палеоантропологического отряда Прибалтийской комплексной экспедиции.

Для работы были выбраны крайние восточные районы Латвии как зона предполагаемого контакта летто-литовских и славянских племен. В 1957 г. в 10 км к югу от Лудзы экспедиция произвела раскопки большого могильника, расположенного как раз на перекрестке дорог Лудза — Нерза и Исталсна — Талкука на землях колхоза им. М. И. Калинина Нукшинского сельсовета²⁰. Невысокий песчаный холм, на котором находился могильник, издавна назывался «Ваццы копи», что означает в переводе с латышского «старое кладбище». Местная традиция с полной несомненностью свидетельствует о том, что оно оставлено латгалими — недавними предками современного населения этого района. В могильнике было вскрыто более 100 погребений, давших обильный костный материал. В нашем распоряжении оказалось 43 мужских и 45 женских черепов взрослых субъектов. При вычислении средних по мужской серии к ней были присуммированы данные по трем черепам латышей бывш. Люцинского уезда, хранящимся в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде под номерами 1831—1, 2223—1 и 2282—7. Все три черепа поступили в Музей от К. З. Яцуты и принадлежали лицам, умершим в конце XIX — начале XX в. Черепа из могильника относятся к более раннему времени и датируются XVIII в., что явствует из находок монет 1736, 1740, 1746 и 1749 гг. в отдельных погребениях, расположенных в разных частях могильника. К сожалению, археологические находки ограничиваются монетами и бусами, которые, по словам старых латышек, присутствовавших при раскопках, бытовали в этом районе еще в начале нашего века.

С целью получения возможности сопоставления материалов по краниологии народов Прибалтики, в частности латышей, и соседнего славянского населения в 1958 г. палеоантропологический отряд Прибалтийской экспедиции продолжил работу на территории западных районов расселения русского народа. Было раскопано заброшенное русское кладбище г. Себежа, расположенное на песчаном холме рядом с центральной городской площадью²¹. Два века назад центр города находился в другом месте, а район кладбища представлял собой глухую окраину. Следует отметить, что на кладбище хоронили покойников не только жители самого города, но и крестьяне окрестных деревень, и, следовательно, по своему характеру оно не отличается от обычных сельских кладбищ. Датируется оно приблизительно тем же временем, что и раскопанный в 1957 г. могильник под Лудзой. Об этом говорят находки монет 1740 и 1748 гг. в могилах, расположенных на разных участках кладбища. Других предметов найдено не было, что характерно для русских кладбищ вообще.

Полученная при раскопках кладбища в городе Себеже серия состоит из 89 мужских и 76 женских черепов, принадлежащих взрослым индивидуумам. Это не первый краниологический материал с территории западных и северных районов расселения русского народа. Отдельные русские черепа с этой территории были описаны еще в середине XIX в.,

²⁰ В раскопках принимал участие директор Лудзенского краеведческого музея Я. Э. Тимосканс. Приношу ему глубокую благодарность за ценную помощь в работе.

²¹ Раскопки проводились частично на средства Себежского краеведческого музея. Приношу глубокую благодарность директору музея К. М. Громову за большую организационную помощь.

а в конце XIX в. появилась работа А. И. Таренецкого, содержащая индивидуальные измерения большой серии²². Средние по этой серии были опубликованы Г. Морантом²³.

Однако эти материалы малопригодны для детального сравнения близких типов, так как измерения проведены по устаревшей методике; кроме того, черепа получены с большой территории, на которой, по-видимому, были распространены различные антропологические типы.

Материал из Себежа гораздо более эффективен для этой цели. Средние с характеризующими их параметрами как по латгальской серии из-под Лудзы, так и по русской серии из Себежа представлены в табл. 1. Ее рассмотрение показывает, что различия в краниологическом типе латгалов и русских проявляются достаточно отчетливо по целому комплексу важных признаков. Речь идет в первую очередь о горизонтальных диаметрах черепа и черепном указателе, значение которых в качестве разграничительного критерия между близкими вариантами европеоидной расы общеизвестно, о горизонтальной профилировке лица и выступании носа, дифференцирующих типы, относящиеся к основным расовым делениям человечества, в первую очередь к монголоидному и европеоидному стволам.

Целесообразно начать обзор по признакам именно с рассмотрения величин уплощенности лицевого скелета в горизонтальной плоскости и выступления носовых костей к плоскости лица.

Назональный угол горизонтальной профилировки и в латгальской, и в русской сериях попадает в границы вариаций европеоидных групп. Различия между сериями невелики по абсолютной величине и неопределенны по направлению: мужские черепа латгальской серии имеют большую величину назонального угла, чем русские, женские группы характеризуются обратным соотношением. Поскольку половой диморфизм практически не проявляется в степени уплощенности лицевого скелета, суммирование показаний по мужским и женским группам может быть произведено без каких-либо дополнительных поправок. Обобщенная взвешенная средняя назонального угла в русской серии равна $140,9^\circ$, в латгальской — $140,6^\circ$. Таким образом, и обобщенные средние говорят об отсутствии ощутимых различий между русскими и латгальскими черепами в уплощенности верхней части лица.

В отличие от назонального, зигомаксиллярный угол позволяет дифференцировать исследуемые серии. И мужские и женские черепа латгалов характеризуются большей величиной зигомаксиллярного угла, чем русские, и, следовательно, большей уплощенностью нижнего отдела лицевого скелета. Разумеется, величина зигомаксиллярного угла в латгальской серии не выходит за пределы вариаций европеоидных групп. Однако реальность различий сама по себе не вызывает сомнений. Она сохраняется и при объединении наблюдений по мужским и женским черепам. Так, в латгальской серии суммарная средняя зигомаксиллярного угла равна $127,7^\circ$, тогда как в русской она не превышает $125,7^\circ$.

По степени выступления носа различия между латгальской и русской сериями гораздо отчетливее проявляются на женских черепах, хотя на мужских эти различия имеют то же направление. Поэтому суммирование наблюдений по обоим полам выглядит не только оправданной, но и необходимой предпосылкой дальнейшего анализа. Оно может быть произведено на основании средней величины разницы в степени высту-

²² A. Tarenetzky, Beiträge zur Craniologie der großrussischen Bevölkerung der nördlichen und mittleren Gouvernements des europäischen Russlands, Mem. de l'Acad. des Sciences de St.-Petersburg, VII ser., t. XXXII, 13, 1884.

²³ G. Morant, A preliminary classification of european races based on cranial measurements, «Biometrika», т. XX, 3—4, 1928.

Средние размеры и указатели

Пол		♂				
Группа		Русские				
Параметры		N	M	σ	m (M)	N
1. Продольный диаметр		86	178,2	7,07	0,76	45
8. Поперечный диаметр		86	145,6	5,91	0,64	46
8 : 1. Черепной указатель		86	81,7	4,46	0,48	45
17. Высотный диаметр ($ba-b$)		81	135,2	4,76	0,53	42
5. Длина основания черепа		85	100,4	4,22	0,46	42
9. Наименьшая ширина лба		87	98,1	4,82	0,52	45
32. Угол лба ($n-m$)		78	86,2	3,92	0,44	43
Надбровье (1-6 по Мартину)		86	2,77	—	—	46
40. Длина основания лица		81	97,8	5,34	0,59	41
45. Скуловая ширина		84	133,7	5,11	0,56	45
48. Верхняя высота лица		87	69,4	4,16	0,45	44
51. Ширина орбиты от mf (лев.)		84	41,7	1,91	0,21	45
52. Высота орбиты (лев.)		87	32,1	2,12	0,23	45
54. Ширина носа		85	25,5	1,94	0,21	42
55. Высота носа		88	50,7	3,17	0,34	45
Нижний край грушевидного отверстия (% антропических форм)		88	86,4	—	—	45
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)		84	5,7	1,78	0,19	44
DC. Дакриальная хорда		80	21,4	2,04	0,27	44
DS. Дакриальная высота		80	13,0	1,42	0,15	44
DS : DC. Дакриальный указатель		80	61,1	7,73	0,86	44
SC. Симотическая хорда		83	9,4	2,13	0,23	44
SS. Симотическая высота		83	4,7	1,39	0,15	44
SS : SC. Симотический указатель		83	50,4	10,66	0,17	44
72. Угол профиля лица общий		77	86,0	3,33	0,38	39
75(1). Угол носовых костей к линии профиля		77	31,5	5,67	0,65	40
77. Назомаллярный угол ($fmo-n-m$)		86	140,4	4,70	0,51	41
Зигомаксиллярный угол ($zm'-ss-zm'$)		84	125,6	4,40	0,48	41

Таблица 1

исследованных серий черепов

Латыши			♀							
Латыши			Русские				Латыши			
М	σ	т (М)	Ν	М	σ	т (М)	Ν	М	σ	т (М)
182,9	5,15	0,77	72	172,4	6,26	0,74	45	174,5	6,33	0,94
144,7	5,08	0,75	73	142,8	4,64	0,54	45	139,2	4,23	0,63
79,2	3,30	0,49	72	82,3	4,11	0,48	45	79,8	3,54	0,53
134,8	4,76	0,74	66	127,9	4,50	0,55	42	130,2	5,25	0,81
102,3	3,89	0,60	65	95,7	3,36	0,42	42	98,0	3,72	0,57
97,6	4,39	0,66	76	95,4	3,95	0,45	45	94,8	3,93	0,59
85,0	5,08	0,78	64	88,1	3,52	0,44	39	88,2	4,68	0,75
3,04	—	—	75	1,91	—	—	45	1,97	—	—
99,0	4,86	0,76	56	94,3	4,42	0,59	40	94,8	5,68	0,90
134,3	4,87	0,73	67	127,3	5,62	0,69	41	124,5	3,77	0,59
70,8	5,17	0,78	67	66,9	3,79	0,46	40	65,8	3,29	0,52
42,2	1,65	0,25	65	40,5	1,75	0,22	41	40,6	1,61	0,25
32,6	2,19	0,33	69	32,7	2,07	0,25	41	32,0	1,97	0,31
25,4	1,90	0,29	60	24,4	1,59	0,21	40	24,5	1,92	0,30
51,7	3,62	0,54	66	49,1	3,16	0,39	40	47,9	2,58	0,41
88,9	—	—	68	92,6	—	—	41	87,8	—	—
5,7	1,86	0,29	65	5,3	1,75	0,22	40	4,8	1,59	0,25
21,9	2,71	0,41	51	20,4	2,81	0,39	38	20,3	2,29	0,37
12,5	1,55	0,23	51	11,8	1,43	0,20	38	11,0	1,45	0,23
56,7	8,30	1,25	51	58,3	8,50	1,19	38	54,4	9,34	1,51
9,6	1,52	0,23	58	8,7	2,16	0,28	42	9,4	2,09	0,32
4,3	1,28	0,19	58	3,9	1,11	0,15	42	3,5	1,07	0,17
45,3	13,84	2,09	58	46,3	11,25	1,48	42	37,3	10,31	1,59
85,5	2,99	0,48	57	85,9	3,01	0,40	38	85,2	3,02	0,49
30,8	6,21	0,98	53	28,9	3,97	0,55	40	24,1	5,78	0,91
141,4	4,71	0,70	73	141,5	4,92	0,56	45	139,8	4,74	0,71
127,8	6,57	1,03	62	125,9	4,83	0,61	37	127,6	5,47	0,90

34

В. П. Алексеев

пания носа по обоим полам у 43 монголоидных и европеоидных серий, равной 3,3²⁴. Для русской серии взвешенное суммирование дает 31,8°, для латгальской — 29,1°. Таким образом, и по углу выступания носа, так же как по зигмаксиллярному углу горизонтальной профилировки, отличия латгальских черепов от русских имеют то же направление, что и отличия популяций монголоидной расы от европеоидной.

Дакриальная высота в исследуемых группах варьирует аналогичным образом. И на мужских, и на женских черепах латгалов она ниже, чем в русской серии. Естественно, что суммирование наблюдений по обоим полам не уничтожает имеющихся различий. Оно может быть произведено с использованием коэффициента полового диморфизма, равного по этому признаку 1,04 мм. В русской серии суммарная средняя равна 12,9 мм, в латгальской — 12,3 мм. Различия сохраняются и при сопоставлении величин дакриального указателя. В среднем этот указатель на мужских черепах на 2,8 единицы больше, чем на женских. Полученный с учетом этой величины дакриальный указатель в объединенной русской серии равняется 61,6, тогда как на латгальских черепах он составляет 56,9. Таким образом, высота переносья дифференцирует обе серии не менее отчетливо, чем зигмаксиллярный угол горизонтальной профилировки и угол носовых костей к линии лицевого профиля.

Дополнительную иллюстрацию этому мы получаем при рассмотрении вариаций симотической высоты и симотического указателя. Наблюдается их уменьшение на черепах латгалов. Разница по величине симотической высоты на мужских и женских черепах латгалов равна 0,50 мм, а по симотическому указателю — 5,8. При учете этих величин симотическая высота на черепах объединенной русской серии определяется в 4,5 мм, симотический указатель — в 51,1; соответствующие величины на латгальских черепах равны 4,2 мм и 44,2. Таким образом, все имеющиеся способы определения высоты переносья согласованно указывают на тенденцию к уплощенности переносья, проявляющуюся в латгальской серии.

По отношению ко всем перечисленным признакам можно утверждать, что их таксономическая значимость велика, но отдать предпочтение какому-либо из них в ущерб другим в настоящее время невозможно. Поэтому целесообразно суммировать показания по отдельным признакам в каждой из исследуемых серий и, таким образом, получить обобщенную характеристику различий между сериями и того, насколько эти различия могут считаться существенными в межгрупповом масштабе. С этой целью был выбран чисто эмпирический прием, теоретически возможный лишь при допущении равнозначности рассмотренных признаков. Прием этот прост и дает наглядные результаты. За основу сопоставления взяты данные, суммированные по обоим полам с использованием указанных поправок. Для сравнения привлечены краниологические серии армян²⁵ и тунгусов²⁶ как характерных представителей европеоидного и монголоидного расовых типов, различия между которыми практически соответствуют амплитуде колебаний антропологических признаков между крайними вариантами европеоидной и монголоидной большой рас. Результаты сопоставления представлены в табл. 2.

Разница между армянами и тунгусами по каждому признаку принята за 100,0. По всем признакам эта величина падает на тунгусскую

²⁴ В. П. Алексеев, Материалы к палеоантропологии западной Тувы, «Труды Тувинской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М.—Л., 1960. Там же приведены коэффициенты полового диморфизма признаков, отражающих высоту переносья. Все они вычислены на основании данных по тем же 43 современным сериям.

²⁵ М. Г. Абдушелишвили, Материалы к краниологии Кавказа, «Труды Ин-та экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР», т. V, Тбилиси, 1955.

²⁶ Г. Ф. Дебеч, Антропологические исследования в Камчатской области.

Таблица 2

Сопоставление русской и латышской серий по степени выраженности монголоидных особенностей

Группа	Армяне	Русские	%	Латыши	%	Тунгусы
77. Назомалярный угол (<i>fmo</i> — <i>n</i> — <i>fmo</i>)	135,7 (125)	140,9 (159)	37,7	140,6 (86)	35,5	149,5 (55)
Зигомаксиллярный угол (<i>zm'</i> — <i>ss</i> — <i>zm'</i>)	125,5 (117)	125,7 (146)	1,2	127,7 (78)	13,3	142,1 (55)
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	34,0 (111)	31,8 (130)	13,9	29,1 (80)	31,0	18,2 (43)
DS. Дакриальная высота	13,3 (128)	12,9 (131)	8,7	12,3 (82)	21,7	8,7 (55)
DS: DC. Дакриальный указатель	62,6 (128)	61,1 (131)	6,9	56,9 (82)	26,4	41,0 (55)
SS. Симотическая высота	4,7 (129)	4,6 (141)	4,2	4,2 (86)	20,8	2,3 (56)
SS : SC. Симотический указатель	55,2 (121)	51,1 (141)	17,6	44,2 (86)	47,2	31,9 (56)
Итого	0%	—	12,9	—	28,0	100%

серию. Не составляют исключения и те признаки, которые имеют наименьшие величины в монголоидных популяциях, как-то: угол выступающего носовых костей и дакриальные и симотические размеры. За полевую величину по каждому признаку принята величина его в армянской серии, не исключая и только что перечисленных носовых размеров, по которым армяне характеризуются максимальными величинами. Разница между русской и армянской и русской и латгальской сериями по каждому признаку выражается в процентах расстояния между армянами и тунгусами. Таким образом, чем выше величина процентного соотношения, представленного для русских — в третьей, а для латгалов — в пятой графе таблицы, тем больше исследуемая группа отличается от армянской и приближается к тунгусской.

Сумма процентных величин, разделенная на количество признаков, дает суммарный коэффициент, выражающий то же самое уже не по отношению к каждому отдельному признаку, а по отношению ко всему комплексу признаков.

Рассмотрение таблицы показывает, что различия между русской и латгальской сериями сохраняют свое направление и масштаб при суммировании наблюдений по отдельным признакам. Русская серия мало отличается от армянской, тогда как латгальская отклоняется от армянской почти на треть принятой за масштаб разницы между армянской и тунгусской сериями. Таким образом, по признакам, характеризующим степень монголоидности, латгальская серия заметно отличается от русской в направлении приближения к величинам, характерным для монголоидных популяций. Это основной факт, вытекающий из анализа приведенных краниологических данных.

Подтверждает ли этот факт точку зрения В. П. Якимова об отсутствии в составе населения Прибалтики монголоидной примеси²⁷? По моему, нет. Правда, если не придавать углам горизонтальной профили-

²⁷ В. П. Якимов не касается в своих работах вопросов, связанных с морфологическим типом современного населения Прибалтики. Однако представление об отсутствии примеси монголоидных элементов в его составе является закономерным и непреложным выводом концепции В. П. Якимова. Территории Латвии и тем более Эстонии отстоят достаточно далеко от путей, по которым монголоидные элементы проникли в область Восточной Европы на протяжении трех последних тысячелетий. Поэтому датировать появление монголоидного по типу населения в Латвии и Эстонии любым отрезком этого времени практически невозможно и приходится отнести его к неолитическому времени, для которого В. П. Якимов как раз и отрицает наличие монголоидной примеси.

ровки лица существенного расово-таксономического значения и считать некую уплощенность лицевого скелета свойственной и европеоидным группам, можно предполагать, что современное население Латвии связано в своем происхождении с древним населением, физический тип которого характеризовался как раз наличием такой особенности. Однако латгальская серия обнаруживает известное тяготение к монголоидному комплексу признаков не только по углам горизонтальной профилировки. По степени выступления носовых костей и высоте переносия оно еще более значительно. Так, если по данным табл. 2 подсчитать суммарный коэффициент для русской серии только по носовым размерам, он составит 10,3%. Этот же коэффициент для латгальской серии равен 29,4%. Таким образом, налицо изменение комплекса признаков, не связанных прямой функциональной зависимостью, но в то же время находящихся в тесной исторической корреляции на территории Советского Союза. Это явление вряд ли могло иметь место, если бы речь шла только о представителях большой европеоидной расы.

Далее, при допущении справедливости гипотезы В. П. Якимова следует закрыть глаза на находящиеся в нашем распоряжении соматические данные. Не повторяя аргументации, содержащейся в работе М. В. Витова, К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксарова²⁸, укажу только на закономерный характер изменчивости признаков на территории Прибалтики, опять демонстрирующих полную историческую корреляцию при отсутствии морфологической зависимости. Так, отличия восточных эстонцев и латышей от западных ничтожны по абсолютной величине, но они проявляются как раз в тех признаках, которые дифференцируют монголоидные популяции от европеоидных. Общеизвестно, что морфологическая связь между ними либо совсем отсутствует, либо практически очень мала²⁹. Как объяснить закономерный характер наблюдаемых различий по таким признакам? Независимым от присутствия монголоидной примеси параллельным возникновением специфических для монголоидной расы уклонений, как это сделано В. П. Якимовым? Но для признания подобного допущения необходимо солидное дополнительное обоснование, которого нет в работах В. П. Якимова. Да и при признании правомерности такого допущения необъясненным остается комплексный характер различий.

Таким образом, представление о наличии монголоидной примеси в составе населения Прибалтики и, в частности, в составе восточных латышей полностью соответствует имеющимся данным, тогда как противоположная точка зрения оставляет без объяснения одни факты и требует дополнительных гипотез при объяснении других.

Для сопоставления краниологического типа латгалов XVIII в. и средневекового населения могут быть использованы краниологические серии Люцинского³⁰, Нукшинского³¹ и других могильников Латгалии и Дебельского района восточной Земгалии, опубликованные Г. Кнорре³², Г. Ф. Дебецом³³, И. Лицисом³⁴ и И. В. Дайгой³⁵. Группа погребений

²⁸ М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб.

²⁹ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области.

³⁰ Люцинский могильник, «Материалы по археологии России», № 14, СПб., 1893.

³¹ Нукшинский могильник, «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», т. I, Рига, 1957.

³² G. Knorre, *Kraniologische Untersuchungen an Schädeln aus Skelettgräbern Lettgallens*. «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», XXVIII, 1930.

³³ Г. Ф. Дебец, Чарапы Люцынскага магіляніку, «Працы сэкції археолёгіі Беларускай АН», т. III, Менск, 1932; его же, Палеоантропология СССР.

³⁴ I. Līcis, *Kraniologische Untersuchungen an Schädeln altlettischer Stämme*.

³⁵ И. В. Дайга, Антропологический материал Нукшинского могильника, в кн. «Нукшинский могильник», «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», т. I, Рига, 1957.

Добельского района датируется V—VII вв., остальные — VIII—XII вв. В публикациях Г. Кнорре, Г. Ф. Дебеца и И. Лициса отсутствуют данные о величинах углов горизонтальной профилировки лица и угла носовых костей к лицевому профилю, а также дакриальных и симотических размеров и указателей, по которым производилось сопоставление латгальской и русской серий. Частично этот пробел восполнен И. В. Дайгой, определившей эти размеры на черепах, опубликованных Г. Кнорре и И. Лицисом и сохранившихся в Рижском медицинском институте, и на черепах Люцинского могильника, описанных Г. Ф. Дебецом. Однако ею исследованы не все черепа из Люцинского могильника, хранящиеся в музее Института антропологии МГУ, и, кроме того, опубликованы данные лишь по мужской серии. Поэтому мною произведено повторное измерение этих черепов. По сериям из Нукшинского могильника и могильников Лудзенско-резекненской и Яунпилбалгско-цесвайнска-прейльской групп и восточных земгалов использованы данные И. В. Дайги с небольшими поправками. Как и при сопоставлении латгальской и русской серий XVIII в. наблюдения по обоим полам суммированы с внесением соответствующих поправочных коэффициентов полового диморфизма.

Представлялось нецелесообразным отдельно рассматривать материал по каждому из этих могильников ввиду их тесной географической локализации и культурной общности. Поэтому сведения по Нукшинскому и Люцинскому могильникам и серии из Лудзенского и Резекненского районов, опубликованной Г. Кнорре, объединены. Данные И. Лициса оставлены без изменений. Таким образом, в нашем распоряжении находится материал по трем территориальным группам средневекового населения Латгалии и восточной Земгалии.

Что демонстрируют вариации углов уплощенности лица в горизонтальной плоскости и показателей выступания носа, представленные в табл. 3? Прежде всего, заметные различия в этих признаках между

Таблица 3

Сопоставление различных групп средневекового населения восточной Латвии по степени выраженности монголоидных особенностей

Группа	Лудзенско-резекненская (VIII—XI вв.)	%	Яунпилбалгско-цесвайнска-прейльская (X—XII вв.)	%	Добельская (V—VII вв.)	%
77. Назомалярный угол ($fmo-n-fmo$)	137,5 (37)	13,0	136,6 (12)	6,5	140,8 (5)	37,0
Зигмаксиллярный угол ($zm'-ss-zm'$)	124,6 (21)	—5,4	124,4 (3)	—6,6	120,0 (2)	—33,1
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	31,9 (27)	13,3	33,9 (8)	0,6	32,0 (4)	12,7
DS. Дакриальная высота	12,7 (30)	13,0	14,0 (11)	—15,2	14,6 (3)	—28,3
DS : DC. Дакриальный указатель	60,7 (30)	8,8	66,2 (11)	—16,7	64,4 (3)	—8,3
SS. Симотическая высота	4,9 (37)	—8,3	4,6 (11)	4,2	5,0 (4)	—12,5
SS : SC. Симотический указатель	49,6 (37)	24,0	45,7 (11)	40,8	56,0 (4)	—3,4
Итого	—	8,3	—	1,9	—	—5,1

средневековым и близким к современности населением восточной Латвии. Резкая выраженность европеоидных особенностей характерна для средневекового населения в гораздо большей степени, чем для латгалов и даже русских XVIII в. Если можно предполагать отсутствие преемственности между средневековым населением Дебельского района

и современными латгалами, то по отношению к населению, оставившему могильники двух остальных групп, отрицать наличие такой преемственности нет никаких оснований.

Все это наводит на мысль о том, что в формировании антропологического типа современного населения приняли участие средневековые жители той же территории, а также какие-то другие элементы, которые могли бы изменить величины рассматриваемых нами признаков в том направлении, в каком черепа латгалов XVIII в. отличаются от черепов латгалов VIII—XII вв.

При решении вопроса об этнической принадлежности этих элементов необходимо выйти за пределы рассмотрения только фактов палеоантропологии и привлечь археологические данные. В. В. Седов, анализируя материалы Нукшинского могильника, особое внимание уделяет погребениям с трупосожжением³⁶, которые встречаются и в других средневековых могильниках Латгалии. Он высказывает предположение, что погребения такого типа оставлены каким-то, по-видимому, финским племенем предшествующего времени. По аналогии с финским населением других районов севера европейской части СССР можно предполагать, что антропологический тип этого племени характеризовался наличием незначительной, но все же вполне четко фиксирующейся монголоидной примеси³⁷. Об этом же свидетельствует и небольшой, но выразительный палеоантропологический материал из неолитических погребений с ямочно-гребенчатой керамикой, оставленных, по общему мнению, древним финским населением³⁸. Распространение обычая трупосожжения среди части населения восточной Прибалтики в эпоху средневековья лишает нас возможности судить о многообразии антропологических типов, что делает попадающий в орбиту нашего исследования материал выборочным и неполным. Все же гипотеза о наличии монголоидной примеси в составе средневековых латгалов и о связи их, как и современного населения восточной Латвии с местным населением эпохи неолита, нам представляется весьма вероятной.

Суммируя все сказанное выше, можно утверждать, что:

1) В составе латгалов XVIII в. фиксируется небольшая монголоидная примесь.

2) Средневековое население восточной Латвии, по имеющимся материалам, характеризуется резкой выраженностью европеоидных особенностей и не имеет в своем составе монголоидной примеси.

3) В средневековых латгальских могильниках выделяется группа погребений с трупосожжением, которые могут быть связаны с финским долатгальским населением восточной Латвии. Есть основания утверждать, что антропологический тип населения, оставившего погребения с трупосожжением, характеризовался наличием монголоидной примеси.

4) Антропологический тип латгалов XVIII в. сформировался на основе антропологических типов средневекового населения восточной Латвии как летто-литовского, так и финского происхождения. Связь его с антропологическими типами, бытовавшими на этой территории в эпоху неолита, весьма вероятна.

³⁶ В. В. Седов, Рецензия на книгу «Нукшинский могильник», «Сов. археология», 1959, № 1.

³⁷ В. В. Седов, Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XV, 1952.

³⁸ А. Я. Брюсов, Указ. раб.

SUMMARY

An analysis of craniological materials from the territory of the Baltic shows that there was a slight Mongoloid admixture among the 18th century Latgalians. The medieval population of Eastern Latvia (8th-12th centuries) was, on the contrary, characterized by prominent Europeoid features. Among the medieval Latgalian burials, however, there stands out one group in which the bodies were cremated, which may be traced to the pre-Latgalian, Finnish population of Eastern Latvia. There are grounds to believe that the anthropological type of the population which left this group of burials was characterized by a Mongoloid admixture.

The anthropological type of 18th century Latgalians was formed on the basis of the anthropological types of the medieval population of Eastern Latvia — both of Letto-Lithuanian and Finnish origin. Its connection with the anthropological types which existed on this territory in the Neolithic period is highly probable.

В. Р. КАБО

ИСКУССТВО ПАПУАСОВ В ТРУДАХ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ *

Советский народ справедливо гордится великим русским этнографом Николаем Николаевичем Миклухо-Маклаем. Неутомимый путешественник и кропотливый исследователь, он побывал в местах, куда до него не ступал ни один ученый мира. Он первый из этнографов посетил Новую Гвинею. Прожив среди жителей острова в общей сложности более трех лет, великий ученый-туманист изучил и ярко описал быт и культуру папуасов, тесно сочетая эту деятельность с борьбой против дискриминации незащищенных аборигенов Океании, резко выступая против шовинизма и расизма. Заслуга Миклухо-Маклая заключалась в том, что он, будучи бескорыстным борцом за права угнетенных народов и опираясь на передовую науку, на основе огромных полевых наблюдений сумел обосновать и доказать, что народы Океании такие же полноценные люди, как и все народы земного шара, а их отсталость вызвана лишь историческими условиями жизни.

Наряду с зоологическими, географическими, метеорологическими, антропологическими и этнографическими исследованиями в трудах Миклухо-Маклая особое место занимают искусствоведческие работы, являющиеся ценным дополнением к его этнографическим наблюдениям. В частности, следует отметить такие статьи, как «Первое пребывание на Берегу Маклая на Новой Гвинее»¹, «Третье посещение Берега Маклая»², «Первое посещение южного берега Новой Гвинее»³, «Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее» и «Следы искусства у папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее»⁴. Наконец, нельзя не отметить тщательно собранные Н. Н. Миклухо-Маклаем рисунки, эскизы, факсимиле (всего 700), портреты аборигенов Океании, изображения их жилищ, орудий труда, одежды, украшений, татуировки, орнамента⁵. Это своеобразный художественный дневник пребывания Миклухо-Маклая в Океании. Еще больший интерес представляют антропологические и этнографические коллекции, достоверно и точно отражающие хозяйство, орудия, утварь, одежду, украшения, оружие и верования жителей Океании. Эти материалы представляют огромную научную ценность и свидетельствуют о том, что неутомимый путешественник и ученый, благодаря своей исключительной целеустремленности и настойчивости, сумел внести огромный вклад в сокровищницу мировой науки. Бесспорно, рисунки и коллекции — огромное подспорье в деле глубокого осмысливания обычаев, быта и культуры современных народов Океании.

* Статья является переработанным текстом доклада, прочитанного на юбилейном заседании Ин-та этнографии АН СССР в Ленинграде, посвященном 70-летию со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая.

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., М.—Л., 1950—1954, т. I, стр. 73—314

² Там же, т. II, стр. 582—595.

³ Там же, стр. 535—558.

⁴ Там же, т. III, ч. I, стр. 52—125.

⁵ Там же, т. V.

Не претендуя на исчерпывающее освещение проблемы искусства народов, исследованных Миклухо-Маклаем, автор данной статьи попытался на основе его трудов и некоторых зарубежных источников проследить характер и особенности искусства папуасов Новой Гвинеи.

* * *

В первые же месяцы своего пребывания на Новой Гвинее Н. Н. Миклухо-Маклай почувствовал все неповторимое своеобразие культуры папуасов и, будучи разносторонним и чутким исследователем, не мог не обратить внимания на их изобразительное искусство и по достоинству его оценить. И действительно, Новую Гвинею, наряду с Тропической Африкой и северо-западной Америкой, можно рассматривать как один из трех наиболее выдающихся центров изготовления примитивной деревянной скульптуры. Украшение утвари и оружия резным орнаментом, часто раскрашенным, здесь встречается чаще, чем в какой-либо другой части мира. На всем пространстве огромного острова немного найдется изделий бытового или ритуального назначения, не украшенных декоративной резьбой⁶. Круглая скульптура выделяется лишь в некоторых районах, один из этих районов — Берег Маклая.

«Я собирал с особым интересом все, что можно назвать зачатками искусства у папуасов, — пишет Миклухо-Маклай, — или, по крайней мере, срисовывал возможно более точно все, не исключая простейших и самых обыкновенных орнаментов. Я делал это главным образом на том основании, что обитатели моего берега жили еще в каменном веке, в состоянии, которое встречается с каждым годом где бы то ни было все реже и постепенно исчезает»⁷. «Я взял на себя труд зарисовывать положительно все орнаменты, которые мне где-либо встречались»⁸. «Даже беглый набросок может дать лучшее представление, чем подробное описание»⁹. «Рисовал, что приходилось: и хижины, и пироги, делал и портреты, снимал факсимиле с разных папуасских орнаментов»¹⁰. Миклухо-Маклай собрал ценную коллекцию папуасских орнаментов, зарисовывал не менее двадцати телумов. Рисовал он и татуировку, и украшения. Он был талантливым художником, и его рисунки имеют большую научную ценность.

Немало трудностей преодолел Миклухо-Маклай при собирании и перевозке своих ценнейших этнографических коллекций; нелегким было приобретение телумов — деревянных и глиняных антропоморфных изображений с Берега Маклая¹¹.

Миклухо-Маклай интересовался искусством папуасов потому, что они, как он пишет, «сохранились до наших дней в периоде каменного века, одном из самых первобытных состояний цивилизации. Это и было главной причиной, побудившей меня сохранить для истории искусства точную копию его первых проявлений... Эти первые фазисы развития искусства не ускользнули от моего внимания»¹².

⁶ L. A d a m, *Primitive Art*, Melbourne, 1954, стр. 134.

⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее*, Собр. соч., т. III, ч. I, М.—Л., 1951, стр. 94.

⁸ Там же, стр. 95.

⁹ Там же, стр. 100.

¹⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. I, 1950, стр. 286.

¹¹ Н. А. Бутинов, *Рисунки и коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая*, см.: Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. V, М.—Л., 1954, стр. 419—429. Воспроизведение художественных предметов из коллекций Н. Н. Миклухо-Маклая см.: Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. V.

¹² Н. Н. Миклухо-Маклай, *Следы искусства у папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее*, Собр. соч., т. III, ч. I, 1951, стр. 119.

В своих рисунках, описаниях и, наконец, этнографических коллекциях с Берега Маклая Н. Н. Миклухо-Маклай дает ценный материал для изучения целой этнографической области, искусство которой обладает рядом особенностей, специфическим стилем. На Новой Гвинее известно несколько этнографических областей, искусству которых свойственны свои особые стилистические черты и техника, свои формы; Берег Маклая является одной из таких областей, одним из центров папуасского искусства¹³.

«Различные районы обнаруживают совершенно различные типы изделий и орнамента. Большое число таких ареалов можно легко наметить на Новой Гвинее и ближайших островах. Эти ареалы так различаются по характеру, что можно без труда сказать, откуда происходит тот или иной орнаментированный предмет»¹⁴.

Однако почти во всех работах¹⁵, где искусство Новой Гвинее рассматривается по этнографическим областям, залив Астролябии и Берег Маклая как самостоятельная зона своеобразного искусства не выделяются. Обычно указывают в качестве таких зон на две смежные области — долины рек Сепик и Раму на западе и залив Юон — на востоке. Судя по материалам Миклухо-Маклая, следует и Берег Маклая от залива Астролябии до залива Юон выделять как самостоятельную «художественную провинцию».

В работе «Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая» и в статье «Следы искусства у папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее» Миклухо-Маклай все произведения искусства папуасов (пластику, резьбу, рисунки) делит на три категории.

1. «Орнаменты в собственном смысле слова, которые вырезаются или рисуются ради них самих и представляют только украшение и больше ничего»¹⁶, т. е. искусство бытовое.

2. Орнаменты и рисунки, представляющие зачатки образного, картинного или идеографического письма, пиктографии (коммуникативная или информационная функция искусства).

3. Орнаменты и скульптура, связанные с религиозными идеями, т. е. искусство культовое.

Эта классификация Миклухо-Маклая до сих пор остается наиболее плодотворной для изучения произведений искусства культурно отсталых народов. Она лишена вводящих в заблуждение крайностей, которыми отмечены некоторые работы по искусству этих народов, преувеличивающие роль и значение какой-либо одной его стороны. В качестве примера можно указать на книгу Э. Стефана «Искусство Океании»¹⁷, где все декоративное искусство меланезийцев сведено к «изображению природы», или на книгу современных австралийских этнографов Элькина и супругов Берндт «Искусство в Арnhemленде»¹⁸, в которой, напротив, преувеличена роль другой стороны «примитивного» искусства — связанной с мифом, ритуалом и магией¹⁹.

¹³ Первым опытом подразделения Новой Гвинее на «художественные провинции» была работа Хэддона: A. C. Haddon, The Decorative Art of British New Guinea, Dublin, 1894. На этнографические области в Новой Гвинее указывал Ф. Лушан, см.: Beiträge zur Ethnographie von Neu-Guinea, в книге: M. Krieger, Neu-Guinea, Berlin, 1899. Из новых работ см.: R. Linton and P. S. Wingert, Arts of the South Seas, N. Y., 1946 и S. Kooyman, De Kunst van Nieuw-Guinea, Haag, 1956.

¹⁴ A. B. Lewis, Decorative Art of New Guinea, Incised Designs, Chicago, 1925, стр. 1.

¹⁵ За исключением работ К. Прейсса, Ф. Шпейзера, о которых будет сказано ниже, и новой работы Т. Бодрог.

¹⁶ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 94.

¹⁷ E. Stephan, Südseekunst, Berlin, 1907.

¹⁸ A. Elkin and R. a. C. Berndt, Art in Arnhem Land, Melbourne, 1950.

¹⁹ Термин «примитивное» по отношению к искусству народов Океании может употребляться только в сравнительно-историческом смысле. По существу же оно далеко не примитивно.

Будучи объективным, осторожным в выводах и в то же время проницательным наблюдателем, Миклухо-Маклай сумел различить в искусстве папуасов три его основные и характерные стороны: искусство как творческий процесс, удовлетворяющий глубоким эстетическим потребностям художника и допускающий известную свободу в границах традиции и технических возможностей; искусство как мнемоническое средство, как средство сохранения памяти о событиях, как способ фиксации и передачи мыслей и впечатлений, как начало письменности и, наконец, искусство как выражение сложного мирозерцания, в котором ранние формы религиозной идеологии занимают значительное место. Искусство у папуасов связано со всеми видами деятельности — производительной, религиозной и т. д. Функции его в общественной жизни Миклухо-Маклай старался раскрыть.

С. Н. Замятин в одном из своих выступлений высказал мысль, что все дело в роли первобытного искусства. Мы никогда не поймем первобытного искусства, если оторвем его от целей, которым оно служило. К этому можно добавить, что роль и значение первобытного искусства могут быть раскрыты только при помощи сравнительно-этнографического метода, что на помощь археологии должна прийти этнография и что здесь особенно важны для нас наблюдения, подобные наблюдениям Миклухо-Маклая, который не только удачно систематизировал искусство папуасов, но и за каждой группой своей системы искал социальный контекст. Ему важно было выяснить роль искусства в общественной жизни, трудовой деятельности, ритуале. Отсюда путь к правильному пониманию первобытного искусства в его органической связи с трудовой практикой коллектива.

Потребность в искусстве, потребность в эстетическом пронизывает собою все, что выходит из рук папуасов, всю их материальную культуру, и нельзя отказать папуасским мастерам в большом художественном вкусе. Орудия труда, оружие для них тоже являются предметом искусства; например, резные топорища, разрисованные или плетеные щиты, стрелы, копья и т. д. Красиво и тонко вырезанные и разнообразные формы деревянных или бамбуковых наконечников стрел, сочетание черного, белого и красного в их раскраске — все это свидетельствует о незаурядных художественных задатках, о вкусе, о подлинном мастерстве. Великолепна и бесконечно разнообразна резьба на древках деревянных копий, на изделиях из бамбука, на деревянных мужских поясах, на браслетах из черепахи, на сосудах из кокоса. Вариации в деталях бесконечны и открывают широкий простор творческой фантазии мастера²⁰. И все это делалось людьми, не имевшими металлических орудий, а только каменные, костяные, раковинные, из острых зубов животных, из кабаньих клыков. Поэтому нас восхищает искусство папуасов, и мы относимся с уважением к замечательному мастерству папуасских художников.

Миклухо-Маклай видел, что это мастерство в известной мере обусловлено орудиями труда папуасов, и обратил на них свое пристальное внимание. Он изучил и классифицировал их. Знаменательно, что, когда он писал об искусстве папуасов, он писал и об орудиях труда. «С помощью этих первобытных орудий папуасы умели строить прочные и удобные жилища, отделывать и украшать пироги и... находили удовольствие посвящать длинные часы досуга украшению оружия, домашней утвари и пр. ...В условиях первобытного общества характер орнамента по необходимости более всего зависит от имеющегося в распоряжении

²⁰ Орнаменты на древках стрел в каталоге Л. Биро называются «знаками собственности» («Eigentumsmarken»); см.: L. B i r o, Beschreibender Catalog der ethnographischen Sammlung Ludwig B i r o's aus Deutsch-Neu-Guinea, Budapest, 1901, стр. 70, 130 и далее. Обсуждение этого интересного вопроса увело бы нас от темы.

материала»²¹. «Степень развития искусства у папуасов менее зависит от воображения и способности работника, чем от орудия, которое он употребляет: найдя около моей хижины несколько кусков стекла от разбитой бутылки, папуасы быстро открыли особенности, отличающие стекло от кремня, и тотчас воспользовались им для придания рисункам большего разнообразия и тонкости»²².

Миклухо-Маклай убедился, что орнаменты зависят в значительной степени «от материала объекта, на который их наносят и который они должны украшать, и от инструментов, которыми они воспроизводятся». Так как много орудий и утвари делается из бамбука и тростника и так как «гладкая поверхность бамбука и тростника особенно пригодна для нанесения прямолинейного орнамента, поэтому прямолинейность и составляет характерную особенность большинства папуасских орнаментов. Эта особенность зависит, однако, вполне от свойств материала»²³. На деревянных изделиях вырезаются узоры иного стиля — из кругов и волнистых линий. Это — табиры (деревянные сосуды), копы, барабаны, лодки, детали хижин. Рисунок сначала грубо вырубается каменным топором, а затем отделяется при помощи острых осколков кремня. Миклухо-Маклай обратил внимание также на орнаментацию глиняных сосудов на Берегу Маклая²⁴.

Большое научное значение имеет открытие примитивной пиктографии у папуасов²⁵.

Пиктография в настоящее время хорошо известна и изучена у многих народов Сибири, Америки и других. Однако у папуасов она, насколько мне известно, после Маклая специально никем не изучалась. Пиктографию и мемориальное, т. е. служащее целям запоминания, искусство изучал Хэддон, однако новогвинейский материал он в этом случае не использовал²⁶. Прейсс указывает на то, что орнаменты и узоры татуировки папуасов имеют особое значение, и их можно рассматривать как своего рода письменность, хотя имеется много трудностей для ее понимания²⁷. Не форма, а именно значение является наиболее интересным и существенным в этом виде искусства²⁸. «Орнамент папуасов представляет собою род письменности, выражения идей»²⁹. Санде приводит рисунок папуасской военной лодки с экипажем, сделанный в воспоминание об успешной военной экспедиции. Он пишет, что папуасы называли письменность словом «ане», которым обозначался нарисованный или вырезанный орнамент. Подобно этому папуасы Берега Маклая говорили «Маклай негрэнгва» и когда он писал, и когда рисовал³⁰. Ссылаясь на Хэддона³¹, Санде пишет, что «настоящее изобразительное письмо — пиктография, т. е. последовательный рассказ о событиях при помощи серии рисунков, у папуасов еще не появилось»³². Однако и Миклухо-Маклай говорил лишь о «зачатках примитивного образного письма».

«Многие рисунки, сделанные цветной глиной, углем или известью на дереве и коре и представляющие грубые изображения, приводят к поразительному открытию, что папуасы Берега Маклая дошли до идео-

²¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 120.

²² Там же, стр. 123.

²³ Там же, стр. 95.

²⁴ Там же, т. II, стр. 592; т. IV, стр. 425.

²⁵ Я. Я. Рогинский и С. А. Токарев, Н. Н. Миклухо-Маклай как этнограф и антрополог см. Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, стр. 705.

²⁶ A. C. Haddon. *Evolution in Art*, London, 1895.

²⁷ K. Th. Preuss, *Künstlerische Darstellungen aus Kaiser-Wilhelms-Land in ihrer Bedeutung für die Ethnologie*, «Zeitschrift für Ethnologie», т. 29, Berlin, 1897, стр. 82—83.

²⁸ A. C. Haddon, *The Decorative Art of British New Guinea*, 1894, стр. 274.

²⁹ G. Van der Sande, *Nova Guinea*, III, Leyden, 1907, стр. 283—284.

³⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. I, стр. 126.

³¹ A. C. Haddon, *The Decorative Art of British New Guinea*, стр. 65.

³² G. Van der Sande, Указ. раб., стр. 286.

графического письма, хотя и очень примитивного. Почти все рисунки, виденные мною, относятся к этой категории... В соседней деревне Бонгу я нашел на фронте буамбрамы (мужского дома.— В. К.) ряд щитов... Эти щиты были украшены грубыми рисунками наподобие иероглифов, изображавшими рыб, змей, солнце, звезды и т. п. В других деревнях я также видел на стенах некоторых хижин рисунки, сделанные красной и черной краской; встречал подобные же фигуры на стволах деревьев в лесу, вырезанными на коре, но вследствие их простоты и в то же время разнообразия еще менее понятные. На широком дощатом крае больших лодок, приходивших с Били-Били, Ямбомбы и с о-вов архипелага Довольных людей, я тоже часто видел нарисованные и вырезанные фигуры в том же роде. Все эти изображения не служили, по-видимому, орнаментами в тесном смысле этого слова; однако их значение оставалось для меня неясным, пока однажды, много месяцев спустя, я не получил неожиданно разрешения загадки во время одного моего посещения Били-Били. Здесь, по случаю спуска двух больших лодок, над которыми туземцы работали несколько месяцев, был устроен праздничный пир. Когда он близился к концу, один из присутствовавших молодых мужчин вскочил, схватил уголь и начал рисовать ряд примитивных фигур на толстой балке, лежавшей неподалеку на площадке... Две первые фигуры, нарисованные туземцем, должны были изображать две новые лодки... Затем следовало изображение двух зарезанных для пира свиней, которых несли мужчины привязанными к палке. Далее было показано несколько больших табаров, соответствовавших числу блюд с кушаньями, которые были предложены нам в этот день. Наконец была изображена моя шлюпка, отмеченная большим флагом, две большие парусные лодки с о-ва Тиара и несколько малых пирога без парусов... Эта группа должна была изображать присутствовавших на обеде гостей»³³. Подобные изображения — зачатки примитивного образного письма. Их значение непонятно людям, которые не были участниками данного события. Миклухо-Маклай отмечает условность, символический характер этих рисунков: например, гробнем с пучком перьев изображался полноправный мужчина (тамо) в отличие от молодых людей (маласси), не носящих этого украшения, и т. д. Этими изображениями не ограничиваются мнемонические средства папуасов Берега Маклая, есть и другие, но они уже не имеют отношения к искусству³⁴.

Символика примитивного папуасского искусства привлекла внимание Миклухо-Маклая. Он очень заинтересовался этой обнаруженной им стороной искусства папуасов и воспроизводил ее в своих факсимиле³⁵.

Во время одной из экскурсий в лесу, довольно далеко от деревни, Миклухо-Маклай обнаружил фигуры, вырезанные на дереве³⁶. В другой раз, тоже в лесу, на берегу реки, Маклай снова увидел несколько фигур, вырубленных топором на древесном пне³⁷. И, наконец, был еще один случай, описанный Маклаем: «В одном месте лежал толстый ствол упавшего дерева... На стороне, обращенной к деревне, было вырублено несколько иероглифических фигур, подобных тем, которые я видел в русле реки на саговом стволе, но гораздо старше последних. Эти фигуры на деревьях, как и изображения в Бонгу и на пирогах Били-Били, заслуживают внимания, потому что они представляют собою не что иное, как начатки письменности, первые шаги в изобретении идеографического

³³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 97—98.

³⁴ Там же, стр. 99—100.

³⁵ См.: Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. V, стр. 59; изображение мужчины и женщины кремнем на бамбуке.

³⁶ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. I, стр. 214.

³⁷ Там же, стр. 225.

письма. Человек, рисовавший углем или краской, или вырубавший топором свои фигуры, хотел выразить свою мысль, изобразить какой-нибудь факт. Эти фигуры не служат уже простым орнаментом, а имеют абстрактное значение... Знаки на деревьях имеют грубые формы, состоят из нескольких линий; их значение, вероятно, понятно только для вырубавшего их и для тех, которым он объяснил смысл своих иероглифов»³⁸.

Замечательно, что у папуасов были обнаружены знаки, вырезаемые на деревьях — так называемые дендроглифы, — имеющие определенное значение, как и у австралийцев Нового Южного Уэльса и Южного Квинсленда, где эти знаки на деревьях относились к церемониям инициации (бора) или к погребальному ритуалу³⁹. Австралийские дендроглифы до сих пор трактуются как образцы искусства, в лучшем случае, как тотемические символы. Сообщение о начатках письменности в Австралии (наиболее ранние из которых появляются в 70-х годах прошлого века) ограничиваются так называемыми «посланныческими жезлами», или «палочками-письмами». Интуиция Миклухо-Маклая указывает новый путь и к изучению австралийских дендроглифов.

С самого начала своего пребывания на Берегу Маклая, как видно из дневника 1871—1872 гг., Миклухо-Маклай проявил большой интерес к телумам, которых он искал в каждой деревне, описывал, зарисовывал и коллекционировал. Телумами на наречии деревни Бонгу называются «сделанные из дерева, реже из глины, изображения человеческих фигур обоего пола... В Энглам-Мана я нашел своеобразный телум, представлявший человеческое тело с головой крокодила, на которую была надета в виде шляпы черепаха... Каждый телум, а их во всякой деревне имелось несколько, носит свое особое название... В некоторых горных деревнях я нашел большие камни, почитаемые как телумы... Я много раз наблюдал различные стадии изготовления этих фигур»⁴⁰.

Миклухо-Маклай один из первых обратил внимание на связь искусства папуасов с культом мертвых, на корвары северо-западных папуасов, где эта связь порою наглядно выражена в сочетании скульптуры с подлинным человеческим черепом⁴¹, и высказал вполне правильное предположение о близости корваров к телумам Берега Маклая — близости, выраженной в аналогичной функции их в культе.

В вопросе о телумах⁴² до сих пор много неясного. Финш, Хаген и другие авторы полагали, что эти фигуры представляют собою изображения почитаемых предков. Изредка, по сообщению очевидцев, для этих изображений устраивался пир, закалывали свиней, собак, приносили кокосовые орехи; женщины при этом не участвовали⁴³.

По Шпейзеру, художественным изделиям северного берега Новой Гвинеи от залива Астролябии до залива Юон присущ определенный стиль, который он называет стилем Тами (по названию одного из островов в заливе Юон)⁴⁴. Для телумов этого стиля характерен, между прочим, массивный наголовник, хорошо видный на экземплярах из кол-

³⁸ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. I, стр. 235.

³⁹ Д'Албертис (L. D'Albertis, New Guinea, London, 1880, т. II, стр. 66) и Томсон (J. Thomson, British New Guinea, London, 1892, стр. 154) сообщают о виденных ими изображениях, вырезанных на коре живых деревьев, на реке Флай, на юге Новой Гвинеи.

⁴⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 100—102.

⁴¹ Корвар (иногда лишут: Kogowaar) — хранилище черепа предка и, по поверию папуасов, вместилище его души.

⁴² Иногда лишут: schulum, silum.

⁴³ L. Bigo, Beschreibender Catalog..., 1901, стр. 196. Здесь имеется изображение телума из Бонгу, такого же, как в коллекции Миклухо-Маклая (№ 168—38).

⁴⁴ F. Speiser, Über Kunststile in Melanesien, «Zeitschrift für Ethnologie», т. 68, вып. 4/6, Berlin, 1937, стр. 330—335. Об этом писали уже Прейсс (в названной выше работе 1897 г.) и Нейхаусс (Neuhäuss, Deutsch-Neu-Guinea, Berlin, 1911, т. I, стр. 339).

лекций Маклая. Эти цилиндрические или конусообразные наголовники могут быть воспроизведением своеобразных головных уборов, встречающихся здесь, на северном берегу Новой Гвинеи, именно — корзинок или коробок из тапы для волос. По Финшу и Биро, эти головные уборы указывали на богатство его владельца и служили отличительным признаком вождя (*Häuptlingswürde*)⁴⁵. Солоставление наголовников на телумах и головных уборов, которые носили какие-то избранные люди, является гипотетическим. Но эта гипотеза могла бы пролить некоторый свет на загадку телумов и их происхождение. К сожалению, общественный строй папуасов северо-восточной Новой Гвинеи слабо изучен. Однако существование родовых старейшин, даже вождей деревень, власть стариков и знахарей у некоторых групп, начатки имущественного неравенства у папуасов неоднократно отмечались⁴⁶. Сообщалось и о существовании тайных культов, в которых телумы, несомненно, играют какую-то роль. Зарождающееся социальное расслоение отражено в культе предков. Возможно, телумы воплощают эту тенденцию.

Эта гипотеза, однако, встречается с некоторыми затруднениями, вытекающими из сложности религиозного мировоззрения папуасов. Следует считать с наличием телумов женского пола. И затем телумы трактованы часто настолько фантастично, что переносят нас в мир совершенно превратных, религиозных идей и представлений, где стираются все грани между человеческим и сверхъестественным.

Выше упоминались резные деревянные мужские пояса из коллекций Миклухо-Маклая с антропоморфными изображениями с южного берега Новой Гвинеи. Следует сказать, что изображение стилизованного лица характерно для залива Папуа, и оно пронизывает здесь все декоративное искусство, встречаясь на всевозможных изделиях как бытового, так и в особенности культового или ритуального назначения (гуделках, мемориальных щитах из мужских домов и т. д.). Характерно, что этот орнамент украшает предметы только мужского обихода. Возможно, он является апотропеическим (устрашающим) символом, связанным с мужскими домами и мужскими культами (а в Меланезии, где он тоже встречается, — с мужскими союзами). Интересно, что он проник и в северную Австралию вместе с некоторыми другими элементами материальной культуры. В Музей антропологии и этнографии (Ленинград) недавно поступила гуделка из Гроот Эйландт (залив Карпентария) (№ 6254—3) с антропоморфным изображением того же стиля, который широко распространен в заливе Папуа.

Миклухо-Маклай писал, что целью его посещения южного берега Новой Гвинеи было «желание ознакомиться с туземцами этого берега для сравнения их с теми, которых он уже знал и имел возможность наблюдать на Берегу Маклая и на берегу Папуа-Ковий»⁴⁷. В частности, он обратил особенное внимание на татуировку мужчин и женщин, которая также является предметом изобразительного искусства⁴⁸. Он писал: «Татуировка представляет значительный интерес для этнолога: во-первых, потому, что известные орнаменты переходят как бы по наследству, от одного поколения к другому и характеристичны для известной местности; при переселении туземцы вместе с языком и физическими особенностями переносят также и татуировку в место своего нового жительства, почему на орнаменты татуировки и всю операцию,

⁴⁵ L. Biro, *Beschreibender Catalog...*, 1899, стр. 6.

⁴⁶ С. А. Токарев и Я. Я. Рогинский. Н. Н. Миклухо-Маклай как этнограф и антрополог, см. Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. II, стр. 701—704.

⁴⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, стр. 535.

⁴⁸ Здесь, на южном берегу, он приобрел для своей коллекции инструменты для татуировки: «кин» — палочка или стебель с острым шипом и «беу» — небольшой молоток.

сопряженную с нею, путешественник должен обращать полное свое внимание: во-вторых, именно против татуировки миссионеры ведут ожесточенную войну и по мере распространения христианства обычай этот постепенно исчезает, а с ним вместе и важный этнологический материал. Я счел поэтому положительно своей обязанностью делать точные замечания о ней, причем, разумеется, рисование орнаментов было необходимо... Я принялся за рисование татуировки и очень аккуратно продолжал это делать при каждом удобном случае»⁴⁹. Он обратил внимание, что «мужчины мало татуированы, так как у них татуировка связана с убийством врага; женщины же все покрыты разнообразными и оригинальными фигурами», сообразно их возрасту⁵⁰. «Взглянув на мужчину-туземца, можно по его татуировке определить, сколько убил он людей... Женщины татуируются с детства до старости»⁵¹. Фигуры татуировки имеют особые названия. Миклухо-Маклай пишет, что он «стал сомневаться, чтобы операция эта могла быть сопряжена со значительной болью», и решил сам испытать ее на себе⁵². Он хотел видеть все церемонии, которые сопровождают операцию «ало-ало» (татуировку). У одной женщины, лет 20 или 22, которую встретил здесь Маклай, «положительно вся поверхность тела, ото лба до ногтей ног, была покрыта разными фигурами татуировки». Другая даже «сбрила себе волосы на голове, чтобы нататуировать на ней несколько орнаментов»⁵³.

В физическом типе туземцев южного берега Новой Гвинеи Миклухо-Маклай обнаружил полинезийскую примесь. Естественно было предположить, что и в татуировке наколами, которая здесь практикуется, сказалось влияние полинезийской культуры. «Примесь полинезийской расы, оказавшая влияние на антропологический *habitus* туземцев-папуасов, отразилась также и на их обычаях. Несомненно, полинезийцы, быть может, случайно занесенные на южный берег Новой Гвинеи, ввели между туземцами, например, обычай татуирования, на который я обратил особое внимание»⁵⁴.

На Берегу Маклая, на севере Новой Гвинеи, Миклухо-Маклай наблюдал иной тип татуировки: на плечах и груди у женщин, на руках и ногах мужчин «был выжжен ряд пятен, которые отличались своим более светлым цветом от остальной кожи»⁵⁵. Эти светлые пятна на темной коже выжигались небольшими кусками горящей древесной коры или раскаленным камнем⁵⁶. В «Этнологических заметках о папуасах Берега Маклая» он писал: «Здесь папуасы не знают татуировки, а выжигают рубцы»⁵⁷.

Миклухо-Маклаю удалось установить, что татуировка наколами, которую он встретил на южном берегу Новой Гвинеи, характерна именно для Полинезии, тогда как в Меланезии, на тех островах, где он был (кроме Новых Гебрид), он наблюдал совершенно другие способы татуировки — мелкими надрезами осколком обсидиана⁵⁸.

Итак, Миклухо-Маклаю удалось проследить, что татуирование ожогами встречается на берегу Маклая и в других частях Новой Гвинеи, а наколами — в Полинезии, на Новых Гебридах и на юго-восточном берегу Новой Гвинеи⁵⁹.

⁴⁹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, стр. 542.

⁵⁰ Там же, стр. 541, 546.

⁵¹ Там же, стр. 661.

⁵² Там же, стр. 547.

⁵³ Там же, стр. 551.

⁵⁴ Там же, стр. 660.

⁵⁵ Там же, т. I, стр. 239.

⁵⁶ Там же, стр. 248.

⁵⁷ Там же, т. III, ч. I, стр. 82.

⁵⁸ Татуировка наколами встречается также в северо-западной Новой Гвинее (G. Van der Sande, Nova Guinea, т. III, 1907, стр. 49); но и здесь можно предполагать постороннее влияние.

⁵⁹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 429.

Современные исследования групп крови подтвердили правильность взгляда Миклухо-Маклая, т. е. наличие примеси полинезийских и меланезийских элементов у населения Папуа и Территории Новая Гвинея. Примесь полинезийских элементов обнаружена на востоке Новой Гвинеи, в Новой Британии и Новой Ирландии⁶⁰.

В Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР хранится немало прекрасных, оригинальных, нередко уникальных образцов искусства многих народов — полинезийская резьба по дереву, африканская деревянная скульптура, центрально- и южноамериканская керамика, маски из Меланезии и Северной Америки, бронза Бенина, прикладное искусство папуасов Новой Гвинеи и многое другое. Все это раздвигает обычные тесные рамки представлений о мировом искусстве. Пример Миклухо-Маклая показывает, как необходимо изучение искусства этих народов, пробуждение широкого общественного интереса к их замечательной культуре.

SUMMARY

The great Russian ethnographer N. N. Miklukho-Maklai devoted many of his articles to a scientific description and analysis of the art of the Papuans. During his sojourn in New Guinea Miklukho-Maklai accumulated a large, priceless collection of authentic works of Papuan art and made many sketches of the sculptural relics, specimens of decorative designs, tattoo patterns, etc. The classification of the Papuan works of art advanced by Miklukho-Maklai has to this day remained the most conducive form of studying the art of the culturally backward peoples.

Basing himself on the works of N. N. Miklukho-Maklai and also drawing on other sources, the author of the present article tries to characterize the main elements and specific features of the art of the New Guinea Papuans.

⁶⁰ «Oceania», Sidney, 1956, т. 27, № 1, стр. 56—63.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Г. Ф. ДЕБЕЦ

О ПУТЯХ ЗАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ПОЛОСЫ РУССКОЙ РАВНИНЫ И ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

С полным основанием можно считать установленным, что северная полоса Русской равнины и восточная Прибалтика были заселены только в эпоху мезолита¹. Этот вывод основывается на данных о возрасте древнейших археологических памятников этой территории. Только на востоке Русской равнины следы пребывания человека, относящиеся к эпохе позднего палеолита, доходят до 58° и даже до 62° с. ш.² Высказывалось мнение о существовании в Прикамье и более древних (мустьерских) памятников, но оно основано на единичной находке, стратиграфическое положение которой устанавливается лишь предположительно³.

Представление о том, что территория северо-западных областей РСФСР, а также прибалтийских республик, Финляндии и скандинавских стран не была заселена в эпоху позднего палеолита, полностью соответствует палеогеографическим данным. В эту эпоху территория, о которой идет речь, была покрыта льдами последнего оледенения. Можно, правда, предположить, что человек ранее уже обитал в этих местах. По палеоботаническим данным, в эпоху климатического оптимума, предшествовавшего последнему оледенению, широколиственные леса доходили до Белого моря⁴. Но в это время, соответствующее ашэльскому периоду археологической классификации, человек, по-видимому, еще не проникал так далеко на север. Существует, впрочем, другое мнение, согласно которому ашэльский период предшествовал не последнему, а максимальному оледенению⁵. Но этот взгляд на соотношение ледниковых эпох с этапами развития палеолитической культуры неразрывно связан с концепцией единого ледникового периода, с представлением об

¹ См., напр., «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР». М., 1956, стр. 47.

² М. В. Талицкий, Палеолитическая стоянка на р. Чусовой, «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», № 6—7, М.—Л., 1940; Б. Гуслицер и В. Канивец, Человек ледниковой эпохи, газ. «Красное знамя» (г. Сыктывкар), № 269, 13 ноября 1960; А. Чернов, Под 62-м градусом северной широты найдена стоянка человека древнего каменного века, газ. «Советская Россия», № 274, 22 ноября 1960.

³ В. И. Громов, Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР, «Труды Ин-та геологических наук», вып. 64, М., 1948, стр. 288.

⁴ В. П. Гричук, Основные результаты микропалеоботанического изучения четвертичных отложений Русской равнины, «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 3, М., 1952.

⁵ В. И. Громов, Указ. раб.

отсутствии теплых межледниковых эпох. Исходя из этой точки зрения, мы также приходим к выводу, что до послеледникового времени человек не жил и не мог жить на той территории, о которой идет речь.

Так или иначе, ясно, что человек непрерывно живет на севере Русской равнины и в восточной Прибалтике только начиная с мезолита. Можно считать этот вывод совершенно твердо установленным.

Гораздо сложнее вопрос о путях заселения этой территории. На заре научных представлений об этногенезе они основывались главным образом на данных языкознания. Народы финской языковой семьи, заведомо предшествовавшие на этой территории славянам и балтам, рассматривались тогда как часть большой урало-алтайской языковой семьи. Взгляды исследователей обращались поэтому на восток, в Сибирь. Потом представление об урало-алтайском языковом единстве было поколеблено. Родство финно-угорских языков с тюрко-монгольскими и тунгусскими было поставлено под сомнение. Были вместе с тем сделаны наблюдения, истолкованные как свидетельство родства или контакта уральских (финно-угорских и самодийских) языков с юкагирским. Но здесь еще многое остается неясным⁶. В общем данные языкознания скорее говорят в пользу мнения о существовании связей финских языков с языками народов Сибири. Но твердо установленных данных сейчас все же нет. С другой стороны, нет сомнений в древнем контакте финских языков с индоевропейскими.

Этнографические данные под интересующим нас углом зрения разработаны мало. Наибольшее число древних элементов зафиксировано этнографическими исследованиями в культуре саамов. Некоторые из этих элементов (например, оленеводство) привлекают внимание к Сибири. Но в целом этнографические данные при попытках их сравнительного освещения гораздо чаще обнаруживают европейские параллели.

Археологический материал несколько подробнее изучался с целью выявления европейско-сибирских связей. Некоторые параллели были установлены⁷. Но они еще не свидетельствуют с полной очевидностью о том, что народы Сибири играли значительную роль в заселении Русского Севера и Прибалтики после отступления ледника.

Антропологические данные, относящиеся к рассматриваемой теме, включают материалы о современном и древнем населении. Физический тип народов, принадлежащих к уральской языковой семье, не отличается однородностью⁸. Совершенно очевидно, что эстонцы или финны в антропологическом отношении гораздо ближе, можно даже сказать неизмеримо ближе, к шведам, к литовцам или к русским, чем к хантам или к ненцам. Последние, в свою очередь, гораздо ближе стоят к кетам или хакасам, чем к эстонцам или к финнам. Столь же очевидно, что некоторые народы финской группы занимают промежуточное положение между эстонцами и финнами с одной стороны, обскими уграми (хантами и манси) — с другой. В первую очередь к числу таких промежуточных групп относятся мари, что уже давно было показано в исследовании В. В. Буака, лежащем в основе современных представлений об этнической антропологии северной полосы Русской равнины⁹. Результаты исследований 20-х и 30-х годов более четверти века назад были резюмированы П. И. Зенкевичем. Область Волго-окско-камского бассейна рассматривалась им как зона древнего смешения «столкнувшихся

⁶ Е. А. Крейнович, Юкагирский язык, М.—Л., 1958, стр. 6—7 и 228—237.

⁷ М. Е. Фосс, Культурные связи Севера Восточной Европы во II тысячелетии до н. э., «Сов. этнография», 1948, № 4.

⁸ Сводку данных см., напр., в работе Н. Н. Чебоксарова «К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы», «Сов. этнография», 1952, № 1.

⁹ В. В. Буака, Антропологический тип черемис, «Русский антропологический журнал», т. XIII, № 3—4, М., 1924.

здесь волн различных расовых типов (монголоидных и европеоидных)»¹⁰.

Автор этих строк пытался в свое время опровергнуть выводы П. И. Зенкевича, стремясь показать, что в антропологическом отношении мари и удмурты представляют собой не результат смешения, а некую «стадию развития»¹¹. Эта точка зрения вытекала из стремления рассматривать человеческие расы в первую очередь в процессе их развития, а не только в ходе различных переселений и смешений.

Аналогичный вопрос вставал также по отношению к типу предбайкальского неолита¹². Здесь мы имеем комплекс признаков, в общем свидетельствующий о принадлежности к монголоидной расе. Однако характерные особенности этой расы выражены не очень резко, средние величины занимают промежуточное положение между величинами, характерными для европеоидов и монголоидов, ближе к последним.

При обсуждении вопроса о причинах, вызвавших эти отклонения от типично монголоидного комплекса, автор долго колебался между предположением о принадлежности неолитического населения Предбайкалья к протомонголоидному типу, близкому к типу американских индейцев, и предположением о проникновении в Предбайкалье европеоидных элементов.

Нельзя не заметить, что обсуждение этих вопросов тесно связано с общими проблемами антропологии.

Ограничение антропологических исследований изучением переселений и смешений неизвестно когда и как возникших рас бесспорно свидетельствует о недостаточном уровне знаний, о бессилии исследователя, оказывающегося не в состоянии понять сущность изучаемых им явлений. Однако по отношению к человеческим расам в отличие от подвидов животных особенно характерны процессы смешения, которые неизбежно приведут в будущем к стиранию расовых различий. Поэтому перед исследователем прежде всего встает конкретная задача выяснения — в какой мере на данной территории и в данную эпоху продолжал действовать процесс формирования расовых признаков и в какой мере подверглись они действию процессов, ведущих к их стиранию.

При изучении этих вопросов важную роль играет изучение межгрупповых корреляций признаков, что было показано еще Е. М. Чепурковским, труды которого представляют один из важнейших этапов в истории развития русской антропологии¹³. Если межгрупповые корреляции соответствуют внутригрупповым, то они просто отражают морфологическую связь признаков, если же они имеют иной характер, то эти связи чаще всего отражают историю народов. Корреляции первого типа обычно называются функциональными, корреляции второго типа — историческими. Исторические корреляции могут проявляться и при сопоставлении явлений разного порядка. В масштабе земного шара существует, например, корреляция между буддийским вероисповеданием и монгольской складкой века, между протестантской религией и цветом волос.

Критикуя П. И. Зенкевича, автор использовал этот метод, но в слишком ограниченной степени, вследствие чего пришел к ошибочному выво-

¹⁰ П. И. Зенкевич, Физический тип горных и луговых мари, журнал «Марийская Автономная область», 1934, № 8—9, Йошкар-Ола, 1934, стр. 61.

¹¹ Г. Ф. Дебец, Рецензия на указ. работу М. И. Зенкевича, «Антропологический журнал», 1936, № 1.

¹² Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVII, М., 1951, стр. 90—91; см. также: М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXVI, М., 1958.

¹³ Е. М. Чепурковский, Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Восточной России в связи с колонизацией ее славянами, «Труды Антропологического отдела Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XXVIII, вып. 2, М., 1913, стр. 3—4.

ду. Были вычислены межгрупповые корреляции между средними величинами признаков, характеризующих население отдельных деревень. Связей, позволяющих выделить монголоидный и европеоидный типы, обнаружено не было. Надо заметить, что отсутствие связей еще не говорит об отсутствии смещения. Когда смещение равномерно захватило все группы, то связей может и не быть даже в явно смешанной популяции. Однако в отношении финно-угорских народов, взятых в целом, когда единицей сравнения служат не соседние селения, а крупные районы или даже целые народы, характер корреляций оказывается гораздо более определенным. В дополнение к опубликованной таблице коэффициентов корреляции у народов северо-западной Сибири¹⁴ можно привести такую же таблицу по 14 группам коми-зырян, коми-пермяков, русских, ненцев и манси, составленную по данным Н. Н. Чебоксарова¹⁵.

Таблица 1

Коэффициенты межгрупповой ранговой корреляции у 14 групп коми, русских, ненцев и манси

	Рост бороды	Горизонтальный профиль лица	Складка верхнего века, % отсутствия	Высота переносья	Положение осей ноздрей	Профиль верхней губы
Рост бороды		0,91	0,82	0,93	0,86	0,86
Горизонтальный профиль лица	0,91		0,91	0,90	0,94	0,73
Складка верхнего века, % отсутствия	0,82	0,91		0,90	0,87	0,60
Высота переносья	0,93	0,90	0,90		0,92	0,84
Положение осей ноздрей	0,86	0,94	0,87	0,92		0,75
Профиль верхней губы	0,86	0,73	0,60	0,84	0,75	

Некоторые признаки, включенные в таблицу, связаны функциональной зависимостью. К ним относятся горизонтальная профилировка лица, высота переносья и положение осей ноздрей. Но если даже считать эти три признака за один, то все же остается шесть коэффициентов, указывающих на высокую степень связи функционально независимых признаков. Упомянутые результаты вычисления коэффициентов корреляции между средними баллами по отдельным селениям являются одним из доказательств этой независимости. В данном случае направление исторических связей признаков свидетельствует о том, что на севере Русской равнины и в Западной Сибири еще сохраняются явные следы сочетания более плоского лица с менее выступающим носом, более слабым ростом бороды, более развитой складкой века и более темной пигментацией.

Наличие таких связей категорически опровергает возможность рассматривать физический тип народов уральской языковой семьи как некий самостоятельный тип, сформировавшийся совершенно независимо от смещения представителей европеоидной и монголоидной рас. Смещение этих рас на территории, простирающейся от Прибалтики до Енисея, можно рассматривать как твердо установленный исторический факт.

¹⁴ Г. Ф. Дебец. Селькупы, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. II. М.—Л., 1947, стр. 123.

¹⁵ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии, «Сов. этнография», 1946, № 2.

Не только на востоке, но и на западе рассматриваемой территории еще сохраняются первоначальные связи признаков в том сочетании, которое было характерно для обоих основных элементов, принявших участие в заселении Русского Севера и восточной Прибалтики: европеоидного и монголоидного. Правда, здесь эти связи выражены менее отчетливо вследствие того, что доля монголоидного элемента на западе очень мала. Однако в тех случаях, когда в нашем распоряжении имеются хорошо сравнимые данные, эти связи все же улавливаются. В 1951 г. М. В. Витов исследовал шесть групп латышей и столько же групп эстонцев¹⁶. Суммарные средние показывают, что у латышей частота волнистых волос больше, рост бровей, бороды и волос на груди более интенсивный, горизонтальный профиль лица менее плоский, скулы выступают меньше, складка века встречается реже и слабее выражена, переносье выше, профиль верхней губы более опистохейличный.

Вместе с тем, даже у тех народов Русской равнины, у которых признаки европеоидной расы выражены наиболее отчетливо, они все же выражены менее резко, чем, например, у кавказцев. Материалы, собранные Грузинской антропологической экспедицией 1950 г., являются хорошей иллюстрацией к этому положению. Русские здесь исследовались под непосредственным руководством автора этих строк попеременно с армянами, сравнимость данных поэтому почти максимальная. Вполне отчетливо выявляется, что волнистые волосы у русских встречаются реже, рост бороды, бровей и волос на груди менее интенсивный, лицо более плоское, переносье более низкое, складка века встречается чаще¹⁷.

Против мнения об участии монголоидного компонента в формировании восточноевропейского антропологического типа (или расы) выдвигалось соображение о том, что светлая пигментация волос и глаз не сохранила бы при этом преобладания, так как темная окраска является доминантной¹⁸. Вряд ли, однако, этот довод может рассматриваться как серьезное возражение против вывода, естественно вытекающего из рассмотрения всех остальных признаков. Во-первых, связь европеоидным комплексом признаков и светлой пигментацией вполне отчетливо проявляется как на всей рассматриваемой территории в целом, так и в отдельных ее частях: в северо-западной Сибири, в Приуралье и в других местах. Можно, следовательно, предположить, что европеоидный компонент характеризовался очень светлой пигментацией, подобной той, которая теперь встречается в некоторых районах Скандинавии. Одина два процента примеси «монголоидной крови» у эстонцев (а речь может идти только о пропорции такого порядка) не могли, конечно, привести к резкому потемнению пигментации, несмотря на доминантность. Во-вторых, антропологические типы, характерные для всей североевразийской зоны смешения рас, приобрели, конечно, и свои специфические признаки, сформировавшиеся, очевидно, уже после смешения. К числу таких признаков относится прежде всего высокая частота вогнутых форм спинки носа. Вполне вероятно, что местами могла несколько усиливаться и депигментация. Это объяснение светлой окраски волос и глаз восточноевропейского типа представляется гораздо более вероятным, чем предположение о том, что скулы, выступающие немного более, чем у средних европейцев, немного менее выступающий нос, немного менее сильный третичный волосной покров и немного более развитая склад-

¹⁶ Первую публикацию данных М. В. Витова см. в работе Н. Н. Чебоксарова «Новые данные по этнической антропологии советской Прибалтики», «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952)», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIII, М., 1954.

¹⁷ А. Н. Натишвили и др., Материалы экспедиции 1950 г. по антропологии современного населения Грузинской ССР, «Труды Ин-та экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР», т. IV, Тбилиси, 1953.

¹⁸ I. Schwidetzky, Das Menschenbild der Biologie, Stuttgart, 1959, стр. 129—130.

ка века сформировались на востоке Европы независимо от монголоидной примеси, сохранив отчетливую межгрупповую связь, вполне соответствующую направлению различий между монголоидной и европеоидной расами.

За последнее время были получены новые данные, хорошо согласующиеся с представлениями о промежуточном положении финских (и тюркских) народов Поволжья¹⁹. Расположение ладонных линий и главные особенности пальцевых узоров показали, что по этим признакам, генетически не связанным между собой, мордва и мари (а также чуваш и татары) занимают среднее место между русскими и монголами. Эти данные, особенно в сочетании с остальными, делают еще более ясной и без того отчетливую картину формирования антропологического состава населения северной полосы Русской равнины.

Можно, впрочем, предположить, что монголоидный и европеоидный элементы (или один из них) проникли в эту область позднее. В частности, речь может идти о русских. Если допустить, что примесь «русской крови» проявляется более или менее повсеместно от Прибалтики до Енисея, но убывает по направлению к востоку, если допустить также, что потомки древнейшего населения рассматриваемой области характеризуются известным сходством с монголоидами, но не происходят от них, то отмеченная связь признаков (волосного покрова, выступания скул, развития складки века и проч.) будет иметь место даже если этой связи не было до проникновения «русской крови».

Теоретически имеется, таким образом, возможность объяснить наблюдаемые межгрупповые корреляции как следствие исторических событий, протекавших в течение последних столетий. Для проверки этого предположения следует сопоставить результаты антропологических исследований современного населения с данными о древних народах.

Эти данные относятся главным образом к краниологическому материалу. Необходимо поэтому выбрать среди различных признаков строения черепа такие, которые в наибольшей степени отражали бы различия между европеоидами и монголоидами в настоящем и в прошлом. Для этой цели сопоставлены данные о двадцати краниологических сериях, половина которых относится к европеоидной большой расе, половина — к монголоидной.

Европеоидные серии		Монголоидные серии	
Абхазы*	Ингуши**	Буряты (три серии)*****	Тувинцы*****
Армяне*	Русские***	Монголы*****	Тунгусы*****
Грузины*	Латгалы***	Нанайцы*****	Якуты*****
Иронцы*, **	Литовцы****	Негидальцы*****	Киргизы*****
Дигорцы**	Памирцы*****		

* М. Г. Абдушелишвили, Материалы к краниологии Кавказа, «Труды Ин-та экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР», т. V, Тбилиси, 1955.

** К. Х. Беслекоева, Краниология осетин и происхождение осетинского народа, «Известия Североосетинского науч.-исслед. ин-та», т. 19, Орджоникидзе, 1957.

*** Неопубликованные материалы В. П. Алексеева.

**** Неопубликованные материалы К. Ю. Марк.

***** Неопубликованные материалы Ю. Г. Рычкова.

***** Г. Ф. Дебеч, Антропологические исследования в Камчатской области, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVII, М., 1951.

***** Н. М. Миклашевская, Краниология киргизов, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. II, М., 1959.

¹⁹ Т. Д. Гладкова, Особенности дерматоглифики некоторых народностей СССР, «Сов. антропология», 1957, № 1.

Разности средних арифметических «крайних» серий каждой группы были выражены в долях стандарта (среднего квадратического отклонения)²⁰. Из 42-х признаков (абсолютные размеры, углы и индексы) пять превышают величину стандарта.

Зигмаксиллярный угол	1,61
Угол выступания носа	1,61
Назомаллярный угол	1,05
Дакриальная высота	1,05
Симотическая высота	1,04

Далее были определены и выражены в долях стандарта разности между медианными величинами каждой группы²¹. Те же пять признаков (и только они) более чем вдвое превышают величину стандарта.

Угол выступания носа	2,74
Симотическая высота	2,40
Дакриальная высота	2,32
Зигмаксиллярный угол	2,26
Назомаллярный угол	2,09

Разности медианных величин монголоидных и европеоидных серий были выражены в долях максимальной дифференциации средних величин данного признака в монголоидной или в европеоидной группе²². Максимальными оказались величины тех же пяти признаков плюс вертикальный фацио-церебральный указатель (высота верхней части лица $\times 100$ /высота базион-брегма).

Зигмаксиллярный угол	2,94
Угол выступания носа	1,90
Вертикальный фацио-церебральный индекс	1,80
Назомаллярный угол	1,77
Симотическая высота	1,74
Дакриальная высота	1,73

Можно считать доказанным, что из числа наиболее употребительных краниометрических признаков именно пять перечисленных выше в наибольшей мере выявляют различия между европеоидами и сибирскими монголоидами²³.

Межгрупповая корреляция этих признаков в пределах СССР (без Приморья и Чукотки)²⁴ очень велика. К данным о двадцати перечисленных сериях прибавлены данные по шестнадцати другим (украинцы²⁵, теленгеты²⁶, калмыки²⁷, ненцы²⁸, ханты²⁹, манси³⁰, эстонцы³¹,

²⁰ Например, наименьшая средняя величина скулового диаметра среди монголоидных серий 139,9 (нанайцы), наибольшая среди европеоидных — 137,5 (ингуши); разность 2,4 мм; стандарт 5,1; разность в долях стандарта — 0,47.

²¹ Например, скуловой диаметр в монголоидных сериях распределяется от 139,9 до 143,6; медиана 141,75; в европеоидных — от 131,9 до 137,5; медиана 134,7; разность медианных величин 7,05; в долях стандарта — 1,38.

²² Например, разность медианных величин скулового диаметра — 7,05; максимальная дифференциация в европеоидной группе (137,5—131,9) — 5,6; индекс (7,05 : 5,6) — 1,26.

²³ Судя по немногочисленным данным, имеющимся в нашем распоряжении, этот вывод можно, по-видимому, распространить на всех азиатских монголоидов, но ни в коем случае не на американских индейцев.

²⁴ Включение всех серий в подсчет не меняет картину. Данные об эскимосах, алеутах, чукчах и других исключены только потому, что имеется в виду сопоставлять современные краниологические серии с древними, а последние происходят с территорий, лежащих к западу от Яблонового хребта.

²⁵ Неопубликованные материалы В. П. Алексеева.

²⁶ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ К. Ю. Марк. Палеоантропология Эстонской ССР, «Балтийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXII, М., 1956.

селькупы³², чулымцы³³, шорцы³⁴, хакасы³⁵, казахи³⁶, мари³⁷, мордва-эрзя³⁸, узбеки³⁹, чувашаи⁴⁰. Межгрупповые коэффициенты гораздо выше внутригрупповых, вычисленных на нескольких сибирских сериях (табл. 2).

Таблица 2

Межгрупповые (вправо и вверх от диагонали) и средние внутригрупповые (влево и вниз) коэффициенты корреляции между признаками, характеризующими уплощенность лицевого скелета

	Назомаллярный угол	Зигомаксиллярный угол	Угол выступания носа	Дакриальная высота	Симотическая высота
Назомаллярный угол		+0,91	-0,88	-0,92	-0,82
Зигомаксиллярный угол	+0,11		-0,85	+0,93	-0,92
Угол выступания носа	-0,08	-0,23		+0,88	+0,90
Дакриальная высота	-0,18	-0,06	+0,36		+0,95
Симотическая высота	-0,24	-0,14	+0,39	+0,47	

Причина столь резких различий в величине внутригрупповых и межгрупповых коэффициентов корреляции заслуживает специального рассмотрения, которое, однако, слишком далеко увело бы нас от поставленной задачи. Возможно, что здесь проявляется действие какого-то общего фактора уплощенности лицевого скелета, возможно также (и, по-видимому, более вероятно), что мы имеем здесь дело с исторической корреляцией и, следовательно, с разными признаками.

Так или иначе, вопрос о соотношениях разных признаков, поставленный например В. П. Якимовым, заслуживает пристального внимания. В. П. Якимов предложил для этой цели индекс, представляющий собой величину зигомаксиллярного угла в процентах величины назомаллярного⁴¹. Индексы свыше 94 указывают, по мнению В. П. Якимова, на равномерную уплощенность лица на обоих уровнях (гомоплатипрозопию, ниже 92 — на неравномерную уплощенность (гетероплатипрозопию). Правда, как термины, так и сам индекс выбраны неудачно. Нельзя сказать, что череп с индексом 100 наиболее равномерно уплощен. Это верно только арифметически. С морфологической же точки зрения на наиболее равномерную уплощенность указывает гораздо более низкий индекс (в пределах СССР около 93), а значительно большие величины, как и значительно меньшие, указывают в одинаковой мере на неравномерность. Впрочем, все возражения против метода индексов здесь выявляются особенно ярко. Изменчивость и межгрупповая дифференциация зигомаксиллярного угла гораздо больше, чем назомаллярного. Это заметил и В. П. Якимов. Но так как межгрупповая корреляция обоих углов на территории СССР указывает на тесную связь

³² Н. С. Розов, Материалы по краниологии чулымцев и селькупов, «Антропологический сборник I». Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXIII, М., 1956.

³³ Там же.

³⁴ В. П. Алексеев, Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», т. XXVIII, М., 1957.

³⁵ Там же.

³⁶ В. В. Гинзбург и Н. Г. Залкинд, Материалы к краниологии казахов, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVI, М.—Л., 1955.

³⁷ М. С. Акимов, Краниология современного населения Мордовской и Марийской АССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», т. XXIX, М., 1958.

³⁸ Там же.

³⁹ Б. В. Фирштейн, Материалы к краниологии узбеков Ташкента, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», т. XIII, М., 1951.

⁴⁰ М. С. Акимов, Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», т. XXIII, М., 1955.

⁴¹ В. П. Якимов, Горизонтальная профилированность лицевого отдела черепа у современных и древних людей, «Вопросы антропологии», № 4, М., 1960.

между ними, то индекс в сериях с сильно уплощенным лицом уже по чисто арифметическим причинам будет выше. Поэтому нельзя сравнивать при помощи индекса серии с различными величинами обоих углов⁴². Однако внимание к соотношениям обоих углов привлечено правильно.

Основываясь на исторической корреляции признаков, т. е. в тех случаях, когда речь идет о сравнении серий, относящихся, с одной стороны, к европеоидному стволу, с другой — к сибирской ветви монголоидного ствола, можно оценивать разные признаки суммарно при помощи некоего общего индекса уплощенности лица. Строго говоря, следовало бы определять этот индекс на основе точного учета корреляции всех пяти признаков. Практически можно, однако, ограничиться более грубым приемом. В последующих числовых определениях общей уплощенности лица условно минимальная величина каждого признака принята за 0, максимальная — за 100. Степень уплощенности по каждому признаку определяется по следующим уравнениям:

$$\text{Назомаллярный угол } (\angle fmo) = 7,6336 (\bar{x} - 135,4)$$

$$\text{Зигомаксиллярный угол } (\angle zm') = 5,5248 (\bar{x} - 124,4)$$

$$\text{Дакриальная высота (DS)} = 100 - [21,2766 (\bar{x} - 8,45)]$$

$$\text{Симотическая высота (SS)} = 100 - [35,7143 (\bar{x} - 2,15)]$$

$$\text{Угол выступания носа } (\angle pnr) = 100 - [7,6336 (\bar{x} - 19,4)]$$

При вычислении общего индекса уплощенности лица, с целью придать равный вес степени выступания носа и положению скуловых костей, а также исходя из значительной внутригрупповой корреляции дакриальной и симотической высоты, показатели обоих этих размеров приняты за один признак. В конечном счете индекс равен

$$\frac{\angle fmo + \angle zm' + 0,5 DS + 0,5 SS + \angle pnr}{4}$$

4

Квадратическое отклонение этого индекса варьирует около 18. Эта величина в дальнейшем принята за постоянную. Число наблюдений, если оно различно по разным признакам, определено таким же путем, как средний индекс. Взятые для сравнения 36 черепных серий по общему индексу уплощенности распределяются нижеследующим образом.

Армяне	$-2,8 \pm 1,7$	Ханты	$67,6 \pm 1,4$
Литовцы	$4,0 \pm 1,4$	Манси	$69,6 \pm 3,1$
Ингуши	$5,5 \pm 2,9$	Чулымцы	$70,5 \pm 2,9$
Грузины	$6,6 \pm 3,0$	Селькупы	$70,9 \pm 2,6$
Дигорцы	$7,7 \pm 2,4$	Киргизы	$72,0 \pm 2,2$
Русские	$12,2 \pm 1,4$	Ненцы	$73,9 \pm 2,7$
Абхазы	$12,2 \pm 3,0$	Теленгеты	$74,2 \pm 2,2$
Иронцы	$12,6 \pm 1,4$	Калмыки	$76,2 \pm 2,4$
Украинцы	$19,0 \pm 2,1$	Монголы	$78,8 \pm 1,9$
Эстонцы	$20,9 \pm 2,7$	Якуты	$84,0 \pm 2,9$
Памирцы	$23,5 \pm 1,3$	Буряты забайкальские	$85,0 \pm 2,3$
Латгалы	$25,3 \pm 2,2$	Буряты западные	$86,2 \pm 2,5$
Эрзя	$30,0 \pm 2,4$	Тувинцы	$86,6 \pm 2,4$
Чуваши	$38,1 \pm 1,9$	Буряты тункинские	$87,8 \pm 2,6$
Узбеки	$43,4 \pm 2,5$	Нанайцы	$93,4 \pm 4,6$
Мари	$44,0 \pm 1,9$	Тунгусы	$101,8 \pm 2,7$
Хакасы	$62,9 \pm 1,1$	Негидальцы	$103,8 \pm 3,6$
Казахи	$65,1 \pm 2,6$		
Шорцы	$66,5 \pm 2,6$		

⁴² Исходя из межгрупповой дифференциации средних величин 36 краниологических серий народов СССР, получаем следующие теоретические величины индекса:

по зигомаксиллярному углу	по назомаллярному углу
120°—89,8	135°—91,7
125°—91,0	140°—92,4
130°—92,2	145°—93,1
135°—93,3	150°—93,7
140°—94,3	

В связи с нашей темой возникает вопрос о том, в какой мере наблюдаемые ныне соотношения краниометрических величин применимы к древнему населению. Речь может идти только о неолите и бронзовом веке, так как мы пока почти не располагаем данными о сериях более древних черепов.

Всего в нашем распоряжении имеются данные о 28 сериях черепов неолитической эпохи и бронзового века. Древнее население северной полосы Восточной Европы представлено двумя неравнозначными сериями. Первая происходит из Оленеостровского могильника на Онежском

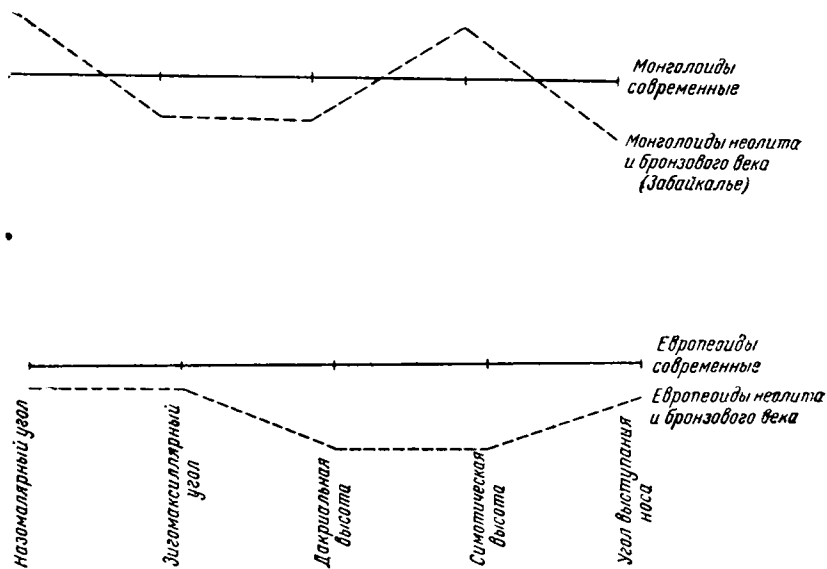

Рис. 1. Сопоставление величин признаков, определяющих уплощенность лицевого скелета у современных и древних представителей европеоидной и монголоидной рас. Разница между современными сериями принята за 100

озере ⁴³, вторую мы вынуждены были составить из весьма разнородного материала. В нее вошли черепа из могильников с ямочно-гребенчатой керамикой в Эстонии ⁴⁴, черепа с Ладожского канала ⁴⁵, из могильников в Караваяхе ⁴⁶, Володарского ⁴⁷, Гавриловского ⁴⁸, Языковского ⁴⁹, Старшего Волосовского ⁵⁰ могильников и из торфяников Урала ⁵¹.

⁴³ В. П. Якимов, Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове (Онежское озеро), «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XIX, М.—Л., 1960.

⁴⁴ К. Ю. Марк, Новые данные по палеоантропологии Эстонской ССР, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952)», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIII, М., 1954.

⁴⁵ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. IV, М., 1948. Кроме того, использованы дополнительные измерения автора, пока не опубликованные.

⁴⁶ М. С. Акимова, Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы Европейской части СССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», т. XVIII, М., 1953.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ М. С. Акимова, Антропологический тип населения фатьяновской культуры, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. I, М., 1947.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Г. Ф. Дебеч, К палеоантропологии Урала, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», т. XVIII, М., 1953.

Оказывается, что различия в степени уплощенности лицевого скелета в эпоху неолита и в бронзовом веке были выражены не меньше, чем в настоящее время. Для характеристики современных величин взяты средние из десяти европеоидных и десяти монголоидных серий. Для неолита и бронзового века — 15 серий с территории Средней Азии, Кавказа и Европейской части СССР (без неолитических серий лесной полосы Русской равнины) и самая восточная из имеющихся серий — забайкальская⁵². Различия между ними по уплощенности лицевого скелета во всяком случае не меньше, чем в настоящее время (табл. 3 и рис. 1). Есть все основания думать, что «западные» серии неолитической

Таблица 3

**Сопоставление данных об уплощенности лицевого скелета
древних и современных серий черепов**

	Современность		Неолит и бронзовый век	
	европеоидные (10 серий)	монголоидные (10 серий)	степная и лесостепная полоса Русской равнины; Кавказ, Средняя Азия (15 серий)	Забайкалье (1 серия)
Назональный угол	138°,1	146°,8	137°,5	148°,7
Зигмаксиллярный угол	126°,3	139°,5	125°,3	137°,8
Дакриальная высота	12,57	8,99	13,53	9,47
Симметрическая высота	4,66	2,73	5,20	2,39
Угол выступания носа	31°,9	19°,7	33°,3	22°,0

Таблица 4

Разности средних в долях стандарта (σ) между древними и современными представителями европеоидной и монголоидной рас

	σ	Современность	Неолит и бронзовый век
Назональный угол	4,4	1,98	2,54
Зигмаксиллярный угол	5,4	2,44	2,32
Дакриальная высота	1,5	2,39	2,70
Симметрическая высота	0,9	2,19	3,12
Угол выступания носа	4,6	2,66	2,42
Средняя по пяти признакам, характеризующим уплощенность лица	—	2,33	2,62
Лобно-поперечный указатель	3,3	1,21	1,76
Лобно-скуловой указатель	3,5	1,86	2,28
Вертикальный фацио-церебральный указатель	3,3	1,24	1,64
Высотно-поперечный указатель	4,4	0,70	1,91
Средняя по четырем указателям	—	1,25	1,90
Скуловой диаметр	5,1	1,47	1,28
Высота лица	4,1	1,42	0,88
Ширина носа	1,8	1,11	0,50
Высота орбиты	1,8	0,67	1,15
Средняя по четырем абсолютным размерам лицевого скелета	—	1,17	0,95

⁵² Все эти данные взяты из подготовляемого к печати второго издания работы автора «Палеоантропология СССР».

эпохи и бронзового века представляют собой древних представителей европеоидной расы, а «восточная» серия из Забайкалья — монголоидной.

На этом основании нельзя категорически отвергнуть предположение о существовании на севере Русской равнины недифференцированного типа. Можно, однако, считать доказанным, что те краниологические признаки, которые характеризуют уплощенность лицевого скелета, наиболее отчетливо разграничивают обе расы как в настоящее время, так и в неолитическую эпоху. На табл. 4 даны разности в долях стандарта между средними величинами тех же серий, которые использованы для сопоставления в табл. 3.

Средний индекс уплощенности лица, вычисленный по способу, примененному для современных черепных серий, нижеследующим образом распределяется на территории СССР в эпоху неолита и бронзы.

Армения, бронзовый век	—16,6±3,4
Грузия, поздний бронзовый век	— 9,6±4,8
Нижнее Поволжье, катакомбное время	— 6,0±4,6
Нижнее Поволжье, лесостепь, срубная культура	— 3,3±3,1
Среднее Поднепровье и Поднестровье, бронзовый век	— 2,5±5,6
Туркмения, бронзовый век	1,5±3,9
Нижнее Поволжье, древняя культура	2,2±5,4
Крым, ранняя и средняя бронза	2,4±8,2
Нижнее Поволжье, степь, срубная культура	2,7±3,4
Приазовье, ямная и катакомбная культура	3,5±3,9
Эстония, одиночные могилы	4,9±9,3
Поднестровье, трипольская культура	5,4±7,6
Алтай, афанасьевская культура	5,9±5,6
Енисей, афанасьевская культура	6,7±6,4
Надпорожье, неолит	12,5±2,4
Хорезм, могильник Кокча 3	12,5±5,7
Верхнее Поволжье, фатьяновская культура	13,2±8,1
Среднее Поволжье, Балановский могильник	13,3±4,4
Казахстан, бронзовый век	13,9±5,1
Минусинск, андроновская культура	16,0±3,7
Абакан, афанасьевская культура	21,6±5,8
Минусинск, карасукская культура	22,5±2,8
Карелия, Оленеостровский могильник	39,5±3,5
Лесная полоса Русской равнины, «неолит», сборная серия	45,0±5,3
Среднее течение Ангары, «неолит»	63,8±2,6
Верхняя Лена, «неолит»	70,1±3,0
Окрестности Иркутска, «неолит»	75,9±4,2
Забайкалье, «неолит»	85,0±4,7

По степени уплощенности лицевого скелета неолитическое население северной полосы Русской равнины напоминало современных мари и чувашей.

Но надо все же иметь в виду, что применение индекса уплощенности лицевого скелета не позволяет вполне безошибочно определить положение каждого отдельного черепа и даже каждой небольшой серии. Пять процентов черепов русских (индекс 20) при нормальном распределении будут иметь большую величину индекса (т. е. более уплощенное лицо), чем пять процентов черепов бурят. Хотя вероятность встретить такую пару черепов невелика (примерно 1:20), но все же не исключена.

Среди различных древних черепных серий, особенно малочисленных, могут, конечно, встретиться и действительно иногда встречаются такие, у которых индекс уплощенности лицевого скелета сравнительно высок. В. П. Якимов обратил внимание на некоторую уплощенность лица позднелепеолитических черепов Европы и мезолитических черепов Северной Африки (Магриба). Правда, степень уплощенности здесь значительно меньше, чем та, которая отмечена в неолитических сериях Русского

Севера. Индекс уплощенности равен

Поздний палеолит ⁵³	20,5±6,2
Мезолит Магриба ⁵⁴	28,0±3,5
Оленеостровский могильник	39,5±3,5
Прочие неолитические черепа северной полосы Русской равнины	45,0±5,3

Однако, если из сборной серии мезолита Магриба выделить могильник Тафоральт, то индекс окажется равным 38,0±6,4. Хотя ошибка здесь очень велика, хотя черепа из могильника Тафоральт принадлежат, по-видимому, близким родственникам, на что специально указывает Д. Ферембах⁵⁵, хотя историческое значение уплощенности лица в Северной Африке не может рассматриваться в том же плане, что и на Русском Севере, т. е. в зоне вероятного контакта европеоидных и монголоидных форм, хотя, наконец, в Северной Африке нет указаний на монголоидные особенности современного населения, но все же серия черепов из Тафоральта, конкретизирующая предусмотренные статистикой возможные отклонения, вносит какую-то долю сомнения. Не следует только утверждать на этом основании, что предположение об участии сибирского монголоидного элемента в заселении Русского Севера менее вероятно, чем предположение о сохранении в лесном неолите Восточной Европы недифференцированного прототипа. Первое предположение было и остается гораздо более вероятным и без привлечения новых данных. Нельзя, конечно, как это делает В. П. Якимов, утверждать, что уплощение лица и носа, будучи отмечено в серии древних черепов Европы (в том числе и восточной), «отнюдь не может свидетельствовать» о наличии примеси монголоидного элемента и что эти особенности можно «скорее» рассматривать как «псевдомонголоидные»⁵⁶. Но можно все же предполагать, что некоторая уплощенность лицевого скелета, наблюдаемая в неолитических сериях Русского Севера, может быть объяснена не только за счет примеси монголоидного элемента, но, хотя и с гораздо меньшим вероятием, как специфическая особенность резко уклоняющейся локальной формы или гипотетического недифференцированного типа.

Нельзя также утверждать, что для мезолита Европы в какой-то мере вообще характерна тенденция к уплощению лица. Серия из мезолитических могильников Надпорожья на Днестре характеризуется обычными для европеоидной расы величинами⁵⁷.

Назональный угол	138°,0 (35)
Зигмаксиллярный угол	123°,8 (22)
Дакриальная высота	13,07 (22)
Симотическая высота	5,05 (23)
Угол выступания носа	35°,0 (18)

Череп из мезолитических могильников Бретани⁵⁸ по горизонтальной профилировке лица почти не отличаются от черепов надпорожского мезолита.

Назональный угол	137°,6 (11)
Зигмаксиллярный угол	125°,0 (7)

⁵³ Выступание носа за отсутствием других данных определено только по симотической высоте.

⁵⁴ В определении выступания носа нет данных об угле выступания носа. Дакриальная высота в некоторых случаях определена по регрессии на основании максиллофронтальной.

⁵⁵ D. Ferembach, Les restes humains épipaléolithiques de la grotte de Taforalt (Maroc oriental), «Comptes rendus des séances de l'Académie des Sciences», т. 248, стр. 3467, Paris, 1959.

⁵⁶ В. П. Якимов, Указ. раб., стр. 68.

⁵⁷ Данные заимствованы из неопубликованной сводки И. И. Гохмана.

⁵⁸ Неопубликованные измерения В. П. Якимова.

Пользование средним индексом уплощенности лица допустимо, конечно, только по отношению к тем группам, где отдельные признаки связаны значительной корреляцией. Поэтому известная «равномерность» в степени уплощенности по разным признакам является необходимым условием применения этого индекса. Если бы неолитические черепа Русского Севера в резко различной степени отличались бы по разным признакам от монголоидов и европеоидов, то это свидетельствовало бы против предположения о смешении. Исходя из средних величин и квадратического отклонения межгрупповой дифференциации признаков 36-ти краниологических серий СССР, степень равномерности можно определить, например, через посредство разности отклонений, выраженных в долях стандарта

$$\frac{\angle fmo - 140}{4,1} - \frac{\angle zm' - 132,5}{5,5}$$

Чем ближе разность к нулю, тем равномернее уплощено лицо в пределах соотношений, наблюдаемых на территории СССР.

Для сборной серии неолита лесной полосы Русской равнины отклонение равно +0,40, для Оленеостровского могильника +0,26. Примерно в такой же степени отклоняются от нуля разности средних величин ненцев (+0,32), хантов (+0,22), чувашей (—0,39), мари (+0,12), манси (—0,68) и других современных народов, занимающих по всем основным признакам промежуточное положение между европеоидами и монголоидами.

Обе серии лесного неолита занимают промежуточное положение между европеоидами и монголоидами не только по общему индексу уплощенности лица, не только отдельно по углам горизонтального профиля, но и отдельно по степени выступания носа.

Надо отметить, наконец, что в настоящее время и в неолитическую эпоху сибирские монголоиды отличались от европеоидов не только по уплощенности лица, но и по другим признакам. Сравнив сборную серию европеоидов неолита и бронзового века с монголоидами забайкальского неолита по 42 признакам (абсолютные размеры, индексы и углы), мы получили разницу, превышающую одну единицу стандарта по 21 признаку. Ниже приводится список этих признаков и их разности в долях стандарта.

Симотическая высота	3,22	Вертикальный фацио-церебральный указатель	1,60
Дакриальная высота	2,70	Симотическая хорда	1,58
Назомаллярный угол	2,52	Наименьшая ширина лба	1,52
Зигомаксиллярный угол	2,46	Глубина клыковой ямки	1,50
Угол выступания носа	2,44	Высотный диаметр	1,45
Лобно-поперечный указатель	2,06	Скуловой диаметр	1,45
Лобно-скуловой указатель	2,03	Угол при альвеолярной точке	1,31
Дакриальный указатель	2,03	Орбитный указатель	1,28
Высотно-поперечный указатель	1,95	Длина основания черепа	1,07
Симотический указатель	1,69	Поперечный диаметр	1,06
		Высота орбиты	1,00

В связи с вопросом об участии сибирского монголоидного элемента в заселении Русского Севера следует отдельно рассмотреть и те признаки, которые не связаны с уплощенностью лица. Из списка этих признаков следует исключить также симотическую хорду, величина которой коррелятивно связана с величиной симотической высоты, скуловой диаметр, большие размеры которого давно уже засвидетельствованы у древних европеоидов, поперечный диаметр, явно не играющий роли (вне соотношения с другими размерами) при выяснении вопросов о соотношении рас первого порядка, и глубину клыковой ямки, определенную в наших

материалах весьма приближенно⁵⁹. По остальным признакам вычислена средняя разница в долях стандарта между сборной серией европеоидов неолита и бронзового века и всеми отдельными сериями этого времени, происходящими с территории СССР, а также серией позднепалеолитических черепов Европы и серией мезолитических черепов Магриба. Приняв среднюю европеоидную за 0, получим следующие средние величины разницы в долях стандарта:

Забайкальский неолит	1,53
Прибайкальский неолит (3 серии)	1,12; 1,18; 1,52
Сборная серия неолита лесной полосы Восточной Европы	0,49
Оленеостровский могильник	0,69
Поздний палеолит Европы	0,04
Мезолит Магриба	—0,03
20 европеоидных серий неолита и бронзового века	от —0,27 до 0,29
Карасукская культура	0,89
Абаканская серия афанасьевской культуры	1,17

С целью ослабить влияние корреляции признаков, последние были объединены в группы коррелированных признаков, и средняя разница по каждой группе признаков принята за разницу по одному признаку. Таких групп выделено четыре.

1. Наименьшая ширина лба, лобно-поперечный и лобно-скуловой указатели.
2. Высотный диаметр черепа, высотно-поперечный и вертикальный фацио-церебральный указатели.
3. Угол при альвеолярной точке и длина основания черепа.
4. Высота орбиты и орбитный указатель.

Результаты оказались (как, впрочем, и следовало ожидать) сходными с результатами подсчета по отдельным признакам.

Забайкальский неолит	1,47
Прибайкальский неолит (3 серии)	1,06; 1,13; 1,45
Сборная серия неолита лесной полосы Восточной Европы	0,57
Оленеостровский могильник	0,70
Поздний палеолит Европы	—0,03
Мезолит Магриба	—0,09
20 европеоидных серий неолита и бронзового века	от —0,27 до 0,34
Карасукская культура	0,88
Абаканская серия афанасьевской культуры	1,09

Полученные величины сопоставлены с индексом уплощенности лица. Для приведения к единому масштабу различия выражены в процентах к межгрупповой дифференциации (рис. 2). Как из коэффициента корреляции, равного 0,81, так и из графического изображения корреляционного поля ясно, что сочетание признаков, по которым европеоидная раса отличается от монголоидной, проявляется не только в настоящее время, но и в древности. Обе серии неолитической эпохи лесной полосы Русской равнины отличаются от типичных серий европеоидной и монголоидной рас в одном направлении, и примерно в равной мере по разным группам независимых признаков.

⁵⁹ Включение в подсчет всех перечисленных признаков еще усилило бы монголоидный характер неолитических черепов Русского Севера. Но следует по мере возможности избегать формальных сопоставлений.

То же относится и к типу предбайкальского неолита. Для этого типа по сравнению с байкальским типом характерно не только несколько менее уплощенное лицо и несколько более выступающий нос, но также и примерно в той же мере менее выраженный комплекс монголоидных особенностей по сумме других признаков.

Положение карасукской серии и абаканской серии афанасьевской культуры заслуживает особого рассмотрения. Можно бы и не придавать особого значения тому обстоятельству, что сочетания основных диаметров сближают обе эти серии с сибирскими монголоидами. Таксономическое значение этих признаков несо-

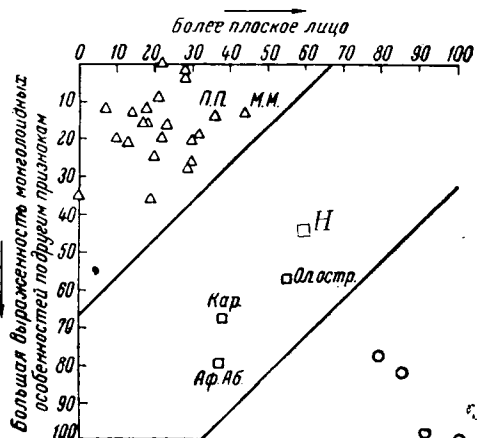

Рис. 2. Сопоставление средних величин разных серий (преимущественно неолитической эпохи и бронзового века) по уплощенности лица и другим признакам. △ — европейские серии; □ — серии промежуточного типа; ○ — монголоидные серии из Забайкалья и Предбайкалья

П. П. — Поздний палеолит Европы; М. М. — мезолит Магриба; Н. — Сборная серия неолита полосы Восточной Европы; Кар. — карасукская культура Минусинского края; Аф. Аб. — абаканская серия афанасьевской культуры; Ол. остр. — Оленеостровский могильник

культуры⁶². Здесь, как и в неолитическое время, сходство с сибирскими монголоидами прослеживается как в уплощенности лица, так и в других признаках.

Нет никаких оснований не связывать с этим древним сибирским элементом те признаки, которые являются специфичными для «сублапоноидных» и «субуральских» вариантов Русского Севера: умеренное развитие третичного волосяного покрова, сравнительно сильное по сравнению с типичными европеоидами выступание скул, сравнительно сильно развитую складку века и т. п.

Можно, конечно, предположить, что наряду с европеоидами и мон-

голоидное значение этих признаков несомненно меньше, чем значение признаков, определяющих уплощенность лицевого скелета. Однако надо заметить, что и по уплощенности лица обе серии занимают крайнее положение в числе серий европеоидной расы. Надо также иметь в виду географическое положение. Надо учесть также, что один из черепов абаканской афанасьевской серии был отнесен к монголоидной расе⁶⁰.

Но если вопрос о типе карасукской культуры и неожиданно сходном с ним типе, обнаруженном в последнее время в афанасьевской культуре, не может быть пока решен, то корреляция признаков, характеризующих обе серии лесного неолита Восточной Европы, не оставляет сомнения в том, что в заселении Русского Севера, помимо преобладающего европеоидного элемента, принял участие также и сибирский монголоидный элемент.

Примесь этого монголоидного элемента в раннем железном веке прослеживается в серии черепов из могильника Большого Оленьего острова в Баренцевом море⁶¹, а также в сборной серии ананьинской

культуры⁶². Здесь, как и в неолитическое время, сходство с сибирскими монголоидами прослеживается как в уплощенности лица, так и в других признаках.

Нет никаких оснований не связывать с этим древним сибирским элементом те признаки, которые являются специфичными для «сублапоноидных» и «субуральских» вариантов Русского Севера: умеренное развитие третичного волосяного покрова, сравнительно сильное по сравнению с типичными европеоидами выступание скул, сравнительно сильно развитую складку века и т. п.

Можно, конечно, предположить, что наряду с европеоидами и мон-

⁶⁰ А. Н. Липский, Афанасьевские погребения в Хакасии, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», т. XLVII, М., 1952.

⁶¹ В. П. Якимов, Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом Оленьем острове (Баренцево море). «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XV, М.—Л., 1953.

⁶² Т. А. Трофимова, Череп из Луговского могильника ананьинской культуры. Материалы по антропологии Восточной Европы, Труды Института антропологии МГУ, вып. VI, «Ученые записки МГУ», вып. 63, М., 1941. Здесь использованы значительно более полные, но пока не опубликованные данные Т. А. Трофимовой.

голоидами в заселении этой территории принимал участие и какой-то третий элемент, можно наделить этот элемент какими угодно признаками, в том числе и промежуточными. Такое предположение нельзя опровергнуть, как и сколько угодно других теоретически возможных предположений, в которых, однако, нет ни надобности, ни пользы.

Приняв, как наиболее вероятное, предположение о существовании широкой зоны смешения европеоидной и монголоидной рас, можно попытаться подойти к определению удельного веса обоих элементов в пределах этой зоны. Само собой разумеется, что все подсчеты такого рода имеют смысл только при условии, что в состав смешанной популяции входят именно те и только те элементы, которые предполагается определить. Кроме того, такие подсчеты возможны только в том случае, если средние величины смешанной популяции более или менее адекватны доле обоих компонентов.

Наличие первого условия доказывается всем предыдущим изложением, что же касается второго, то оно представляется весьма вероятным на основании всех имеющихся результатов изучения наследственности измерительных признаков⁶³.

Можно считать, что в зоне смешения европеоидной и монголоидной рас величины индекса общей уплощенности до 20 включительно свидетельствуют об отсутствии примеси монголоидного элемента, от 80 и выше — об отсутствии европеоидного. Промежуточные величины свидетельствуют о смешанном характере группы. Исходя из этих предпосылок, удельный вес монголоидного элемента определяется по уравнению

$$\% \text{ монголоидной примеси} = 1,67 (\text{индекс} - 20) \\ \text{Ошибка равна ошибке индекса, умноженной на } 1,67.$$

В современном населении доля монголоидной примеси в смешанных популяциях определяется следующими величинами:

Эстонцы	1,5±4,5	Шорцы	77,7±4,3
Памирцы	5,8±2,7	Ханты	79,3±2,3
Латгалы	8,8±3,6	Манси	82,5±5,1
Эрзя	16,7±4,0	Чулымцы	84,3±4,9
Лопари	26,9±2,5	Селькупы	84,7±4,3
Чуваши	30,0±3,1	Киргизы	86,5±3,7
Узбеки	39,0±4,2	Ненцы	89,8±4,5
Мари	40,0±3,2	Теленгеты	90,0±3,7
Хакасы	71,5±1,8	Калмыки	93,5±4,0
Казахи	75,0±4,4	Монголы	98,0±3,2

По отношению к неолитической эпохе и бронзовому веку в смешанных группах определены следующие величины частоты монголоидной примеси:

Абакан, афанасьевская культура	2,8±9,6
Минусинск, карасукская культура	4,1±4,7
Карелия, Оленеостровский могильник	32,6±5,9
Лесной неолит Русской равнины, сборная серия	41,6±8,9
Среднее течение Ангары	73,1±4,4
Верхняя Лена	83,5±5,1
Окрестности Иркутска	93,0±6,9

Твердо установленным историческим фактом следует, таким образом, считать не только смешение европеоидных и монголоидных элементов на территории, простирающейся по крайней мере от Прибалтики до

⁶³ J. C. Trevor, Race Crossing in Man. The Analysis of Metrical Characters, «Eugenics Laboratory Memoirs», XXXV, London, 1953.

Енисей (а, вероятно и шире), но и время этого смешения, восходящее по крайней мере к неолитической эпохе (а, вероятно и древнее).

Автор выражает искреннюю благодарность В. П. Алексееву, И. И. Гохману, К. Ю. Марк, Ю. Г. Рычкову и В. П. Якимову за предоставление ими неопубликованных материалов, использованных в настоящей работе.

Таблица 5

Средние величины некоторых серий черепов неолитической эпохи и бронзового века

Признаки	Северные европеонды (средняя из 16 серий)	Сборная серия лесной полосы Восточной Европы	Оленеостровский могильник	Предбайкалье (средняя из 3-х серий)	Забайкалье
Назональный угол (77)	138,3 (319)	144,2 (16)	143,9 (30)	146,2 (113)	148,7 (18)
Зигомаксиллярный угол	126,5 (255)	131,9 (14)	132,3 (25)	137,3 (102)	137,8 (17)
Глубина клыковой ямки	5,57 (360)	5,46 (15)	5,56 (26)	4,02 (136)	3,39 (18)
Дакриальная высота (DS)	13,49 (227)	12,17 (8)	13,43 (25)	10,66 (92)	9,47 (13)
Дакриальная хорда (DC)	22,67 (240)	21,75 (7)	21,27 (25)	21,71 (92)	21,88 (13)
Симотическая высота (SS)	5,00 (258)	3,21 (10)	4,49 (25)	3,35 (107)	2,39 (14)
Симотическая хорда (SC)	9,30 (264)	6,72 (11)	8,48 (25)	7,79 (108)	6,62 (14)
Угол выступания носа (75—1)	32,9 (270)	28,6 (8)	26,7 (24)	23,2 (95)	22,0 (10)
Длина основания черепа (5)	105,7 (284)	102,0 (18)	100,6 (6)	103,6 (107)	101,7 (14)
Длина основания лица (40)	100,9 (248)	97,5 (13)	99,5 (6)	103,7 (92)	99,5 (13)
Общий лицевой угол (72)	85,1 (310)	84,9 (16)	84,7 (28)	85,6 (106)	87,1 (14)
Верхняя высота лица (48)	71,0 (402)	69,0 (18)	70,9 (29)	75,3 (131)	75,5 (18)
Скуловой диаметр (45)	138,4 (378)	139,5 (21)	143,0 (32)	141,2 (129)	142,7 (16)
Высота носа (55)	51,9 (393)	51,6 (20)	51,9 (28)	54,5 (125)	53,9 (19)
Ширина носа (54)	25,5 (383)	25,3 (21)	25,1 (28)	25,8 (126)	26,1 (20)
Частота антропических форм, %	56,6 (387)	78,1 (18)	55,8 (26)	26,0 (132)	12,4 (18)
Ширина орбиты (51)	43,6 (398)	42,7 (19)	44,9 (31)	43,0 (122)	42,7 (20)
Высота орбиты (52)	32,5 (411)	33,0 (19)	33,6 (32)	34,0 (123)	34,5 (20)
Продольный диаметр (1)	190,5 (462)	183,0 (26)	187,9 (41)	190,8 (145)	188,2 (18)
Поперечный диаметр (8)	141,1 (455)	142,2 (26)	139,8 (39)	144,5 (146)	145,3 (18)
Высотный диаметр (17)	138,2 (355)	137,8 (19)	134,1 (42)	131,4 (108)	131,7 (14)
Наименьшая ширина лба (9)	98,7 (474)	93,7 (25)	97,3 (40)	94,5 (148)	91,6 (21)
Угол профиля лба (32)	81,5 (332)	81,4 (14)	77,5 (30)	78,6 (112)	78,4 (14)
Развитие надбровья (1—6)	3,93 (4,72)	3,99 (28)	3,72 (40)	3,74 (152)	3,46 (21)

Пояснение к таблице 5

1. Средние величины представляют собой суммированные данные по мужским и женским черепам. Средние величины каждой серии женских черепов предварительно умножены на средний коэффициент полового диморфизма. Эти коэффициенты определены на основе подсчета по нескольким десяткам серий, по возможности равномерно представляющим разные расовые типы. Для углов вместо коэффициента использовалась средняя разница. Значения для приведенных в таблице признаков получены следующие:

Назональный угол	0	Скуловой диаметр	1,072
Зигомаксиллярный угол	0	Высота носа	1,062
Глубина клыковой ямки	1,100	Ширина носа	1,041
Дакриальная высота	1,113	Частота антропических форм	0,80
Дакриальная хорда	1,056	Ширина орбиты	1,040
Симотическая высота	1,207	Высота орбиты	1,005
Симотическая хорда	0	Продольный диаметр	1,049
Угол выступания носа	+4°	Поперечный диаметр	1,037
Длина основания черепа	1,054	Высотный диаметр	1,047
Длина основания лица	1,042	Наименьшая ширина лба	1,032
Общий лицевой угол	0	Угол профиля лба	-2°,5
Верхняя высота лица	1,076	Развитие надбровья	1,63

2. Неизбежная при этом потеря информации определена в среднем в размере $\frac{1}{3}$ числа женских черепов. Из числа наблюдений вычтена эта величина. Надлежит в дальнейшем уточнить величину потери по отдельным признакам.

3. При сводке данных приходится иногда встречаться с различиями в методике. В этих случаях использованы следующие коэффициенты:

А	Б	А : Б
Ширина орбиты от максилло-фронтальной точки	Ширина орбиты от дакриона	1,067
Длина основания лица до простона	Длина основания лица до альвеолярной точки	1,014
Высота лица до альвеолярной точки	Высота лица до простона	1,035
Высотный диаметр базион-брегма	Высотный диаметр порион-брегма	1,170 (весьма приближенно)

4. Описательное определение глубины клыковой ямки по пятибалльной схеме (0—4) переведено на определение в миллиметрах по уравнению $(\text{ср. балл} \times 2) + 0,75$.

5. Размеры переноса, опирающиеся на дакриальные точки, часто не могут быть получены вследствие разрушения кости. Если измерены соответствующие размеры от максиллофронтальных точек — ширина (МС) и высота (MS), то дакриальные размеры определены по уравнениям

$$DS = 11,8 + [(MS - 8) \times 0,6]$$

$$DC = MC \{1,44 - [0,038 (MS - 6)]\}$$

Следовало бы определить величину потери информации при такого рода вычислениях, но этого пока не сделано.

6. Средние для северных европеоидов и для предбайкальских групп не взвешенные.

SUMMARY

The territory of the northern belt of the Russian plain and of the eastern Baltic was first settled in the Mesolithic. There are several opinions concerning the ways of its settlement. Debates centre in particular around the question of whether Mongoloids took part in this process. The present-day population of the territory displays interserial correlation of the basic features, which bears out the view upholding the intermingling of races. With regard to palaeanthropological data, of major importance is flatness of face. From the point of view of flatness of face the Neolithic series of the Russian plain hold an intermediate position between Europeoids and Mongoloids.

There is a hypothesis that the flatness of face observed among the Neolithic skulls is a characteristic feature of the given local type and is not to be considered an indication of a Mongoloid admixture. Yet the Neolithic skulls found in the Russian plain evince certain proximity to Mongoloid-type skulls also from the point of view of other features.

These facts in their totality warrant the conclusion that both European and Siberian elements took part in the initial settling of the northern belt of the Russian plain and of the eastern Baltic.

В. А. РАНОВ

РИСУНКИ КАМЕННОГО ВЕКА В ГРОТЕ ШАХТЫ

Осенью 1958 г. археологическая группа Памирской экспедиции АН СССР под руководством автора открыла на Восточном Памире интересные наскальные изображения, описанию и предварительной интерпретации которых посвящена настоящая статья.

Рисунки были обнаружены в небольшом гроте Шахты I, расположенном в 40 км на Ю-З от районного центра Восточного Памира — поселка Мургаб. Грот находится в левом борту ущелья Шахты, лежащего в устье Куртеке-сая. Ущелье это врежется в массив палеовюрских известняков, в которых эоловые и карстовые процессы вырабатывали большое количество труб, щелей, провалов, скальных навесов и гротов. Абсолютная высота грота около 4200 м над уровнем моря, высота площадки над конусом выноса ущелья Шахты 60—80 м. Подход к гроту удобный — узкая тропинка идет по крепкой щебенчатой осыпи. Грот сухой, открыт на восток, хорошо освещен солнцем. Ширина его у входа 7,5 м, глубина 6 м. Скальный потолок высокий, не менее 25—30 м (рис. 1). Образовался грот в результате карстового размыва тектонической трещины. Южная стена, на которую наносились рисунки, наклонена к плоскости пола примерно на 50°. В прошлом рисунками была покрыта площадь не менее 20—25 м², о чем свидетельствуют отдельные линии и пятна краски, кое-где сохранившиеся на разрушенной выветриванием поверхности. Только благодаря особому удачному наклону части скалы время пощадило несколько рисунков, образующих своеобразный «фриз», вытянутый с востока на запад на высоте 1,6—2 м от уровня пола (рис. 2).

Все изображения (всего их 7, но хорошо сохранились лишь 4 фигуры) нанесены минеральной краской. Материал для краски древние обитатели грота брали здесь же в трещинах стены, где встречаются порошковидные высыпки железистых соединений. Краска имеет два тона: светлый («кирпичный» цвет), и более темный («бордовый» цвет). Чаще использовалась краска светлого тона; «бордовая», представляющая собой более сильную концентрацию красителя, применялась в основном лишь для отдельных деталей. Однако один частично сохранившийся рисунок, перекрывающий изображения «кирпичного» цвета, сделан «бордовым» (рис. 3)¹. За исключением первой фигурки, все изображения контурные, линейные. Линии рисунка сравнительно тонкие (1,5—2 см), неровные, часто подправлены добавочным слоем краски. По-видимому, рисунок наносился непосредственно пальцем.

¹ На рис. 3 «кирпичная» краска передана заливкой тушью, «бордовая» — штрихами. Вследствие шероховатости скалы калькирование рисунков было весьма затруднено. К тому же даже самое слабое прикосновение к рисункам вызывало осыпание краски. Проверенная по фотографии прорисовка представлена на настоящем рисунке. Он не претендует на абсолютную точность, но более четко, чем фотографии, передает некоторые детали и соотношение изображений.

Рис. 1. Грот Шахты, общий вид входа

Самое крайнее от выхода (восточное) изображение — фигурка человека, замаскированного под птицу (рис. 3, слева). Высота фигурки 23 см. Рисунок теневой, вся поверхность изображения покрыта относительно темной краской. Хорошо различаются детали: высокая шея, крупное туловище, клюв и шишечка на голове «птицы», великолепно сохранились прямые длинные ноги с четко выделенными человеческими стопами. Ниже «человекоптицы» и несколько выше справа — два непонятных неоконченных или несохранившихся рисунка, с которыми, очевидно, была композиционно связана фигурка человека. Птица, под которую он замаскировался, более всего напоминает страуса. Конечно, это могла быть и птица из отряда журавлиных (журавль, дрофа)², но против такого предположения прежде всего говорят размеры птицы.

² Ср. рисунок птицы из Куруг-Тага (Северный район Лобнора) в работе: F. Bergman, Archaeological researches in Sinkiang, «The Sino-Swedish expedition», Publ. 7, Stockholm, 1939, табл. XVI, а. ,

Рис. 2. Грот Шахты, общий вид изображений (фото)

Как отметил А. А. Формозов, маскироваться под дрофу не имело смысла — животные испугались бы такой большой дрофы³. Изображения страуса нередки среди наскальных рисунков Африки, причем наряду с реалистическими изображениями типа рисунков из Хабетера⁴, Джерата⁵ и др., здесь имеются и очень стилизованные рисунки. Среди последних особо интересны выгравированные страусы из Адрар-Анет,

³ А. А. Формозов, Книга о наскальной живописи Узбекистана, «Сов. этнография», 1951, № 3, стр. 215.

⁴ L. Frobenius, Ekade Ektab, die Felsbilder Fezzans, Leipzig, 1937, табл. XXIII, XXVII, XXVIII и др.

⁵ M. Reygasse, Gravures et peintures rupestres du Tassili des Ajjers, «L'Anthropologie», т. 35, № 5—6, 1935, рис. 12.

очень напоминающие наш рисунок⁶. (рис. 4, 1). Скорее всего в гроте Шахты нарисован охотник с дубинкой в руке, отведенной для броска (линия, проведенная выше туловища). Рисунок имеет аналогии среди других изображений охотников, замаскированных под птицу (рис. 4, 3). Однако можно предложить и другие объяснения⁷.

Рис. 3. Грот Шахты, общий вид изображений, прорисовка (размеры приведены в тексте)

Следующие две фигуры нарисованы одна против другой, но вряд ли они связаны между собой композиционно (рис. 3 в центре, рис. 5). Они изображают дикого кабана и медведя, или двух кабанов⁸. От левой фигуры сохранилась только половина (длина 40 см). Художник специально подчеркнул характерные черты животного: массивный загривок,

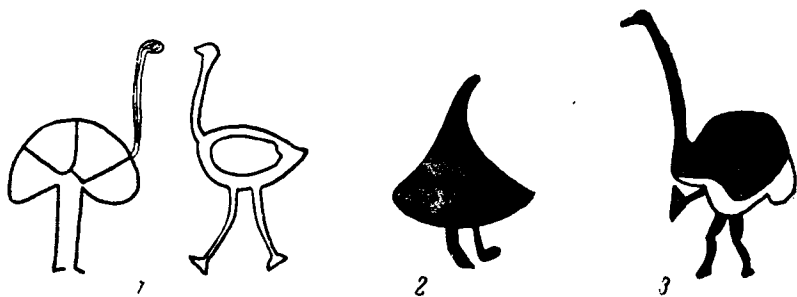

Рис. 4. 1 — изображения страусов из Адрар-Анет (по Н. Allimen); 2 — изображение, охотника из Зараут-сая (по А. Рогинской); 3 — изображение охотника, замаскированного под страуса (по Н. Allimen)

маленькие стоячие уши и длинную морду. Ног у этой фигуры нет. На их месте — линии, выполненные «кирпичной» краской темного тона. Они, несомненно, связаны с изображением в одно целое, но никак не могут передавать ноги животного. Эти ритмически повторяющиеся линии

⁶ Приведены у Н. Allimen, *Préhistoire de l'Afrique*, Paris, 1955, стр. 426, рис. 118 (есть русский перевод).

⁷ Мы не останавливаемся на этом вопросе более подробно, так как существует обширная литература, посвященная интерпретации изображений «полулюдей-полуживотных»; см., например, E. Saccasyn della Santa, *Les figures humaines du Paléolithique supérieur eurasiatique*, Anvers, 1947; А. Д. Авдеев, *Происхождение театра*, Л.—М., 1959, и др.

⁸ Зоологи Н. К. Верещагин и Р. Л. Потапсв, ознакомившиеся с фотографиями и прорисовкой описываемых рисунков, высказали мнение, что слева направо нарисованы кабан, медведь, медведь (кабан?). Автор приносит названным исследователям свою глубокую благодарность.

(в виде перекрестий с утолщением посередине) означают, скорее, составные части ловушки, куда попал зверь. Второе возможное, но менее вероятное, объяснение этих линий — сильно стилизованные фигурки людей, окруживших животное. И, наконец, нельзя не вспомнить зага-

Рис. 5. Грот Шахты, центральная группа изображений, деталь

дочные знаки палеолитических пещер, иногда сопровождающие рисунки животных — «клавиформы», значение которых все еще остается неясным. Следует также отметить нарисованную «бордовой» краской, плохо сохранившуюся стрелу, помещенную у ушей. Отдельные пятна такой же краски заметны и выше спины. Непонятна разорванная линия, проходящая через туловище.

Напротив нарисовано другое животное (длина 60 см). Это массивный зверь, изображенный в момент прыжка. Контур рисунка уверенный, четкий. Хорошо заметен клык, выдающийся над верхней губой, и рот, переданный несколькими штрихами. Ноги не детализированы, даны очень условно, видна только обращенная к зрителю лапа. У передних более темной краской нарисовано острие (рогатина?), на которое напоролось животное (рис. 3, в центре; рис. 5).

Изображение медведя в среднеазиатских наскальных рисунках отсутствует. Медведя рисовали вообще чрезвычайно редко даже в тех областях, где он водился в изобилии. Интересно, что среди тысячи рисунков Шишкинских скал есть только одно изображение, напоминаю-

Рис. 6. Грот Шахты. западная фигура и перекрывающий ее рисунок

щее медведя⁹. Это животное не часто встречается и в петроглифах Белого моря и Онежского озера. Несколько более распространено в наскальных рисунках Средней Азии изображение дикого кабана. Но для Таджикистана известен пока только один рисунок (совершенно отличный по стилю от наших) — у пос. Шайдан в Северном Таджикистане¹⁰. В опубликованных рисунках Зараут-сая (Сурхан-Дарьинская область Узбекской ССР, где этот зверь сейчас водится в изобилии), изображение кабана не встречается¹¹. Интересно отметить, что кабан и медведь значительно чаще изображались в палеолитическом искусстве¹².

Следующая фигура, самая крупная, имеет длину 85 см (рис. 3, справа; рис. 6). Животное, которое здесь нарисовано, трудно определить. Массивные ноги, небольшой горб, линия живота и широкий хвост как будто говорят, что перед нами животное из семейства Bovidae (скорее всего як), но вытянутая морда, маленькие уши и отсутствие рогов¹³ заставляют зоологов видеть в этом изображении рисунок медведя. В отличие от средней фигуры здесь задние ноги изображены весьма детально, но совершенно в иной манере; очень схематично, прямыми линиями даны передние ноги. Различная степень детализации конечностей одного и того же животного изредка встречается в памятниках, начиная от па-

⁹ А. П. Окладников. В. Д. Запорожская, Ленские писаницы, М.—Л., 1959, стр. 68. Только одно изображение медведя известно и в Прибайкалье, хотя этот зверь всегда играл значительную роль в различных культах народов Восточной Сибири (А. П. Окладников, Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири, «Сов. археология», XIV, 1946).

¹⁰ В. А. Ранов, Рисунки на скалах, «Таджикистан», 1957, № 4, рис. 6.

¹¹ Трудно согласиться с А. А. Формозовым, усмотревшим в неоконченной фигуре (см. рис. 19 в кн.: А. Рогинская, Зараут-сай, М., 1950) рисунок кабана (А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 214). Против такого заключения говорят длинная шея и тонкие ноги изображенного на этом рисунке животного.

¹² S. Reinach, Répertoire de l'art quaternaire, Paris, 1913.

¹³ Так, многочисленные рисунки быков различных эпох, приведенные в работе: Н. Lengerken, Der Ur und seine Beziehungen zum Menschen, Leipzig. 1953,—имеют рога как обязательный атрибут изображения

леолитического времени¹⁴. Интересно, отметить и изображение мускулов, показанных на передней ноге животного.

Особый интерес представляют стрелы. Одна из них, самая крупная, помещена ниже загривка, другая в нижней части морды, третья летит снизу в голову зверя. Стрелы направлены с противоположных сторон, так как летят в разном направлении. В этом, вероятно, можно видеть выражение облавной охоты. Подобный момент отражен и в других памятниках искусства различных эпох каменного века — в рисунке израненного медведя из пещеры Трех братьев¹⁵, в изображении оленя, пронзенного дротиками (пещера Пена де Кондамо)¹⁶, или в более четко выраженном виде, уже с фигурами охотников — в сцене из пещеры

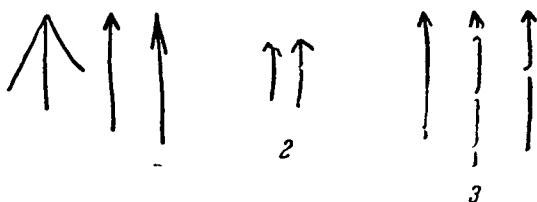

Рис. 7. Изображения стрел в палеолитических рисунках: 1 — из пещеры Трех братьев; 2 — из пещеры Нио; 3 — из пещеры Ласко

Аранья¹⁷ и Зараут-сая¹⁸, а также многих других. Правее передней ноги имеется толстая линия — древко, идущее до нижней части морды зверя. Этот предмет может изображать гарпун. Одновременно он напоминает рисунки стрелы без наконечника, встречающиеся в изображениях из пещер Нио¹⁹, Ласко²⁰, в рисунках из Залавруги²¹ и других.

Манера передачи боевой части стрелы в наскальных изображениях весьма разнообразна. Для нас важно, что форма, которую мы встречаем в гроте Шахты, находит аналогии среди очень древних палеолитических рисунков (рис. 7). Такие стрелы известны из пещер Портель, Нио, Комбарель, Трех братьев, Ласко и многих других²². В более поздних рисунках мезолитического и неолитического времени появляются уже другие наконечники стрел, а упомянутая архаическая форма встречается все реже и реже. Это можно проследить на хорошо изученных позднелитических изображениях из Восточной Испании²³. Иной характер имеют наконечники стрел и в зараут-сайских рисунках. В тех редких случаях, когда стрелы, близкие к нашим по форме, встречаются уже в эпоху металла в сценах охоты, выбитых или нарисованных на скалах, они всегда связаны с фигурой стрелка, или же, как исключение,

¹⁴ Особенно напоминают конечности на нашем рисунке ноги слона из пещеры Кастильо; ср. также и другие рисунки в кн. S. Reinach, Указ. раб., стр. 43, 44, 74, 65, 103, 104 и др.

¹⁵ H. Begouen, H. Breuil, Les cavernes du Volp, Paris, 1958, стр. 47—48, рис. 52.

¹⁶ H. Breuil, Quatre cent siècles d'art pariétal, Montignac — Dordogne, 1952, рис. 50.

¹⁷ С. Н. Замятин, Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита, сб. «Проблемы истории первобытного общества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LIV, М.—Л., 1960, рис. 4.

¹⁸ А. Рогинская, Указ. раб., табл. I.

¹⁹ S. Reinach, Указ. раб., стр. 163, 165, 168—169.

²⁰ F. Windels, The Lascaux cave paintings, London, 1949, стр. 53, 55.

²¹ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, ч. II, М.—Л., 1938, табл. 6.

²² H. Breuil, Указ. раб., рис. 94, 110, 127, 134, 143, 145, 367 и др.

²³ Например, H. Kühn, Kunst und Kultur der Vorzeit Europas, Berlin und Leipzig, 1929, рис. 105, 108, 110, табл. 83 и др.

с изображением лука²⁴. Но не только архаическим обликом стрел интересно описываемое изображение. Очень важно и смысловое значение рисунка, безусловно близкое к широко известным палеолитическим изображениям животных, пораженных стрелами, и прежде всего знаменитому изображению бизона из пещеры Нио. Охотничья магия настолько ярко выражена в нашем рисунке, что объяснение его не нуждается ни в каких дополнительных сравнениях.

Отсутствие изображений охотников, непосредственно участвующих в охотничьей сцене, объясняется обычно тем, что на ранних этапах развития искусства охотник сам является действующим лицом магического обряда²⁵, поэтому наличие фигур охотников справедливо рассматривается как признак сравнительно позднего, уже собственно не палеолитического возраста рисунка. Следует отметить также, что уже в мезолитических рисунках, тем более позднейших, в противоположность палеолитическим, стрелы помещаются не внутри контура тела животного, а вне его, они как бы воткнулись в зверя, а древко стрелы находится снаружи. Такие изображения, как лоси со стрелами, помещенными внутри тела (Шишкино), являются для этого времени исключением²⁶. Еще более характерно присутствие охотника для рисунков эпохи металла, причем здесь чаще всего встречается одиночная фигура охотника.

Ниже описанного рисунка нанесено много линий, сделанных «бордовой» краской, понять значение которых очень трудно (рис. 3, справа внизу). Они могут относиться к изображению, нанесенному поверх двух крайних западных фигур. Этот рисунок не сохранился — прослеживается только часть контура крупного животного с горбом на спине.

Итак, при всех возможных вариантах, из трех животных, нарисованных на стене грота Шахты, два — страус (?) и кабан в настоящее время не встречаются на Восточном Памире²⁷. Ярко выраженная охотничья магия свидетельствует о том, что здесь изображены реальные животные, жившие в данном районе. Поэтому справедливо рассматривать их как представителей былой фауны этой области, существовавшей в иных климатических условиях.

Изображение на рисунках из грота Шахты фигуры человека, замаскированного под страуса, не должно нас особенно удивлять. В Центральной Азии и прилегающих областях находки яиц страусов известны не только для нижнего плейстоцена или эпохи отложения лёссов, но и гораздо позднее. На стоянках первобытного человека обломки скорлупы яиц этой птицы встречаются вплоть до неолита²⁸. И хотя одновременность существования первобытного человека и страуса в Центральной Азии еще не доказана, позитивное решение этого вопроса представляется возможным²⁹. Более того, не исключено, что страусы жили и позднее. А. П. Окладников обнаружил рисунок птицы, напоминающей

²⁴ А. Д. Грач, Петроглифы Тувы, II, «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XVIII, М. — Л., 1958, табл. XXVI; A. H. Francke, The Dards at Khatlatse in Western Tibet, «Memoirs of the Asiatic Society of Bengal», Calcutta, 1906, т. I, № 19, табл. XVI, I, XVII, II и мн. др.

²⁵ С. В. Иванов, Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита, «Сов. этнография», 1934, № 4, стр. 92.

²⁶ А. П. Окладников, Шишкинские писаницы, Иркутск, 1959, стр. 19.

²⁷ Вертикальная граница распространения дикого кабана не превышает высоты 3000 м (В. И. Чернышев, Фауна и экология млекопитающих тугаев Таджикистана, Труды АН ТаджССР, т. LXXXV, 1958, стр. 152).

²⁸ Г. П. Сосновский, О находках древней каменной индустрии и остатков страуса в Селенгинской Даурии, «Сообщения ГАИМК», 1932, № 11—12; Л. Н. Иваньев, Остатки ископаемого страуса в западном Забайкалье, «Труды Иркутского гос. ун-та», серия геологическая, 1958, вып. 2; Chêng te-K'ün, Archaeology in China, т. I, Cambridge, 1959, стр. 39.

²⁹ P. R. Lowe, Struthions remains from China and Mongolia, with descriptions of Struthio Wimani, Struthio Andersoni and Struthio Mongolicus Sp. nov., «Palaeontologia Sinica», Ser. C, 1931, т. VI, вып. 4, стр. 30.

страуса, в забайкальских писаницах эпохи бронзы³⁰, а находки яиц страуса в Средней Азии отмечены уже в историческое время³¹.

Попробуем теперь определить дату наших рисунков и место, которое они занимают среди наскальных изображений окружающих районов. В отдельных случаях в наскальных изображениях различных эпох металла животные изображаются контуром, линейно³². Но общий облик рисунков из грота Шахты, их смысловое содержание и отмеченные выше архаические черты позволяют сразу исключить из круга аналогий громадное число рисунков, выбитых или выгравированных на скалах и валунах в различных районах Центральной и Средней Азии. Ни одна из известных групп петроглифов этой территории (включая Казахстан и Алтай) при наличии отдельных элементов сходства не может быть в целом сопоставлена с рисунками из грота Шахты. Это заставляет нас искать аналогии в более ранних памятниках первобытного искусства.

Для датировки рисунков немаловажную роль играет способ их нанесения. Рисунки, сделанные краской, для Средней Азии не типичны. За редким исключением³³, подобные рисунки, хотя бы частично, относятся к эпохе первобытно-общинного строя. Это подтверждается также памятниками из других районов: в литературе отмечалось, что древнейшие наскальные изображения Сибири и Казахстана, в отличие от более поздних, выбитых на скалах, нанесены краской³⁴. Это еще одно свидетельство, хотя и косвенное, в пользу ранней даты рассматриваемых рисунков.

Наиболее интересным для сопоставления памятником служит, естественно, Зараут-сай, опубликованный, к сожалению, пока только в самых предварительных чертах³⁵. Этот замечательный комплекс, исследованный археологом-краеведом Г. В. Парфеновым, расположен в юго-западных отрогах Гиссарского хребта (горы Кугитанг-тау). Здесь на стенках и потолках небольших гротов открыто более 200 рисунков, сделанных охрой различных оттенков. Наиболее обоснованную датировку этого памятника предложил А. А. Формозов: мезолит — неолит, причем, по мнению этого исследователя, наиболее вероятна неолитическая или энеолитическая дата³⁶.

Безусловное сходство имеется между замаскированными фигурками охотников из Зараут-сай и грота Шахты (ср. наш рис. 3 и рис. 4, 2). Следует только отметить, что во втором случае фигурка несколько более реалистична. Детали рисунка здесь переданы с большей тщательностью. Стилистически же другие рисунки обоих памятников очень резко отличаются друг от друга. Прежде всего, в Зараут-сае почти не встречается контурных изображений (Г. В. Парфенов отмечает один случай). Размеры зараутсайских рисунков меньше, самые крупные (а их мало) достигают 30 см длины, распространены очень мелкие фигурки (до 4 см). Рисунки темные — полностью покрыты краской. Иной характер имеет и содержание рисунков — в Зараут-сае мы встречаем облавную охоту, в которой участвуют замаскированные в широкие плащи охотники.

Трудно найти черты сходства и среди других ранних изображений Средней Азии. Наиболее близко расположенная к гроту Шахты неболь-

³⁰ А. П. Окладников, О датировке забайкальских писаниц, «Записки Бурят-Монгольского научно-исслед. ин-та культуры», вып. XV, 1952, стр. 58.

³¹ М. Е. Массон, Яйца страусов в Узбекистане, «Социалистическая наука и техника», Ташкент, 1935, № 5, стр. 82—83.

³² Например, И. М. Джафарзаде, Наскальные изображения Кобыстана, Труды Ин-та истории АН АзССР, т. XIII, 1958; В. А. Ранов, Наскальные изображения у кишлака Наматгут, «Изв. Отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. 14, 1957, стр. 67—70.

³³ А. П. Поцелуевский, Наскальные изображения в долине реки Чандыр, «Изв. Туркменского филиала АН СССР», 1948, № 1.

³⁴ А. А. Формозов, Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика, «Сов. этнография», 1950, № 3, стр. 175.

³⁵ А. Рогинская, Указ. раб.

³⁶ А. А. Формозов, Книга о наскальной живописи Узбекистана, стр. 215

шая группа рисунков из пещеры Ак-Чункур на Сары-джасе (Киргизия), часть которых датируется А. П. Окладниковым неолитом³⁷, не дает нам прямых аналогий. Рисунки из Ак-Чункура ближе, пожалуй, к схематизированным изображениям Урала и Казахстана. Последние датируются А. А. Формозовым эпохой бронзы³⁸. Для Средней Азии единственным памятником этого времени, достаточно убедительно датированным, является комплекс наскальных знаков из Кара-тюбе³⁹. Рисунки же быков со скалы Сураты в Южной Киргизии, отнесенные к эпохе бронзы⁴⁰, могут относиться и к более позднему времени, хотя не исключено, что М. Э. Воронец предложил правильную датировку.

Обратимся теперь к более отдаленным территориально памятникам. Как и в первом случае, мы будем рассматривать только наиболее ранние из них. Хорошо изученные петроглифы Белого моря и Онежского озера выполнены совершенно в ином стиле, что исключает возможность прямых сопоставлений. То же можно сказать и о сильно стилизованных, сосуществующих с мало понятными знаками — символами, рисунках из пещеры у с. Баламутовки, которые датируются мезолитом. Исследователь относит последние к каспийской группе наскальных изображений⁴¹. Более интересны ранние изображения Каменной Могилы. Не касаясь сложного вопроса о датировке этого памятника, отметим возможность сопоставления некоторых изображений из его первого грота⁴² с нашими рисунками. Несмотря на различные приемы, которыми выполнены изображения Каменной Могилы и грота Шахты, их сближает общая степень «полуреализма», манера передачи фигур контуром и т. д. Наиболее же близкими по стилю и характеру исполнения к шахтинским нам кажутся древнейшие рисунки Шишкинских скал, в особенности несколько изображений ранне-неолитического времени, в которых, по словам А. П. Окладникова, «можно видеть прямое продолжение древней художественной традиции палеолитических мастеров»⁴³.

Что касается прилегающих областей Центральной Азии, то наиболее ранние рисунки, обнаруженные де-Терра и отнесенные им к «предысторическому» времени⁴⁴, вряд ли значительно отличаются от обычных наскальных изображений эпохи металла.

Основная часть наскальных рисунков Индии связана с ее центральными районами. Судя по последней сводке Д. Гордона, палеолитических изображений среди них нет⁴⁵. Наиболее хорошо изученная группа красочных изображений из Махадео-Хилл (самые ранние рисунки — неолитические) не имеет аналогий с нашими памирскими рисунками. Палеолитические изображения, описанные А. Гхошем⁴⁶, по мнению многих исследователей, более поздние (в одной из пещер автор отмечает, между прочим, фигуру страуса) и также не имеют ясных точек соприкосновения с гротом Шахты. Заслуживают внимания, пожалуй, только неолитические

³⁷ А. П. Окладников, В. И. Рацек, Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня, «Изв. Всесоюзного географического об-ва», т. 86, вып. 5, 1954, стр. 449—452.

³⁸ А. А. Формозов, Наскальные изображения Урала и Казахстана, стр. 175.

³⁹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 72—76.

⁴⁰ М. Э. Воронец, Наскальные изображения Южной Киргизии, Труды Киргизского гос. пед. ин-та, серия историческая, вып. 2, 1950, стр. 83.

⁴¹ О. П. Черныш, Нова пам'ятка Первісного мистецтва, «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», Київ, 1959, вып. 2, стр. 53.

⁴² О. Н. Бадер, Древние изображения на потолках гротов в Приазовье, «Материалы и исследования по археологии СССР», 2, М.—Л., 1941, рис. 2—4.

⁴³ А. П. Окладников, Шишкинские писаницы, стр. 42.

⁴⁴ H. de Terra, Prehistoric caves north of the Himalaya, «American Anthropologist», N. S., т. 33, № 1, 1931, стр. 50.

⁴⁵ D. Gordon, The prehistoric background of Indian Cultures, Bombay, 1958, стр. 98; см. также: J. Orłowski, Indyjska sztuka skalna w świetle dotychczasowych badań archeologicznych, «Archeologia», т. VII, вып. 2, Warszawa—Wrocław, 1957, стр. 9—10.

⁴⁶ M. A. Ghosh, Rock-paintings and other antiquities of prehistoric and later times, «Memoirs of the archaeological Survey of India», № 24, Calcutta, 1932, стр. 9—11.

тические рисунки быков, выбитых контуром на скалах у Райхура, хотя они и изображают, по мнению Ф. Альшина, домашних животных⁴⁷, а также сцена охоты с горы Каймур у Мирзапура. Полуреалистический — полустилизованный характер изображения позволил Г. Кюну считать этот рисунок по стилю переходным от палеолита к неолиту⁴⁸. Но наличие гарпуна, который мог существовать, как отметил тот же автор, вплоть до эпохи металла, а также стилизованной фигуры человека, заставляет думать, что и данное изображение моложе шахтинских.

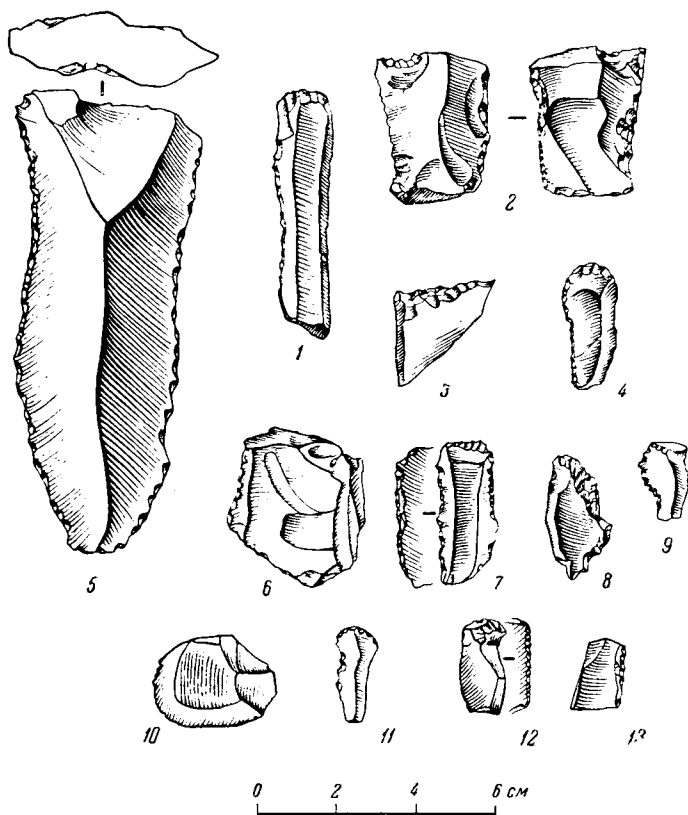

Рис. 8. Грот Шахты, каменные изделия из культурного слоя (крупная пластина поднята на склоне)

Приведенные сравнения показывают, что рисунки из грота Шахты отличаются большим своеобразием, затрудняющим их сопоставление с известными наскальными изображениями с территории СССР и некоторых близких районов зарубежного Востока. Это своеобразие обусловлено или местными особенностями приемов исполнения, или хронологическими рамками, в которые могут быть заключены наши рисунки. По своему содержанию и характеру исполнения рисунки из грота Шахты (за исключением самой восточной фигурки) стоят ближе к палеолитическому искусству, нежели к памятникам эпохи мезолита — неолита. Но вряд ли правильно будет датировать шахтинские рисунки столь ранним временем. Против этого говорит расположение рисунков в гроте, присутствие фигуры «человека-птицы» (достаточно законченного характера) и, наконец, стилистические особенности. Фигуры животных не

⁴⁷ B. Subbarao, *The personality of India*, Baroda, 1958, табл. XV, 4, 5.

⁴⁸ H. Kühn, *Paläolithische Kunst in Indien*, «Jahrbuch für Prähistorische und Ethnographische Kunst», I, 1926, стр. 184.

являются полностью реалистическими. Это «полуреализм», который, по мнению Г. Кюна, стоит между реализмом палеолитического искусства и стилизацией последующей эпохи. Это «...стилизация, развивающаяся в старых линейных формах»⁴⁹.

Поэтому для датировки приходится прибегнуть к косвенным данным и считать, что наиболее вероятный возраст наших рисунков должен соответствовать времени появления первых (после оледенений) людей на Восточном Памире, что, вероятно, соответствует мезолиту — раннему неолиту⁵⁰. Необходимо особо подчеркнуть архаичность большей части описанных изображений. Последняя позволяет установить их генетическую связь с образами и представлениями эпохи палеолита, как это имеет место, например, в неолитических рисунках северной части Европы⁵¹.

Мало помогает пока разрешению вопроса о датировке присутствие культурного слоя каменного века, обнаруженного в траншее, заложенной в гроте. Облик культуры, носителями которой были жившие в гроте люди, остается еще не совсем ясным. Из траншеи, пройденной до скалы, были добыты только мелкие отщепы, несколько тонких ножевидных кремневых пластинок с микролитической ретушью, нанесенной с брюшка, и один обломок нуклеуса со следами скалывания узких правильных пластинок (рис. 9). К тому же одновременность культурного слоя и рисунков в гроте вероятна, но не обязательна⁵².

Предлагаемая интерпретация рисунков из грота Шахты носит, естественно, предварительный характер. Описанные рисунки, бесспорно, заслуживают внимания исследователей: их своеобразие и близость к известным образцам палеолитического искусства позволяет отнести их к наиболее ранним наскальным изображениям на территории СССР; особый интерес придает этим рисункам то, что они были сделаны первобытными охотниками в труднодоступной горной области, находящейся на высоте более четырех километров над уровнем моря, и являются, таким образом, самым высокогорным в мире памятником первобытного искусства.

SUMMARY

In 1958, in the Eastern Pamirs (Shakhty I Grotto in the environs of the settlement of Murghab) the author of the present article discovered ancient rock paintings. Four of the seven paintings were preserved in fine shape. Traced on an inner wall of the grotto in red mineral paint of a light («brick») and darker («claret») hue, the paintings represent the figures of a man masked as a bird, of animals — wild boar, bear (?) and bull (?), and also arrows pointing in different directions. The peculiar nature of these paintings vis-à-vis analogous paintings from other areas should be stressed.

A comparison of the paintings from Shakhty I Grotto with a variety of rock paintings in Europe, Asia and Africa, leads us to date the former by the Mesolithic or early Neolithic period.

Particular attention attaches to the paintings from Shakhty I Grotto because they are the most high-mountain of all known relics of prehistoric art.

⁴⁹ H. Kühn, *Die Felsbilder Europas*, Zürich — Wien, 1952, стр. 55.

⁵⁰ В. А. Ранов, Первые памятники каменного века на Памире, «Материалы II Всесоюзного совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 185—190.

⁵¹ В. И. Равдоникас, Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря, «Сов. археология», III, 1937, стр. 5.

⁵² Ср. Н. Вегел, Указ. раб., стр. 37.

Т. Д. ЗЛАТКОВСКАЯ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ФРАКИЙСКИХ ПЛЕМЕН

Начало I тысячелетия до н. э. было переломной эпохой в истории племен, населявших балкано-дунайские земли¹. Культура эпохи бронзы с ее яркими памятниками, в значительной степени отражающими традиции предшествующей позднемикенской эпохи, уходила, уступая место новой, так называемой первой эпохе железа. Это был период формирования культуры фракийских племен, впервые упомянутых у Гомера в «Илиаде», где нашел отражение период X и IX вв. до н. э.²

В историографии XIX и XX вв. неоднократно отмечалось, что, с одной стороны, фракийцы Гомера с их медным вооружением, боевыми колесницами, прекрасными кубками и т. п. предстают перед нами как народ, равный по уровню своего развития ахейцам; с другой же — античная традиция классического времени (Геродот, Фукидид, Ксенофонт) рисует нам фракийцев как «варваров», стоящих на значительно более низкой ступени развития, чем греки, и не игравших сколько-нибудь значительной роли в основных событиях античного мира — Греко-персидской и Пелопоннесской войнах³. Сравнение этих разноречивых данных о фракийцах приводит к выводу о значительных изменениях, происшедших в среде древних насельников фракийских земель за период между X—IX и V—IV вв. до н. э., что, вероятно, было связано с вторжением иных, но родственных фракийцам племен⁴.

Возможно, в этом отразился тот глубокий процесс, который можно в общих чертах проследить и на памятниках материальной культуры. Истоки фракийской культуры классического времени трудно усмотреть только в культурах эпохи бронзы, распространенных на Балканах. Более того, трудно усмотреть прямую и непосредственную преемственность между общим обликом культуры бронзы и классической фракийской культурой латенской эпохи⁵. Бесспорно, процесс перехода от брон-

¹ Д. Димитров, Последние археологически разкопки в България, София, 1955, стр. 15.

² Г. Кацаров, Тракия и омировия епос, «Изв. на историческо дружество», кн. XI—XII, 1931—1932, стр. 122—135; Хр. М. Данов, Към материалната култура на тракийците през омирова епоха, «Исторически преглед», 1947, № 4, стр. 15—21.

³ Первым на это обстоятельство обратил внимание В. Гельбинг («Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert», Leipzig, 1884, стр. 7 и сл.); см. также: Г. Кацаров, Указ. раб.; Хр. М. Данов, Указ. раб.

⁴ W. Tomaschek, Die alten Thraker, «Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historische Klasse», CXXVIII, 1893, стр. 11—112.

⁵ Иной точки зрения по этому вопросу придерживается В. Миков («Предисторически селища и находки в България». «Изв. на Българския археологически институт (ИБАИ)», III, 1933, стр. 112), подчеркивающий сходство некоторых первых железных предметов с бронзовыми и на основании этого делающий вывод о том, что в переходный от бронзы к железу период «никаких этнографических изменений не было». Нам представляется, что изделия из металла сами по себе, да еще в таком небольшом количестве, — плохой объект для каких-либо утверждений об этническом составе общества, ибо имеются неограниченные возможности для передачи их в самые отдаленные

зы к железу включал в себя прежде всего автохтонное развитие материальной культуры племен эпохи бронзы в дунайско-балканских областях, связанное с развитием производительных сил, усовершенствованием орудий труда, предметов домашнего обихода, что влекло за собою изменение материальной культуры. Естественно, этим поступательным движением в развитии общества эпохи бронзы надо скорее всего объяснять появление нового (главным образом появление железа) в культуре племен Балканского полуострова. Однако исходя из этого было бы все же неправильно искать некую «прафракийскую» культуру, в которой имели бы место все исходные формы будущей фракийской культуры. В истории племен вообще и фракийских в частности, если речь идет о больших исторических эпохах, было бы неправильно, на наш взгляд, искать единую прямую линию развития. Исторический процесс включает в себя не только прямолинейное преемственное развитие, но и множество иных моментов, связанных, в частности, с появлением новых этнических элементов, культурными связями и взаимовлияниями, обменом, проявляющимися в различной степени и в различных формах. Здесь мы хотели остановиться на одном из них, сыгравшем определенную роль в этногенезе фракийских племен.

Речь идет о некоторых археологических материалах, указывающих на появление памятников срубной культуры на территории Нижнего Поднестровья и степного Прутско-Днестровского междуречья, а также на проникновение отдельных элементов этой культуры в балкано-дунайские области, занятые впоследствии фракийцами.

Со времени выхода в свет работ О. А. Кривцовой-Граковой, посвященных истории материальной культуры племен степного Поволжья и Северного Причерноморья в эпоху бронзы⁶, следует считать установленным распространение срубной культуры с Волги по степной полосе на запад. Большинство материалов, характеризующих этот процесс на интересующей нас территории, известных до последнего времени, относится к областям Нижнего Буга и Одесщины; лишь отдельные находки были отмечены западнее, на Левобережье Днестра. В настоящее время археологические данные, характеризующие элементы срубной культуры в Поднестровье, могут быть дополнены новыми материалами из раскопок, проводимых в последние годы сотрудниками Одесского археологического музея⁷.

Мы имеем в виду интересные комплексы (главным образом керамические), добытые при раскопках и разведках в окрестностях Овидиополя, затем у с. Черноморка, в Усатове IV, в Лузановке, Ильинке, Петуховке II, близ с. Кривая Балка, Старые Беляры, Коблево, на хуторе Черевичном в окрестностях Одессы, а также в Викторове III и Кременчуке Николаевской области и на о. Березани⁸. Эта лепная посуда

области, а трудность их изготовления приводит к широким заимствованиям форм этих изделий. Керамика в этом отношении — гораздо более благодарный объект изучения. Что касается ее, то сам В. Миков утверждает, что в первых фракийских крепостях с IX по IV в. до н. э. находят керамику, «которая не встречается ни раньше, ни позже» (там же).

⁶ О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник, Труды ГИМ, XVII, 1947, стр. 57—172; ее же, Степное Поволжье и Северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы, «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 46, 1955.

⁷ Приношу глубокую благодарность дирекции Одесского музея — М. С. Синицыну и А. Г. Сальникову, предоставившим мне возможность работать в фондах Музея.

⁸ Некоторые из этих материалов опубликованы: М. С. Синицын, Карта поселень і городищ між гирлами Дністра і південного Бугу скіфсько-сарматського часу, «Наукові записки», Одеський державний педагогічний інститут ім. К. Д. Яшинського, т. X, стр. 33—61; его же, Матеріали до археологічної карти узбережжя Хаджибейського лиману, Одеської області, «Матеріали з археології Північного Причерномор'я», вип. II, Одеса, 1959; Г. О. Дзис-Райко, Ліпна кераміка з о. Березані VII—VI ст. до н. е., там же, стр. 36; Е. Яровая, Керамика из раскопок в селе Кременчук Николаевской области, там же, вып. I, стр. 55—62.

по своим формам, технике исполнения и орнаментации идентична так называемой сабастиновской позднесрубной керамике северо-западного Причерноморья. Характерные черты ее, отмеченные О. А. Граковой, полностью прослеживаются в этих комплексах⁹.

Поселения сабастиновского времени датируются предскифским временем, т. е. в основном IX—VIII вв. до н. э.¹⁰

М. С. Сеницын описанные керамические комплексы также относит к предскифскому, киммерийскому времени. Такой же точки зрения придерживается Е. Ф. Яровая, опубликовавшая керамику из Черевичного. Более поздним периодом, VII—VI вв. до н. э., датирует лепную керамику с о. Березани Г. О. Дзис-Райко¹¹. Последние (1960 г.) раскопки на о. Березани дают, однако, возможность отнести ее и к более раннему времени¹².

Вероятно, к этому же типу керамики следует отнести и целую серию фрагментов грубых лепных сосудов с более западных территорий, с Правобережья Днестра, хранящихся в фондах Белгород-Днестровского музея. По форме, орнаментации и технике изготовления они мало отличаются от комплексов, которые характеризуют поздний этап срубной культуры в правобережном Поднестровье.

Не менее важные данные для характеристики процесса проникновения срубной культуры далее на запад, в Прутско-Днестровское междуречье, дают погребальные памятники. До настоящего времени обследован район долины рек Когильника и Сарата, охватывающий юг Прутско-Днестровского междуречья до так называемого Нижнего Траянова вала. Среди них следует прежде всего назвать погребение в кургане, расположенном в долине р. Когильник между селами Градишта и Валя-Пержей¹³. Форма сосудов, положение погребенного и сама стратиграфия кургана, содержащего в грунте захоронения древнеянского типа, дают возможность Т. Г. Оболдуевой считать это погребение типичным срубным. Незначительное количество сосудов в этом погребении и единичность самого погребения очень затрудняют определение периода развития срубной культуры, к которому его следует отнести. Однако, если исходить из тех данных, которые имеются в нашем распоряжении, можно полагать, что это поздний период срубного времени, когда получили распространение простые баночные сосуды с незначительно отогнутым краем. Сам обряд захоронения характерен для поздней стадии развития срубной культуры (юго-восточная, а не северная, как это характерно для более раннего периода срубной культуры, ориентировка покойного; сильно согнутые, подогнутые к голове руки; отсутствие сруба и красной краски).

К той же группе памятников следует отнести ряд впускных захоронений в кургане у с. Сараты (№ 2, 3, 5, 8, 10, 11)¹⁴. Покойники лежат скорченно на левом (пять) или правом (один) боку. Четкой ориентировки нет. По ряду признаков эти захоронения следует отнести к позднему периоду срубной культуры. Если не принимать во внимание форму и высоту кургана, который был возведен в более раннее время над

⁹ О. А. Кривцова - Гракова, Степное Поволжье..., стр. 124—130, рис. 28 и 29. Г. О. Дзис-Райко, издавшая грубую керамику с о. Березани, также считает, что аналогии ей надо искать среди памятников позднесрубной культуры (Указ. раб., стр. 41 и 43).

¹⁰ О. А. Кривцова - Гракова, Степное Поволжье..., стр. 130.

¹¹ Г. О. Дзис-Райко, Указ. раб., стр. 41 и 43.

¹² Как любезно нам сообщила Е. Ф. Яровая, проводившая эти раскопки, начало бытования грубой керамики с о. Березани можно отнести к VII в. до н. э.

¹³ Т. Г. Оболдуева, Курганы эпохи бронзы на р. Когильник, «Изв. Молдавского филиала АН СССР», № 5 (55), 1955, стр. 31—48, особенно стр. 34 и 46 (погребение № 1), рис. 6, 4 и 7, 3.

¹⁴ Ф. И. Кнауэр, Вторая археологическая раскопка около села Сараты, «Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца», кн. IV, Киев, 1890, стр. 30—34.

основным захоронением в грунте, все они укладываются в схему, характеризующую срубные захоронения последнего периода¹⁵.

Указанные археологические материалы могут служить свидетельством проникновения племен срубной культуры в Поднестровье и далее на запад к Пруту. Пройдя через великие водные рубежи на Волге, Дону и Днепре, носители срубной культуры не остановились на Буге, Днестре и Пруте. И если нет достаточных оснований, чтобы говорить о проникновении за эти водные пределы срубной культуры во всем комплексе ее проявлений, то отдельные элементы ее мы можем отметить и на территории Балканского полуострова.

Проникновение этих элементов нельзя рассматривать, как процесс, не имеющий исторических корней. В эпохи весьма отдаленные от тех, о которых идет здесь речь, в период когда в степях Южной России обитали племена катакомбной культуры, в карпато-балканских областях появляются так называемые «захоронения с охрой», в которых с полным основанием усматривают влияние катакомбной культуры. Памятники эти были распространены весьма широко (в настоящее время в Румынской Народной Республике их известно 234); они сочетали в себе традиционные черты предшествующих периодов местной бронзы с погребальной обрядностью племен катакомбной культуры¹⁶. Хронология «погребений с охрой» еще не разработана. Однако, бесспорно, они не единовременны, и среди них можно отметить более ранние и более поздние, непосредственно примыкающие к эпохе срубной культуры.

В этой связи мы хотели бы обратить внимание на материалы, добытые при раскопках в Болгарии, в Мадаре¹⁷, где по обе стороны шоссе, идущего из Коларовграда в Каспичан, имеется шесть курганов, четыре из которых были раскопаны. В каждом из них, помимо впускных средневековых захоронений, оказалось несколько погребений в скорченном состоянии на левом или правом боку; ориентировка погребенных разнообразная; некоторые из скелетов сохранили следы красной краски. Одно из погребений было центральным, другие, несколько более поздние, сделаны в насыпи кургана. В двух погребениях были обнаружены лепные сосуды. Первый тип керамики представлен баночным сосудом с прямым горлом; он орнаментирован налепным валиком с вдавлениями, расположенным по краю сосуда. Второй, наиболее распространенный вариант — баночные сосуды с отогнутой шейкой и слегка округлым туловом. Один из сосудов орнаментирован пояском из небольших вдавлений, идущим в верхней части тулова. Автор публикации В. Миков ничего не сообщает о поверхности сосудов, но, судя по рисункам, она была грубой, шероховатой. Помимо керамики в погребениях обнаружены украшения (браслет и серьги из серебряной проволоки). Исходя из форм керамики можно попытаться датировать погребения в Мадаре. О. А. Гракова отмечает, что на второй стадии развития керамики срубной культуры все более усиливается тенденция к отгибу шейки сосудов, тогда как в предшествующее время они имели баночную прямогорлую форму. Возможно, мадарские погребения относятся ко времени начала этого процесса: баночный сосуд сосуществует с сосудами, имеющими слегка отогнутую шейку. Обряд погребения весьма сходен с саратским и также в общих чертах свидетельствует о сравнительно позднем (в отношении развития срубной культуры) времени захоронения. Автор публикации этих раскопок, основны-

¹⁵ Н. Я. Мерперт, Из древнейшей истории Среднего Поволжья, МИА, № 61, 1958, стр. 145—151.

¹⁶ В. лад. Зирра, Культура погребений с охрой в Закарпатских областях РНР, «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР», Кишинев, 1958.

¹⁷ В. Миков, Последни могилини находки, «Мадара. Разкопки и проучвания», кн. I, София, 1934. На эту публикацию обратил мое внимание Н. Я. Мерперт, за что приношу ему благодарность.

ваясь главным образом на формах серебряных изделий, датирует эти погребения VIII—VII вв. до н. э.

В этой же связи мы хотели обратить внимание еще на одну черту в материальной культуре балкано-дунайских областей рубежа эпох бронзы и железа. В это время здесь в ряде селищ и в могильниках появляется грубая лепная керамика баночных форм с наклепными валиками под краем сосуда, ниже него на несколько (3—4) сантиметров, или же на тулове. На севере, в карпато-дунайских областях, такая керамика встречается в сравнительно небольших количествах среди керамических комплексов позднебронзовой и первой железной эпох, в которых преобладают (говоря в самых общих чертах) формы культуры Ноа и фракийского галыштата¹⁸, а в балкано-дунайских областях — среди характерной самобытной керамики этого времени¹⁹, в которой сильно ощущается влияние эгейских форм. Насколько можно об этом судить по публикациям²⁰, эта лепная керамика баночной формы весьма сходна с той, которую мы описывали, характеризуя продвижение срубной культуры в западном направлении, за Днестр, Прут и, наконец, Дунай. Это последнее наше предположение нельзя выдвигать безоговорочно. Если на Балканском полуострове мы не знаем в предшествующие эпохи подобного вида керамики, то появление ее в карпато-дунайских областях можно объяснить и иначе, усмотрев определенную преемственность от более ранних периодов, а именно — от эпохи ранней бронзы Трансильвании (культура Витенберг), где найдены фрагменты с весьма сходной керамикой²¹.

Однако это возражение в некоторой степени опровергается сравнительно новыми исследованиями, подчеркивающими влияние культуры бронзы Южной и Средней Молдовы (культура Монтеору) на культуру Ноа в Трансильвании²², т. е. исследованиями, обращающими внимание как раз на обратные влияния и взаимосвязи между бронзой и ранним железом, идущие не с запада на восток, а с востока на запад Румынии²³.

* * *

Историческому осмыслению приведенных выше археологических материалов могут помочь данные античных авторов и ассирийско-вавилонских клинописных документов, связанные с именем киммерийцев — наиболее древним из упоминаемых в письменных источниках народом Восточной

¹⁸ См. V. Parvan, *Getica*, București, 1926, стр. 762 и сл. и многочисленные публикации в румынских археологических изданиях.

¹⁹ Димитр Цончев, *Сивата тракийска керамика в България*, «Годишник на Народна археологический музей» (ГНАМП), Пловдив, III, 1959, стр. 93—133; В. Миков, *Предисторически селища и находки в България*, ИБАИ, VII, 1933, стр. 113 сл.

²⁰ R. et E. Vulpe, *Les fouilles de Poiana*, «Dacia», III—IV, 1927—1932, рис.: 52, 1, 3, 7, 9, 10; 44, 1, 2; 45, 6; 46, 8; 47, 3; 48, 8; 49, 1—8; 54, 1—II; Cimitirul hallstatin della Stoicani, «Materiale archeologic privind istoria veche» (MAIV), I, 1955, стр. 157 сл., табл. IX, 10, d; 6, g; IX, 14, e; Cetatui della Stoicani, MAIV, I, 1953, стр. 132 сл., рис. 61, 14; 63, 1; Dorin O. Popescu, *Fouilles de Lechinta-de-Mures*, «Dacia», II, 1925, стр. 313—314, табл. 1, 3; R. Vulpe, *Săpăturile de salvare de la Sincraieni* (1954) «Studii și cercetări de istorie veche» (SCIV), VI, 3—4, 1955, стр. 559—568, рис. 5, 2; Г. Георгиев и Н. Ангелов, *Разкопки на селищната могила до Русе през 1948—1949 г.*, ИБАИ, XVII, 1952, рис. 112, 6; и х же, *Разкопки на селищната могила до Русе през 1950—1953 г.*, ИБАИ, XXI, 1957, рис. 5, 6.

²¹ Z. Székely, *Cercetări arheologice la Sf. Gheorghe, Gémvára — Avasalja (Cetatea Sacorului)*, MAIV, V, 1959, стр. 717—721, рис. VI, 5, 6; VII, 4 (область верхнего Ольта); K. Horedt, *Așezarea de la Sf. Gheorghe — Bedehâza*, MAIV, II, 1956, стр. 7—32; Dorin Popescu, *Cercetări arheologice în Transilvania, I: Sondajele de la Socolor*, MAIV, II, 1956, стр. 43—88, рис. 14, 4.

²² M. Petrescu-Dâmbovită, *Contributii la problema sfârșitului epocii bronzului și începutului epocii fierului în Moldova*, SCIV, IV, 1953, № 3—4, стр. 482.

²³ Adrian C. Florescu, *Santierul arheologic Trușești*, MAIV, III, 1957.

Европы, Первую, весьма удачную попытку связать с ними определенную материальную культуру предпринял, как известно, В. А. Городцов²⁴, отнесший к киммерийцам клады бронзовых предметов и отдельные вещи переходной от бронзы к железу эпохи в Северном Причерноморье, когда, по данным Геродота, здесь жили киммерийцы. Еще более существенен вопрос о всем комплексе материальной культуры киммерийцев. В настоящее время многие советские ученые²⁵ считают, что киммерийцы оставили памятники срубной культуры конца II — начала I тысячелетий до н. э., которые были распространены в Северном Причерноморье, непосредственно предшествовали скифской культуре и исчезли вместе с ее распространением в конце VIII — начале VII в. до н. э.; древние киммерийские традиции сохранялись и в скифское время, что объясняется ассимиляцией скифами той части киммерийцев, которая оставалась и после появления скифов на территории Северного Причерноморья²⁶, и усвоением ими существенных элементов киммерийской культуры. При этом исследователи исходят, во-первых, из данных античных авторов и, прежде всего, сведений, сообщаемых Геродотом, о том, что «страна, занимаемая теперь скифами, первоначально принадлежала, говорят, киммерийцам» (IV, 11).

Данные клинописных ассиро-вавилонских оракулов, летописей и официальной переписки также указывают на появление киммерийцев с севера²⁷. Исследователи обращают внимание и на то обстоятельство, что исчезновение памятников срубной культуры относится к концу VIII в. до н. э.²⁸, когда, по сообщениям письменных источников, и происходила борьба между скифами и киммерийцами.

Важные сведения о связях киммерийцев со срубной культурой дают памятники эпохи бронзы, обнаруженные в недавнее время на территории восточного Крыма. Пребывание киммерийцев на Боспоре засвидетельствовано многочисленными данными топонимики, о которых сообщает нам классическая литература. Начиная со времени Гомера²⁹ и позже, у Геродота, Страбона, Птолемея, в анонимном перипле Понта Евксинского, у Гекатея и других античных писателей мы встречаем многочисленные упоминания о Боспоре Киммерийском, киммерийском броде, киммерийском селении, городе Киммерике, киммерийских укреплениях, киммерийской переправе и других местах, локализуемых на северном берегу Черного моря и особенно — на Керченском полуострове³⁰.

Поэтому археологические памятники именно этой территории, относящиеся к предскифскому времени, особенно важны при определении

²⁴ В. А. Городцов, К вопросу о киммерийской культуре, Труды секции археологии РАНИОН, II, М., 1928, стр. 54.

²⁵ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье..., стр. 157—161; Б. Н. Граков, Каменское городище на Днепре, МИА, № 36, 1954; И. В. Яценко, Скифия VII—V вв. до н. э., М., 1959; «Нариси стародавньої історії Української РСР», Київ, 1957, стр. 114.

²⁶ Б. Н. Граков, Указ. раб., стр. 11; И. В. Яценко, Указ. раб., стр. 97.

²⁷ Сводка этих документов делалась неоднократно. Наиболее полную см. в приложениях к журн. «Вестник древней истории» (ВДИ) за 1951 г., № 2 и 3.

²⁸ «Нариси стародавньої історії Української РСР», стр. 113; Б. Н. Граков и А. И. Тереножкин, Субботовское городище, «Сов. археология», 1958, № 2, стр. 172; И. В. Яценко, Указ. раб., стр. 21.

²⁹ «Одиссея», XI, 12—19. Гомер помещает киммерийцев на севере, у царства мертвых. По вопросу о том, где, по Гомеру, следует локализовать киммерийцев, существуют разные мнения. Большинство авторитетных исследователей (С. А. Жебелев, Народы Северного Причерноморья в античную эпоху, ВДИ, 1938, № 1, стр. 148 и 149, прим. 2 и 3; Б. Н. Граков, Каменское городище, стр. 11, и др.) придерживаются северочерноморского пребывания киммерийцев по «Одиссее».

³⁰ Подбор источников, называющих все эти киммерийские места, делался неоднократно. Из последних работ укажем на книгу L. Zgusta «Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste», Praha, 1955, стр. 15—16.

характера материальной культуры киммерийцев и могут служить с большим основанием эталоном для определения того, что следует считать киммерийским. До недавнего времени они были неизвестны. Только с 1948 г., после раскопок А. Я. Брюсова, И. Б. Зеест и И. Т. Кругликовой в восточном Крыму³¹, мы получили некоторое представление об этой культуре. Говоря о ней в самых общих чертах, следует отметить, что это — та же срубная культура в ее позднем варианте со всеми характерными чертами в орнаментике и в формах керамики. Ее особенности здесь заключаются в сочетании, с одной стороны, этой позднесрубной, с другой — катакомбной керамики, что следует объяснить поздним появлением срубной культуры на территории восточного Крыма и устойчивостью форм катакомбной керамики, исчезающих обычно (в степных районах Дона, Приазовья и Нижнего Днепра) вместе с появлением срубной.

Как бы то ни было, и этот материал свидетельствует о появлении племен срубной культуры в восточном Крыму, где устоявшаяся античная традиция локализирует древних киммерийцев. Это дает основания видеть в киммерийских племенах носителей позднесрубной культуры Северного Причерноморья.

Хотелось бы остановиться еще на одном обстоятельстве, которое также, как нам кажется, позволяет связать позднесрубную культуру с киммерийскими племенами. Походы киммерийских племен в Переднюю Азию и, в частности на Малоазийский полуостров — бесспорный исторический факт, о котором имеется достаточно ионийских историко-географических свидетельств, легших в основу геродотовых сообщений о походах киммерийцев, а также данных Страбона, у которого изложена иная, чем у Геродота, но восходящая к очень древнему времени традиция³². Эти свидетельства поразительно совпадают с теми, которые мы можем почерпнуть из ассиро-вавилонских клинописных источников, причем совпадения касаются не только изложения хода событий, но и имен киммерийских предводителей³³, что подтверждает достоверность и того и другого вида источников. Оставляя в стороне ту часть данных, которая касается походов киммерийцев в Переднюю Азию, остановимся на свидетельствах пребывания киммерийцев в Малой Азии. Большинство из них мы находим у Страбона, который трижды (III, 2,12; XI, 2,4; I, 1,10) сообщает о набегах киммерийцев на Эолиду и Ионию. Эти сообщения подтверждаются и сведениями Стефана Византийского (s. v. Ἀντανδρος) и Плиния (N. h., V, 23) о городе Антандре под горой Идой, который именовался также Киммеридой; при этом Стефан Византийский, ссылаясь на Аристотеля, прямо обосновывает такое название города тем, что его в течение ста лет населяли киммерийцы.

В этой же связи очень интересно упоминание в эпиграмме к Гомеру неизвестного поэта о том, что киммерийцы знали Трою: «Какая земля, какое море не знает борьбы ахейцев? Имя Трои слышал киммерийский народ, лишенный всевидящего луча солнца».

У Страбона мы находим указание на время, к которому следует отнести это появление киммерийцев в Ионии: «...Ведь именно во время Гомера или немного раньше его, как говорят, произошло вторжение киммерийцев в Азию до Эолиды и Ионии» (III, 2,12). В другом месте у Страбона есть и ссылка на источник: «...А что он (Гомер. — Т. 3.)

³¹ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье..., стр. 106; И. Т. Кругликова, Памятники эпохи бронзы из Киммерика, «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры» (КСИИМК), вып. 43, 1952; е е же. Поселения эпохи бронзы в восточном Крыму, «Сов. археология», XXIV, 1955.

³² Б. Н. Граков, Каменское городище, стр. 11.

³³ Л. А. Ельницкий, Киммерийцы и киммерийская культура, ВДИ, 1949, № 3, стр. 16.

знал их (киммерийцев. — Т. 3.) это доказывают хронографы, относящие вторжение киммерийцев ко времени незадолго до него или к его времени» (I, 2, 9; см. также I, 1, 10), т. е., если исходить из общепринятого времени жизни Гомера, — к IX—VIII вв. до н. э.

Все эти данные письменных античных источников нам представляется возможным поставить в связь с археологическим материалом, добытым при сравнительно недавних раскопках в Трое³⁴. Авторы публикации — К. Блэген и др. — отмечают, что постепенное развитие материальной культуры Трои, столь четко прослеживаемое в нижних слоях Трои, прерывается в слое VII, причем не в VII A, с которым обычно связывают падение Трои под ударами ахейцев в эпоху Троянской войны и пожар, а в VII B₂, который датируется IX в. до н. э. Керамика этого подслоя носит очень своеобразный характер: это — грубая лепная посуда, украшенная налепными валиками со вдавлениями, идущими под венчиком сосуда или же несколько ниже него («Knobbed Ware», «Buckelkeramik»)³⁵; в отдельных случаях валики спускаются вниз, образуя два или несколько «усов». Форма сосудов — баночная, с прямым горлом, чуть округлым туловом, слегка сужающимся книзу, и с плоским дном. Глиняная статуэтка из этого же слоя вполне соответствует грубой, «варварской», керамике. Отмечая эту особенность керамического комплекса слоя VII B₂, авторы публикации считают, что ее следует объяснить вторжением племен извне, длившимся в течение жизни двух-трех поколений³⁶ (толщина слоя VII B₂ = 1,30 м).

Указание античных авторов на пребывание киммерийцев в Малой Азии и особенно в Пропонтиде; свидетельство о том, что киммерийцы знали Трою; совпадение времени киммерийского похода в Малую Азию (IX—VIII вв. до н. э.), о котором мы судим на основании данных Страбона, с археологической датировкой троянского слоя VII B₂; наличие в нем керамики, существенно отличной от традиционной троянской посуды, находимой в слоях VI, VII и VII B₁ и весьма сходной с той срубной керамикой, появление которой в Северном Причерноморье мы прослеживали в начале I тысячелетия до н. э., всё это дает основание полагать, что пришельцами в Трою в IX в. до н. э. были киммерийские племена³⁷.

Оставляя в стороне вопрос о всей территории, занимаемой киммерийскими племенами, мы обратимся к тем сведениям, которые связывают пребывание киммерийцев с областями Северо-Западного Причерноморья и с более западными балкано-дунайскими территориями, занятыми впоследствии фракийцами. Античная литература с удивительным постоянством указывает на присутствие киммерийцев на приднестровских территориях и на Балканском полуострове. Среди этих сообщений на первое место следует поставить сведения Геродота о захоронении киммерийских царей, перебивших друг друга, чтобы не оказаться в подчинении у скифов, вблизи реки Тирас (IV, II).

Небезынтересно также сообщение Геродота, что могила киммерийских царей была видна еще в его время: он мог или сам видеть ее, или же слышать о ней от своих современников. Низовья Тираса еще задолго до времени Геродота были освоены греками, как о том можно судить по данным раскопок древней Тиры (современный Белгород-Днестровский), где в нижних слоях были найдены фрагменты ионийской кера-

³⁴ C. W. Blegen, C. G. Bönlter, Troy, Princeton, 1958.

³⁵ Там же, т. IV, рис. 284, 1, 3, 12, 21, 23; рис. 267 13, 32.

³⁶ Там же, стр. 143.

³⁷ На связь Трои с киммерийцами указывал еще М. И. Ростовцев в книге «Эллинизм и иранство на юге России» (Пг., 1918, стр. 28); о возможном их присутствии там говорили В. Пырван (Getica, стр. 406) и А. Талльгрэн («La Pontide préscythique après l'introduction des métaux», «Eurasia Septentrionalis antiqua», Helsinki, 1926, стр. 219).

мки, датируемой VII в. до н. э.³⁸ Весь контекст этого рассказа о последних днях киммерийских царей указывает на то, что Поднестровье прочно входило в круг киммерийских областей: цари скорее предпочитают умереть на родной днестровской земле, чем удалиться на чужбину; киммерийцы, похоронив царей у Тираса, удаляются «из своей земли». Эти сообщения Геродота могут быть связаны с теми археологическими материалами из Нижнего Поднестровья (керамика срубной культуры и захоронения в курганах), которые мы приводили ранее³⁹.

Связи киммерийцев с Балканским полуостровом можно усмотреть как из этого отрывка, так и из ряда других свидетельств.

Проникновение киммерийцев в Малую и Переднюю Азию, как о том можно судить на основании письменных сообщений, шло двумя основными путями: во-первых, восточнее Черного моря через Кавказ и, во-вторых, через Балканский полуостров. Если продвижение их по первому пути, о котором ясно сообщает Геродот (IV, 12), нашло освещение в исторической литературе⁴⁰, то данные о втором пути киммерийцев в Малую Азию изучены еще мало.

Об этом втором, «западном» пути имеется свидетельство у Страбона, который сообщает: «...Киммерийцы, которых писатели называют также трерами, или какой-нибудь из народов этого племени, часто делали набеги на правую сторону Понта и на местности, смежные с ним, врываясь иногда к пафлагонцам или фригийцам...» (I, 3, 21). Страбон сообщает нам также о киммерийцах, что «это народ, который делал набеги на живущих внутри страны по правую сторону до Ионии» (XI, 2,5).

Это сообщение может быть понято только при условии, что киммерийцы двигались в Малую Азию из Фракии, через проливы. Такому пониманию этого текста Страбона соответствует и то, что мы знаем о трерах, с которыми, как сообщают источники, связаны малоазийские походы киммерийцев. Принадлежность треров к фракийцам не вызывает сомнения. Арриан в своей «Вифинийской истории» упоминает треров, ведущих свое происхождение от Трера, сына великана Обриарея и Фракии, а поэт Арктин рассказывает о союзнице троянцев — фракиянке амазонке Пентеселии, которая была дочерью Ареса и Отреры. Страбон прямо указывает на то, что треры являются фракийским племенем (XIII, 1,8). Фукидид (II, 96) и Плиний (N. h., IV, 17) сообщают о месте пребывания треров во Фракии; при этом первый локализует их на западе владений одрисского царя Ситалка, рядом с трибаллами, а второй — по северной границе Македонии.

Связи киммерийцев с фракийцами-трерами нельзя считать ни случайными, ни кратковременными. В сообщениях античных авторов о походах киммерийцев в Малую Азию можно различить две традиции, на первую из которых опирается Страбон, а на вторую — Геродот. Во-пер-

³⁸ V. Pârvan, *Pénétration hellénique et hellénistique dans la vallée du Danube*, «Bulletin de l'Académie Roumaine, la section historique», X, Bucarest, 1923, стр. 1. прим. 5; Э. Р. Штерн, Раскопки в Аккермане летом 1912 г., «Записки Одесского общества истории и древностей» (ЗООИД), т. XXXI, 1913, стр. 100. Ионийскую керамику из раскопок 1960 г. демонстрировала А. И. Фурманская на заседании секции античной археологии отчетного пленума Института археологии АН СССР в апреле 1961 г.

³⁹ Вероятно, сообщение Геродота о том, что могила киммерийских царей была видна еще и в его время, следует понимать в том смысле, что она возвышалась над поверхностью земли. Это может служить косвенным подтверждением того, что захоронения в курганах в низовьях Днестра, о которых шла речь выше, могут быть отнесены к киммерийским.

⁴⁰ Е. И. Крупнов, О походах скифов через Кавказ, «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 186—194; его же, Киммерийцы на Северном Кавказе, МИА, № 68, 1958, стр. 176—196; его же, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 56—63, 110—116.

вых, следует отметить, что события, о которых они повествуют, не совпадают. Сведения Геродота связаны с нападением скифов на киммерийцев и передвижением в связи с этим киммерийцев на Синопский полуостров, а затем в Лидию, с захватом столицы этого государства — Сард при царе Ардии — сыне Гигеса и последовавшим затем изгнанием киммерийцев при внуке Ардии — лидийском царе Алиатте. Все это подтверждается ассирийскими источниками⁴¹ и происходило в VII в. до н. э. Геродот ни разу не ставит этот поход киммерийцев в связь с походами треров, не упоминает имен ни трерских, ни киммерийских царей, но подчеркивает, что киммерийцы пришли в Азию по восточному побережью Черного моря. Очевидно также, что Геродот имеет в виду этот один вполне конкретный поход.

Страбон же сообщает о походах киммерийцев совместно с трерами, совершаемых неоднократно и, как уже отмечалось, по совсем иному, западному пути; сообщает Страбон и имя вождя треров — Коба, которое неизвестно Геродоту. Эти нашествия совершались ранее тех, о которых пишет Геродот, и приурочиваются ко времени Гомера или более раннему времени. Возможно, начало походов киммерийцев в Малую Азию следует отнести еще к XI в. до н. э., как о том можно судить на основании данных Евсевия, который сообщает о первом нашествии киммерийцев на Азию за триста лет до первой олимпиады (т. е. 1076 г. до н. э.)⁴². Во всяком случае информация Страбона основана на иной, чем у Геродота, и, вероятно, очень древней традиции⁴³. У нас есть, однако, основания полагать, что связи киммерийцев с фракийцами-трерами не прекратились после этих древних (XI или X век до н. э.) походов.

Описанный Геродотом эпизод, рисующий смерть киммерийских царей у р. Тираса и последовавший за этим уход киммерийского народа из своей земли под натиском скифов, т. е. не ранее конца VIII в. до н. э., заставляет опять-таки предполагать движение киммерийцев в Малую Азию через Балканский полуостров.

Таким образом, античные авторы рисуют картину долговременной связи киммерийцев с племенами Балканского полуострова. Нам представляется, что такое постоянство в совместных военных мероприятиях фракийцев и киммерийцев следует объяснять не только общностью интересов, но и более глубокими причинами, а именно — родственными связями, возникшими в результате долгого пребывания киммерийцев на фракийских территориях, и фактическим слиянием западной части киммерийских племен с фракийскими, в частности с трерами. Эти события нашли отражение в античной традиции, зафиксированной позже у Страбона, сообщающего нам, что киммерийцев называют также трерами. Этот же процесс, как мы пытались показать, нашел отражение и в материальной культуре фракийских племен.

Вопрос об этнической принадлежности киммерийцев чрезвычайно сложен. Ученые неоднократно производили лингвистический разбор имен киммерийских царей: Šandakšatru, Tugdammê, Teušpa, упомянутых в ассирийских документах и у греческих авторов, в результате которых они пришли к выводу об иранском происхождении этих имен⁴⁴. Однако то обстоятельство, что некоторые из киммерийских предводителей, возможно, носили иранские имена, не дает достаточных оснований для

⁴¹ M. Streck, Assurbanipal, Lpz., 1916, стр. CCCLXXI.

⁴² См. Ф. К. Брун, Комментарий к работе Раулинсона «О киммериянах Геродота и о переселении кимрского племени», ЗООИД, VII, 1868, стр. 243—245; В. А. Городцов, К вопросу о киммерийской культуре, стр. 46—47.

⁴³ Б. Н. Граков, Каменское городище, стр. 11.

⁴⁴ M. Streck. Указ. раб., стр. CCCLXXI—CCCLXXVI; Max Vasmer, Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I — Die Iranier in Südrussland, Lpz., 1923, стр. 6 сл.; L. Zgusta, Указ. раб., стр. 16—17. Каждый из исследователей сообщает и библиографические данные по этому вопросу.

установления этнической принадлежности киммерийцев; мы знаем достаточно примеров того, что «династические» имена мало значат для определения этнической принадлежности народа⁴⁵. С другой стороны, нельзя упускать из вида и то, что в античную эпоху в Северном Причерноморье мы встречаем множество таких фракийских имен, которые трудно объяснить только связями между фракийским царством одриссов и Боспорским царством⁴⁶. М. И. Ростовцев объяснял это явление происхождением местного боспорского населения от киммерийско-фракийских предков. Ему возражали, указывая на погрешности в толковании им взаимоотношений между Фракией и Боспором в V в. до н. э.⁴⁷ Тем не менее, надписи из Северного Причерноморья, содержащие фракийские имена, не дают оснований видеть в их носителях лишь наемников из числа фракийцев или лиц, подражающих в выборе имен боспорским властителям, связанным с фракийской династией.

И. Л. Руссу — автор недавно вышедшей в свет очень обстоятельной статьи «Фрако-гетские элементы в Скифии и Боспоре Киммерийском» приходит к выводу об обоснованности теории Ростовцева о древности фракийских элементов на Боспоре⁴⁸. К этому хотелось бы добавить, что ряд фракийских наименований рек и областей в Северном Причерноморье⁴⁹ также никак нельзя объяснить только культурными влияниями и связями.

Сходство в боспорских и фракийских именах, возможно, объясняется сохранением вплоть до классического времени тех элементов, которые сложились в глубокой древности, в период распространения как в Северном Причерноморье, так и во фракийских областях, киммерийских племен.

Надо сказать, что иранские имена киммерийских царей не противостоят такому решению вопроса. Как показали некоторые лингвистические исследования⁵⁰, фонетическая структура фракийского языка и некоторые другие явления в нем свидетельствуют об исключительной близости его с иранскими, о «диалектном родстве фракийского и иранского в пределах, главным образом, группы satəm индоевропейских языков»⁵¹.

Приведенные выше свидетельства античной литературы о связях киммерийцев с фракийскими областями, топонимические и ономастические данные согласуются, таким образом, с теми археологическими материалами, на которые мы указывали в начале статьи. Киммерийцы представляются нам одним из компонентов фракийского этногенеза, оставившего определенный след как в материальной культуре фракийцев, так и в их языке, в частности — топонимике и ономастике.

Теперь уже следует считать доказанным, что срубная культура сложилась на Волге, где прослеживается постепенное автохтонное ее развитие. Об этом в достаточной степени свидетельствуют материалы раскопок начала нашего века и особенно 20-х годов (В. А. Городцов, П. Д. Рау, А. И. Тереножкин, В. В. Гольстен), дополненные в настоя-

⁴⁵ L. Zgusta, Указ. раб., стр. 18; M. Vasmer, Указ. раб.; «Reallexikon der Vorgeschichte», XII, стр. 236.

⁴⁶ По последним данным (I. L. Russu, Elemente traco-getice în Scitia și Bosporul Cimmerian, SCIV, II, 1958, стр. 318—331) их насчитывают свыше ста имен, из которых почти каждое повторяется в надписях, принадлежащих различным лицам, по несколько раз.

⁴⁷ L. Zgusta, Указ. раб., стр. 42.

⁴⁸ I. L. Russu, Указ. раб., стр. 303—333.

⁴⁹ «Reallexikon der Vorgeschichte», XIII, стр. 281.

⁵⁰ Д. Дечев, Характеристика на тракийския език, София, 1952, стр. 136.

⁵¹ Б. И. Надель, Рец. на книгу Д. Дечева, «Вопросы языкознания», 1955, № 2, стр. 138—143. Иной точки зрения придерживается В. И. Абаев (ВДИ, 1954, № 2, стр. 86—90).

шее время новыми данными из раскопок О. А. Граковой, И. В. Синицына, К. Ф. Смирнова, Н. Я. Мерперта⁵².

Не вызывает сомнений и то обстоятельство, что эта культура распространилась по степной полосе на Украину вплоть до Днестра. Ее проникновение дальше на запад было значительно слабее, что, возможно, объяснялось отдаленностью от центров распространения срубной культуры, тем, что Балканский полуостров был крайней западной периферией распространения срубной культуры, вернее, отдельных элементов ее. Мы полагаем, что это была лишь незначительная струя, которая тем не менее проследивается в культурном облике более поздней Фракии. Античные писатели и историки четко улавливали ее, что и нашло отражение в античной традиции, прочно связывающей киммерийцев с фракийскими трерами. Здесь срубная культура в целом не изменила общего облика культур поздней бронзы и раннего железа, а придала им лишь отдельные своеобразные черты⁵³. С неменьшей определенностью теперь можно говорить о проникновении носителей срубной культуры в область распространения андроновской культуры и далее на восток. Материалы, добытые в результате работ Хорезмской экспедиции, позволяют считать, что распространившаяся во второй половине II тысячелетия до н. э. в степной полосе Узбекистана и Туркмении тазабагъябская культура «сходна с культурами андроновского типа западного Казахстана и Приуралья и со срубно-хвалынской культурой степей Нижнего и Среднего Поволжья»⁵⁴. Это сходство проявляется как в формах и орнаментах керамики, так и в изделиях из бронзы, а также и в погребальном обряде. Антропологический материал из могильника Кокча 3, свидетельствующий о наличии среди населения южной дельты Акча-Дары европеоидов срубно-андроновского типа⁵⁵, ярко подтверждает археологические выводы.

С. П. Толстов неоднократно высказывал мнение об этнической близости племен древнего Хорезма с фракийским племенным миром⁵⁶. Эта близость усматривается как в области древней этнонимии и античной исторической традиции, свидетельствующих о вхождении хорезмийцев в комплекс массагетских племен, связанных с фракийскими племенами, так и в области материальной и духовной культуры. В этой связи он указывал на прямые параллели между тамгами — родовыми знаками хорезмийских династов — и знаками династов Северного Причерноморья, а также на сходство одежды, отображенной на хорезмийских терракотовых статуэтках кангюйского времени, с одеждой малоазийских фракийских племен, изображенной на ахеменидских рельефах. Культовые представления хорезмийцев связаны с теми, которые имели место в верованиях древних фракийцев: бог-всадник — одно из центральных божеств фракийского пантеона — характерен также и для хорезмийских верований.

⁵² Подробную сводку всего этого материала см.: О. А. Кривцова-Гракова, *Степное Поволжье...*, раздел I — Происхождение срубной культуры, стр. 9—26; Н. Я. Мерперт, *Из древнейшей истории Среднего Поволжья*, стр. 45—52.

⁵³ Об аналогичных явлениях в областях соприкосновения срубной культуры с андроновской на востоке, с культурой Прикамья — на севере, с абашевской культурой — на Среднем Поволжье см.: О. А. Кривцова-Гракова, *Степное Поволжье...*, стр. 1; Н. Я. Мерперт, *Указ. раб.*, стр. 136.

⁵⁴ «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой», «Материалы Хорезмской экспедиции» (МХЭ), вып. 3, М., 1960, стр. 119; М. А. Итина, *Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3*, МХЭ, вып. 5, М., 1961, стр. 70, сл.

⁵⁵ Т. А. Трофимова, *Черепя из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3 (по материалам раскопок 1954—1955 гг.)*, МХЭ, вып. 5, М., 1961, стр. 139—142.

⁵⁶ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, КСИИМК, XIII, 1946, стр. 144, его же, *Древний Хорезм*, М., 1948, стр. 186—187, 198, 201—205; его же, *К вопросу о происхождении каракалпакского народа*, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», 1947, вып. II, стр. 74; его же, *Из предистории Руси*, «Сов. этнография», VI—VII, 1947, стр. 39—59, особенно стр. 43—49.

Большинство только что приведенных материалов относится к античной эпохе, однако истоки того исторического процесса, который проявился в столь широких этнических и культурных связях, как нам представляется, следует искать в период значительно более ранний, когда во II тысячелетии до н. э. на всем протяжении степной полосы Средней Азии и Восточной Европы господствовала культура бронзы, одним из существенных вариантов которой была срубная культура. Подобно тому как фракийские территории стали в начале I тысячелетия до н. э. крайним западом ареала распространения элементов срубной культуры, так территория Хорезма еще раньше, в конце II тысячелетия, стала крайней восточной областью их распространения. Возможно, общностью этого связанного с племенами срубной культуры древнего этнического пласта и следует объяснять сходные черты в материальной и духовной культуре обеих столь отдаленных друг от друга областей. Связи эти были настолько жизненны и прочны, что сохранились и в эпохи значительно более поздние, что нашло свое отражение в античной литературе и археологическом материале.

SUMMARY

The beginning of the 1st millennium B. C. was a turning point in the history of the tribes which populated the North Balkan lands along the Danube. This is manifested, in particular, in the absence of a direct continuity between the cultures of the Bronze Age and the Iron Age in Thracia. The formation of the Thracian tribes in this period was influenced by the peoples of the timber-graves culture. The advance of the steppe culture from the Volga westward to the Dniester and further to the southern, steppe part of the area between the Prut and the Dniester, is witnessed by the existence in Bessarabia of timber-graves burials and by individual finds. Elements of the steppe bronze cultures, and specifically of the timber-graves culture, may be traced also on the Balkan Peninsula. The historical interpretation of the above-mentioned archeological facts is facilitated by the data of the antique literary tradition and of the Assyrian chronicles, connected with the Cimmerians. The majority of Soviet researchers associate the Cimmerians with the peoples of the timber-graves culture. In this connection it is essential to point out the finds of timber-graves ceramics in Asia Minor, in the Troy VII-B₂ layer, dating from the 9th century B. C., i. e. the time of the Cimmerians' appearance in Ionia. Antique literary tradition points with remarkable consistency to the presence of the Cimmerians in the Dniester area and testifies to long-term and direct connections between the Cimmerians and the Balkan tribes. On the basis of the above association, the Cimmerians may be regarded as a component of the Thracian ethnic source, which left a slight but clearly traceable mark both in the material culture of the later-period Thracians and in their language, toponymy and onomastics.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

М. Г. ЖУРАВЛЕВА

НАРОДЫ МАЛАЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Малайская Федерация расположена на полуострове Малакка и прилегающих островах. Территория Федерации составляет 131 тыс. км². Столица — г. Куала-Лумпур. В административном отношении Малайская Федерация делится на 11 штатов: 9 бывших султанатов — Перлис, Кедах, Перак, Селангор, Негри Сембилан, Келантан, Тренгану, Паханг, Джохор — и два бывших селтльмента — Пенанг и Малакка.

Большую часть территории Малайской Федерации занимают холмы и невысокие (редко выше 1500 м) горы. Вдоль морских берегов простираются равнины; наиболее низменна южная часть Федерации — штат Джохор. Малайя¹ лежит в области влажного тропического климата с большим количеством осадков и значительными суточными колебаниями температуры (до 15°). Реки Малайи — короткие, горные, с быстрым течением. Лишь наиболее крупные из них — Паханг и Перак — полноводны и судоходны круглый год (да и то в нижнем течении); однако плавание по ним затруднено мелями.

Горы, тропические леса и заболоченные земли занимают 80% территории Малайи. Малайя отличается исключительным богатством растительности и животного мира. Реки и прибрежные воды богаты рыбой. По естественным ресурсам Малайя — одно из богатейших государств Юго-Восточной Азии. Она занимает первое место в капиталистическом мире по разведанным запасам и добыче олова; кроме того, здесь есть железная руда, золото, вольфрам, бокситы, марганец и редкие металлы — колумбит, монацит, ниобиевые руды. В 1956 г. в штате Селангор обнаружены значительные запасы урана.

* * *

Этнический состав Малайской Федерации неоднороден: на первом месте (по численности) стоят собственно малайцы, затем китайцы и индийцы; в джунглях внутренних районов страны живут семанги, сенои и джакуны. В городах и промышленных центрах много европейцев. По данным переписи 1957 г. население Малайской Федерации составляет 6 279 тыс. чел., из них 3 127 тыс. малайцев, 2 333 тыс. китайцев и 707 тыс. индийцев и пакистанцев². Естественный ежегодный прирост населения после второй мировой войны превышает 2%³. Наибольшая

¹ Под названием «Малайя» мы имеем в виду только Малайскую Федерацию.

² «Monthly statistical Bulletin Federation of Malaya», Kuala Lumpur, январь, 1960, стр. 3.

³ «New Commonwealth», London, 1960, т. 38, № 1, стр. 53.

плотность населения отмечена в районах, расположенных ближе к западному побережью страны; на восточном берегу живет лишь около одной шестой всех жителей. Слабо заселены и внутренние районы полуострова.

Малайское население сосредоточено в северо-восточных и северо-западных районах Федерации — штатах Келантан, Тренгану (где на каждые сто человек приходится 91 малаец), на побережье Паханга, в речных долинах Кедах, Перлиса и Малакки.

На западном побережье Федерации находятся основные районы добычи олова, плантации каучуконосов, кокосовой и масличной пальм; здесь же расположены главные торгово-промышленные центры страны. Преобладающую массу населения этих районов Малайи составляют китайцы и индийцы (соответственно 90 и 95% общего количества их в стране) — наемные рабочие рудников и плантаций, а также представители национальной буржуазии Малайи, и европейцы, до сих пор занимающие важные посты в промышленности, торговле, финансовом и административном аппарате страны.

Города расположены в основном на западном побережье. В настоящее время в стране насчитывается немногим более 20 городов с населением свыше 10 тыс. жителей. Малайские города — это морские торговые порты (Джорджтаун на о-ве Пенанг, Малакка, Порт-Суэттенхем), промышленные центры (Куала-Лумпур, Ипо, Тайпинг, Кампар — все в штате Перак), административные центры штатов Федерации — Джохор-Бару (штат Джохор), Алор-Стар (штат Кедах), Кота-Бару (штат Келантан). Большинство малайских городов возникло не ранее второй половины XIX в.

На планировке и внешнем облике городов отразился многонациональный состав населения страны: города делятся на отдельные кварталы — европейские, китайские, малайские, реже индийские; в архитектуре наблюдается смешение стилей Европы, Китая, Индонезии и Индии. В центре городов — современные многоэтажные здания из кирпича, железобетона и стекла. В китайских же кварталах — тесно прижатые друг к другу дома-лавки. Это двух-трехэтажные дома, первый этаж которых занят под магазины. В верхних этажах по обе стороны длинного коридора расположены жилые комнаты, сдаваемые в наем. Окна есть только в комнатах, расположенных по узкой фасадной стороне дома, остальные комнаты не имеют ни естественного освещения, ни вентиляции. В каждой комнате живет одна семья, в каждом таком доме-лавке — обычно до ста человек. В малайских городах (например, в Куала-Лумпуре) около половины населения живет в таких домах⁴. Еще более скученно и в еще худших условиях живут обитатели малайских кварталов и городских окраин — поденщики, неквалифицированные рабочие и т. п. Для каждого квартала характерны свои культовые сооружения: католические соборы у европейцев, конфуцианские, буддийские и даосские храмы у китайцев, мечети у малайцев.

Главный город Малайской Федерации — Куала-Лумпур. В 1872 г. это был небольшой, всего из двух улиц поселок китайцев — рабочих оловоразработок. В настоящее время Куала-Лумпур — первый по численности город Федерации (по переписи 1957 г. — 315 тыс. жителей) и крупная железнодорожная станция на магистральной линии Сингапур — Пенанг. Вокруг города — оловянные рудники и оловоплавильные заводы, крупные каучуковые плантации и предприятия по первичной переработке каучука. В центре города находятся административные здания, банки, магазины, особняки иностранной и национальной буржуазии, построенные в стиле европейской архитектуры. На окраинах в домах-

⁴ V. Z. Newcombe, Housing in the Federation of Malaya, «The Town Planning Review». 1956, т. 27, № 1, стр. 5—11.

лавках и жалких лачугах ютятся рабочие, ремесленники, мелкие торговцы. Недалеко от Куала-Лумпура в последние годы вырос город-спутник Петалинг-Джайя. Общее число жителей этого города-спутника должно достигнуть 80 тыс. чел. Здесь, кроме жилых домов, размещаются промышленные предприятия, административные здания, магазины, школы, спортивные сооружения. По архитектурному облику — это современный город с геометрической планировкой, многоэтажными зданиями из стекла и бетона и обилием зелени.

Крупные города страны соединены между собой шоссейными и железными дорогами. Общая протяженность железных дорог Федерации — около 2000 км. Две магистральные линии, протянувшиеся через весь полуостров, связывают Федерацию с Сингапуром на юге и с Таиландом на севере. Первая идет вдоль западного побережья, вторая проходит через внутренние районы Федерации к северо-восточному ее углу. Линии местного значения связывают промышленные центры Малайи с морскими портами. Протяженность шоссейных дорог страны достигает 10 000 км. Большое значение имеет речной и особенно морской транспорт.

* * *

Первые письменные известия о ранних государствах Малаккского п-ва — Лангкасука, Дунсун (Тунсун), Кора Фусара дают хроники китайских династий Лян и Тан (VI—X вв. н. э.)⁵. В VII в. большая часть территории Малайи вошла в состав малайского государства Шривиджайя с центром на Суматре, а с XIV в. — феодальной державы Маджапахит. С начала XV в. на полуострове появляется новое малайское государство — Малакка. По малайским преданиям, город Малакка был основан в 1403 г. одним из принцев Сингапура. Благодаря выгодному географическому положению, Малакка быстро превращается в крупный торговый и культурный центр Малайи. По мере расширения торговли с Южной Индией и арабскими купцами, сюда проник ислам, который через Малакку вскоре распространился по всему полуострову. Распад государства Маджапахит в середине XV в. позволил правителям Малакки расширить и укрепить свое влияние среди других государств полуострова.

Проникновение европейских держав на Малаккский п-в начинается с XVI в.; в 1511 г. Малакку захватили португальцы, в 1641 г. их вытеснили голландцы. С приходом европейцев центр малайского государства из Малакки переместился на юг полуострова, в султанат Джохор, правитель которого объединил под своей властью не только Джохор, Паханг, Тренгану, о-ва Риау-Линга, но также часть восточной Суматры и западную оконечность Калимантана (Борнео).

Колонизация Малайи англичанами началась с захвата важных торговых центров страны — о. Пенанг (1786 г.), Малакки (1795 г.), о. Сингапура (1819 г.), в дальнейшем объединенных в коронную колонию Стрейтс-Сеттльментс (1867 г.). В течение 1874—1888 гг. англичанам удалось подчинить себе султанаты Перак, Негри Сембилан, Селангор, Джохор и Паханг. В 1909 г. по Бангкокскому договору Сиам вынужден был уступить Англии свои сюзеренные права на Келантан, Тренгану, Кедах и Перлис, после чего все малайские государства полуострова стали английским владением.

В начале второй мировой войны Малайя была оккупирована японцами. В стране началось широкое национально-освободительное движение, которое возглавила Коммунистическая партия Малайи. После возвращения в страну англичан (1945 г.) это движение еще более уси-

⁵ W. P. Groeneveldt, Notes on the Malay archipelago and Malacca. Compiled from Chinese Sources, Batavia-The Hague, 1876.

лилось. Стремясь расколоть, а затем и подавить его, английские колонизаторы в 1946 г. выделили в отдельную колонию Сингапур, изолировав таким образом передовой отряд рабочего класса страны от широких слоев трудящихся масс остальной части Малайи. В 1948 г. английское правительство провозгласило образование Малайской Федерации во главе с британским верховным комиссаром и центральным федеральным правительством. Однако ни раскол страны на две части, ни образование Федерации не ослабили народного движения против колонизаторов. Английские власти вынуждены были объявить страну на осадном положении и перейти к открытым военным действиям против малайских патриотов. Несмотря на огромное преобладание в численности вооруженных сил и первоклассную технику, колонизаторам не удалось сломить упорного сопротивления народов Малайи. В начале 1956 г. английское правительство вынуждено было созвать в Лондоне совещание по вопросу о предоставлении Малайе независимости, которая и была провозглашена 31 августа 1957 г.

По новой конституции 1957 г.⁶ Малайская Федерация является конституционной монархией в рамках Британского Содружества Наций. Существовавшие до провозглашения независимости султанаты и сеттлменты (Пенанг и Малакка) стали штатами Федерации; в них учреждены однопалатные законодательные органы.

Глава государства — янг ди-пέρтуан агонг (т. е. верховный правитель) — не наследственный, а избирается на конференции правителей штатов из их числа сроком на пять лет. Законодательная власть принадлежит двухпалатному парламенту, состоящему из Палаты представителей и Сената. Исполнительную власть в государстве осуществляет кабинет министров. Верховный правитель назначает премьер-министром лидера большинства Палаты представителей.

19 августа 1959 г. состоялись первые всеобщие выборы в Палату представителей, в которых приняло участие 73,3% избирателей. Правительственный Союз трех партий (в него входят буржуазные партии: Объединенная Малайская Национальная Организация, Китайская Ассоциация Малайи, Индийский Конгресс Малайи)⁷ получил в Палате 73 места из 104. Среди депутатов Палаты 65 малайцев, 30 китайцев и 8 индийцев.

Завоеванная Малайской Федерацией независимость не является полной. По условиям «Договора о взаимной помощи», навязанного Федерации в октябре 1957 г., Англия сохранила за собой право держать на территории нового государства войска всех стран Содружества, увеличивать их численность и создавать военные базы. Согласно новой конституции, малайский язык объявлен государственным, однако в течение десяти лет наравне с ним вторым государственным языком будет считаться английский язык. Правительство Федерации вынуждено гарантировать вплоть до 1965 г. оставление на службе в государственном аппарате английских чиновников.

Как независимое государство, Малайская Федерация на XII сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята в число членов этой организации. Однако и здесь она не проводит самостоятельной политики, а идет на поводу у английского империализма.

Малайская Федерация не стала членом агрессивного блока СЕАТО, однако она целиком поддерживает его политику. Вместе с правитель-

⁶ «Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана», М., 1960, стр. 237—397.

⁷ Кроме перечисленных, в Малайе существует еще ряд политических партий и организаций. В 1925 г. в Малайе появились первые профсоюзы; в конце 1959 г. в стране насчитывалось 259 зарегистрированных профсоюзов со 175 тыс. членов. Коммунистическая партия Малайи существует с 1931 г., но лишь в период с 1945 г. по 1948 г. она была на легальном положении.

ством Филиппин, правительство Малайи вот уже в течение двух лет не оставляет попыток создания нового блока под названием «Договор о дружбе и экономическом сотрудничестве между странами Юго-Восточной Азии» (СЕАФЕТ), основное ядро которого должны составить страны-члены СЕАТО. Упорные попытки втянуть в новый блок нейтральные страны Азии не имели успеха, так как создание этой организации направлено не столько на расширение культурно-экономического сотрудничества в Юго-Восточной Азии, сколько на сколачивание нового союза, направленного против национально-освободительного движения азиатских народов.

Экономика Малайской Федерации базируется на производстве каучука и олова. Малайя в настоящее время является самым крупным в капиталистическом мире производителем и экспортером олова. В оловодобывающей промышленности занято около 90% всех рабочих добывающей промышленности страны. Английский капитал занимает господствующее положение в добыче и выплавке олова. Вся малайская руда, а также значительная часть олова, добываемого в Индонезии и странах Индокитая, поступает на оловоплавильные заводы Сингапура, Пенанга и Куала-Лумпура. Экспорт олова осуществляется главным образом в капиталистические страны (США, Англию, Японию и др.) и зависит от конъюнктуры на мировом рынке.

Кроме олова в Малайе ведутся разработки железной руды, каменного угля, бокситов, ряда редких металлов, урана. Вся продукция горнодобывающей промышленности, кроме угля, экспортируется.

Прежде в Малайе были развиты лишь те виды обрабатывающей промышленности, которые были связаны с колониальным сырьем (олово, каучук). В последние годы федеральное правительство наметило программу развития новых для Малайи отраслей промышленности. Для привлечения капиталовложений эти отрасли промышленности в течение двух-пяти лет полностью или частично освобождаются от уплаты подоходного налога. Эта программа направлена на уменьшение зависимости малайской экономики от колебания цен на олово и каучук на мировом рынке, но не предусматривает уничтожения или хотя бы частичного ослабления зависимости экономики Малайи от иностранного капитала. Согласно программе, предпочтение отдается национальному капиталу, но широко привлекаются и новые иностранные капиталовложения. Следствием этого явился новый усиленный приток в страну английских, американских, западногерманских и японских капиталов, в результате чего зависимость малайской экономики еще более возросла.

Древняя земледельческая страна, Малайя в настоящее время не обеспечивает и половины потребностей населения в главной продовольственной культуре — рисе. Площадь земель, занятых под рисом, в четыре раза меньше, чем площадь под каучуконосами, занимающими более двух третей всей обрабатываемой земли в стране. Монокультурный характер сельского хозяйства — также наследие длительной колониальной зависимости Малайи.

Плантации каучуконосов сосредоточены на западном побережье Малайи, в районах Куала-Лумпур — Кланг — Малакка и дальше на юг. До недавнего времени весь каучук, полученный в стране, экспортировался. Ключевые позиции в сбыте его (как и олова) занимают английские компании. Лишь после получения независимости в Малайе стали создаваться предприятия по производству изделий из каучука, но и здесь главную роль играет иностранный, а не местный капитал.

В Малайской Федерации культивируют и другие экспортные культуры. Почти все плантации кокосовой (около 200 тыс. га) и масличной (46 тыс. га) пальмы, расположенные в основном на западном побережье, принадлежат английскому капиталу. Небольшие участки коко-

совой пальмы есть также в хозяйствах крестьян. По экспорту копры и масла из плодов этих пальм Малайя занимает третье место в капиталистическом мире. Ананасы в Федерации выращивают только китайцы; почти вся продукция обычно вывозится в Англию. Плантации чая, кофе, сахарного тростника, табака, плодовых деревьев, пряностей занимают небольшую площадь и не играют значительной роли в экспорте. В последние годы в Малайе вводится еще одна экспортная культура — какао, под которой уже занято 120 тыс. га (главным образом на восточном побережье). Товарное значение, но для внутреннего рынка, имеет огородничество в пригородных районах, которым занимаются китайцы. Они выращивают батат, маниоку, ямс, бобы, различные виды китайской капусты, шпинат и другие овощи.

Традиционным занятием малайских крестьян издавна было выращивание риса. Более двух третей риса дают штаты Келантан, Перак, Кедах, значительные посевы есть также в штатах Малакка и Тренгану. 90% посевов риса производится на затопляемых землях; суходольный рис культивируют преимущественно на склонах гор.

Малайские крестьяне до сих пор поле под рис обрабатывают деревянными плугом и бороной. Как тягловую силу используют буйвола (нередко несколько крестьянских хозяйств сообща владеют одним буйволом). Убирают рис вручную, срезая отдельно каждую метелку специальным ножом. Поля малайцев обычно расположены на значительном расстоянии от дома, поэтому на время уборки урожая рядом с полем сооружают для жилья и хранения собранного риса шалаш из пальмовых листьев. В селении зерно и метелки риса хранят в специальных свайных амбарах, стоящих рядом с домом. Малайцы практикуют два способа обмолота риса — о колоду, защищенную циновками от ветра и рассеивания зерна по сторонам, и просто ногами. Обрушивают зерна риса при помощи «кисау» — небольшого механизма, работающего по принципу жерновов⁸.

Кроме риса, почти полностью потребляемого на месте, малайские крестьяне культивируют также кукурузу, маниоку, батат, перец, плодовые деревья. Для уплаты налогов крестьяне с каждым годом все большую площадь в своих хозяйствах вынуждены отводить под каучуконосы и другие товарные культуры — кокосовую пальму, табак, бананы.

В прибрежных селениях штатов Келантан и Тренгану вся жизнь определяется рыболовством. Рыболовством занимаются и во всех малайских селениях, расположенных вдоль рек, но в них оно не является главным занятием населения. Малайцы ловят рыбу различными способами и применяют разнообразные орудия — от крючков до сложных неводов. Каждый способ связан с особой организацией лова и нередко — обрядностью. Чаше всего лов рыбы ведут с лодок. Малайские лодки — это узкие, длинные, низко сидящие в воде каноэ, способные развивать большую скорость и хорошо приспособленные для прибрежных вод. Обычно малайские рыбаки объединяются в «неводные» или «лодочные» группы и сообща арендуют или покупают в кредит лодки и сети. В виде арендной платы или за долги они нередко должны отдавать до половины улова. Поэтому немалую роль в их хозяйстве играют выращивание риса и кокосовых пальм, огородничество, разведение коз и овец. Женщины прибрежных селений занимаются плетением сетей, циновок, ткачеством, мужчины — строительством лодок.

Положение малайских рыбаков, находящихся в полной зависимости от скупщиков рыбы, ничем по существу не отличается от положения

⁸ E. G. H. Dobby, Settlement and Land Utilisation, Malacca, «The Geographical Journal», London, 1939, т. 94, № 6, стр. 471.

крестьян-земледельцев и владельцев мелких посадок каучуконосов. Основная масса крестьянства в современной Малайе — не собственники земли, а арендаторы. Размер арендной платы составляет более половины урожая, причем в последнее время она взимается не натурой, а деньгами. Трудность положения арендатора усугубляется тем, что земельный собственник сдает участки в аренду лишь на один год и арендную плату, как правило, взимает при заключении договора, а не после сбора урожая. Так как арендатор обычно в это время не имеет денег, то он вынужден обращаться к ростовщику. Такое положение приводит к тому, что крестьянин оказывается в многосторонней кабале — и у собственника земли, и у ростовщика, и у скупщика сельскохозяйственных продуктов (нередко все это бывает соединено в одном лице).

Все большее число разоренных крестьян уходит на плантации, рудники, в города. Если до второй мировой войны рабочий класс Малайской Федерации состоял в основном из китайцев и индийцев, то в последние годы появилось значительное число рабочих-малайцев, особенно на плантациях.

Аграрная программа нового пятилетнего плана развития малайской экономики (1961—1965 гг.)⁹ предусматривает наделение землей тех крестьян, у кого ее меньше 6—10 акров (что принято программой за максимум) или нет совсем, с целью приостановить поток безземельных и безработных крестьян в города. Выполнение программы базируется на кооперировании действий федерального правительства и правительств отдельных штатов, но в то же время ставится в прямую зависимость от внешних капиталовложений, а не от внутренних ресурсов. Таким образом, и в области сельского хозяйства правительство Малайской Федерации идет не по пути создания независимой национальной экономики, а по пути дальнейшего усиления зависимости от иностранного капитала. Кроме того, более половины полученного участка крестьянин обязан засадить каучуконосами, часть — рекомендованными правительством экспортными культурами, и лишь на очень небольшом участке он может выращивать необходимые ему рис, овощи, плодовые деревья. Следовательно, осуществление новой аграрной программы не избавит Малайю от необходимости ввозить значительное количество риса и других продуктов питания.

В городах и селах Малайи издавна были развиты различные ремесла — гончарство, ткачество и батикование (своеобразный способ окраски хлопчатобумажных тканей), плетение, изготовление художественных ювелирных изделий из золота и серебра, оружия (особенно кригов). Гончарством в настоящее время занимаются только в нескольких местах. Керамические изделия разнообразны — большие сосуды для воды, горшки для приготовления пищи, чашки, тарелки. Наиболее распространенный орнаментальный мотив — цветок лотоса. Центрами малайского шелкоткачества издавна были северо-восточные штаты Келантан и Тренгану; в Тренгану ткали шелка, орнаментированные золотой нитью. В этих же штатах, а также по восточному побережью Паханга было распространено изготовление бумажных тканей, окрашенных анилиновыми красками в красный, зеленый, синий цвета темных оттенков. Ткани домашнего производства шли на изготовление национальной одежды малайцев — саронгов, кофт и головных платков. Сейчас ткачество почти исчезло из-за конкуренции дешевых и ярких фабричных тканей. Лучше сохранилось искусство плетения. Повсеместно малайские женщины занимаются плетением циновки и разнообразных

⁹ A. Wolstenholme, Benefits for Malayan Villagers, «New Commonwealth». London, 1959, т. 37, № 12, стр. 813—814.

корзин из расщепленного бамбука, тростника и специально обработанных пальмовых листьев. Высоко развитое прежде искусство ювелиров также почти исчезло в современной Малайе; осталась только небольшая группа мастеров в штате Келантан. Кроме украшений из золота и серебра, они изготавливают декоративные тарелки, сосуды с крышками, кувшины, табакерки, коробки для бетеля. Все изделия богато украшены филигранью, орнамент — растительный, чаще всего — изображение лотоса. Искусство изготовления оружия, прежде всего знаменитых малайских крисов, столь характерных для старой Малайи, в настоящее время находится на грани полного исчезновения.

* * *

В советской и зарубежной этнографической литературе широко распространено мнение, что п-ов Малакка издавна был переходным мостом, через который древние негро-австралоиды с азиатского материка переселились на о-ва Индонезии и Океании и в Австралию. Через этот же полуостров позднее, во II—I тысячелетиях до н. э., по мнению ученых, прошли и древние малайско-полинезийские, или, как их чаще называют, индонезийские племена, широко расселившиеся по всей Индонезии. Оба эти большие потока племен не могли не оставить следов в формировании населения Малайи. Среди современных народов Малайи черты древних негро-австралоидов наблюдаются у семаңгов и сеноев; третья группа коренного населения полуострова — джакуны — по антропологическим признакам относится к южно-монголоидной расе, на основе чего можно предположить, что компонентом в формировании этого народа могли быть древние индонезийцы.

Во второй половине I тысячелетия н. э. и особенно в период расцвета государства Шривиджайя на п-ве Малакка появились малайцы, переселившиеся сюда с о. Суматра. Эти переселенцы вступали в контакты и частично смешивались с местным населением — предками современных семаңгов, сеноев и джакунов (чем объясняются, вероятно, некоторые различия между малайцами Келантана, Тренгану — с одной стороны и западных штатов — с другой)¹⁰. В то же время часть переселенцев оседала компактными группами и до настоящего времени сохранила много самобытных черт (например, «большие дома» и социальная организация минангкабау в штате Негри Сембилан)¹¹. В XVIII в. на побережье Джохора ряд поселений основали буги — переселенцы с о. Сулавеси (Целебес); среди других индонезийских народов в Малайе преобладают яванцы. Иммиграция из Индонезии в Малайю продолжалась и в более позднее время, вплоть до образования независимой Республики Индонезии.

В антропологическом отношении малайцы относятся к южноазиатской расе. Они говорят на малайском языке, входящем в семью малайско-полинезийских языков; в словарном составе его много заимствованных древнесанскритских, современных индийских, китайских, а также английских слов. С распространением ислама в XV—XVI вв. индийский алфавит был заменен арабским. С XIX в. в Малайе наравне с арабской графикой (яви) стала применяться латинизированная малайская (руми). В 1960 г. парламент Малайской Федерации утвердил руми как официальную графику для малайского языка страны.

Традиционные черты малайской национальной культуры, которая имеет много общего с культурой народов Индонезии, лучше всего сохранились у малайцев штатов Келантан и Тренгану. Селения малайских

¹⁰ «Geographical essays on British tropical lands», London, 1956, стр. 278.

¹¹ G. A. de C. Moubay, *Matriarchy in the Malay Peninsula and neighbouring countries*, London, 1931.

земледельцев и рыбаков — кампонги — расположены среди кокосовых пальм и фруктовых деревьев вдоль дорог, рек, в горных долинах. Традиционные малайские дома всегда строят на сваях. Малайцы объясняют это обычаем и целями защиты от наводнений, сырости, а также зверей и змей. Сваи, обычно деревянные, или забивают в землю или устанавливают на каменные «подушки». Дома малайцев каркасно-столбовые: каркас делают из дерева, а стены, потолок и пол — из расщепленного бамбука. В штатах Кедах и Перак, где много строевого леса, весь дом целиком делают из дерева. Окна без стекол, закрываются ставнями с плетенкой из расщепленного бамбука. Крыши, обычно двускатные с прямым коньком, покрывают листьями пальмы ниты. Скаты крыши делают крутыми и длинными для лучшего стока вод и защиты от прямых солнечных лучей. Входная дверь по традиции обращена на восток; рыбаки морского побережья обычно ставят дом продольной стороной к морю и этот скат крыши делают особенно крутым и низким — для защиты от муссонов. К фасадной стене дома пристраивают веранду, кровлей для которой служит удлиненный, с небольшим изломом скат крыши. С веранды ведет дверь в комнату дома, обычно единственную. Внутреннее убранство состоит из разнообразных циновок и кухонной утвари из глины, бамбука и скорлупы кокосовых орехов. В домах рыбаков вдоль стен разложены сети и корзины. С задней стороны к дому пристраивают открытую платформу, на которой готовят пищу. Более зажиточные малайцы вместо такой платформы возводят рядом с домом отдельное свайное строение под крышей, которое используют как кухню и как дополнительное жилое помещение. Рядом с домом и под ним, между сваями, устраивают загон для буйволов и других домашних животных. В штате Негри Сембилан у малайцев минангкабау до сих пор бытуют длинные дома с двухъярусной седлообразной крышей.

В северных штатах Федерации на реках нередко можно видеть целые плавучие селения: это плоты с бамбуковыми хижинами, в которых живут сплавщики леса. В портовых городах Малайи, как и в других странах Юго-Восточной Азии, много жилых лодок, обитатели которых всю жизнь проводят на воде, занимаясь мелкой торговлей, рыбной ловлей и случайной работой в порту.

Пищей малайским земледельцам и рыбакам служат рис, рыба, овощи. Мясо и яйца считаются роскошью и употребляются лишь во время мусульманских праздников, на свадьбе и в других торжественных случаях.

Традиционная национальная одежда малайцев — саронг. Мужчины, кроме саронга из клетчатой или полосатой ткани, носят прямого покроя рубашку — «баджу», черную бархатную шапочку — «сонгкок» или головной платок. У женщин саронг из более ярких, пестрых тканей дополняет длинная, также прямого покроя кофта — «кебайя». Голову и плечи женщины покрывают большим платком. Из украшений они носят кольца, браслеты (на руках и ногах), серьги, броши, шейные кольца, искусно изготовленные местными ювелирами. Широко распространены как среди малайцев, так и среди индийцев и китайцев, плетеные шляпы с большими полями, хорошо защищающие от дождя и солнца.

Малайцы исповедуют ислам суннитского толка, который объявлен государственной религией Федерации; однако, бытовые запреты шарията соблюдают только состоятельные слои¹².

У бедных крестьян-земледельцев и рыбаков женщина может, например, появляться в общественных местах с открытым лицом. Роль женщины в хозяйственной жизни этих слоев малайцев довольно значительна: так, рыбак без одобрения и согласия жены не может ничего ни купить, ни продать. Малайские женщины участвуют в некоторых религи-

¹² R. Firth, *Housekeeping among Malay Peasants*, London, 1943, стр. 17—42.

озных церемониях (они могут иметь «долю» при заклинании быка во время празднования курбана) и пр.¹³.

Полигамия среди малайцев-мусульман разрешена, но практикуется редко, главным образом среди состоятельных слоев. Наиболее распространена моногамная семья, состоящая из мужа, жены, их детей и — реже — других родственников. Разводы, как и у всех мусульман, регулируются религиозными правилами и зависят только от желания мужа. После регистрации развода имамом мужчина может вновь вступить в брак в любое время, женщина — лишь через сто дней. После развода жена получает свои вещи и часть общего имущества, принадлежащего ей и ее малолетним детям¹⁴. Свадьба, рождение ребенка, обрезание, похороны, сопровождаются особыми обрядами с участием родственников, соседей и друзей.

Исламские праздники широко отмечаются по всей стране. Однако среди малайцев-крестьян до сих пор сохранились и анимистические верования; например, во время праздника, посвященного началу жатвы риса, с особыми церемониями собирают первый сноп, бережно и аккуратно срезая каждую метелку, чтобы, как считают малайцы, не причинить вреда духу риса¹⁵. Во время болезни или при каком-либо несчастье малайцы делают небольшие модели лодочек и, наполнив их рисом и пряностями, пускают по реке: они должны, якобы, унести прочь духов болезней и зла и задобрить их. Эти лодочки, широко известные в Южном Китае, Индокитае и по всем о-вам Малайского архипелага, малайцы полуострова называют «лодками злого духа»¹⁶.

* * *

Внутренние и северные районы Малаккского п-ва являются областью расселения древнейшего аборигенного населения. Одна из групп коренного населения Малакки — низкорослые темнокожие негритосы, в антропологическом отношении близкие к аэта Филиппинских островов и андаманцам. В Малайе они известны как семанги — по западному склону главного хребта (в Кедахе и верхнем Пераке) — и как панганы — в Келантане, по другую сторону того же хребта. В литературе негритосы Малайи чаще известны под общим собирательным термином «семанги», причем в их число включают всех охотников-собирателей северо-западных склонов главного хребта. Говорят семанги на языке монкхмерской группы. По последним данным, в Малайской федерации насчитывалось 3 тыс. семангов¹⁷, подразделяемых на несколько групп: джахай, менра, менри, ланох, батег, сабуб и др. Живя в лесах по склонам гор и у рек, обильных рыбой, семанги ведут бродячий образ жизни собирателей и охотников. Лишь с 20-х годов этого столетия часть семангов стала постепенно переходить к подсечно-огневому и переложному земледелию. Собираательством и земледелием занимаются женщины, охотой — мужчины. Орудиями охоты служат западни и ловушки, бамбуковые копыя, лук и стрелы с железными наконечниками, но наиболее распространен сумпитан (духовое ружье), заимствованный у соседних племен сеноев. Основной тип жилища семангов — навес из пальмовых листьев; одна сторона его упирается в землю, другая — на две-три опорные палки. Известны также жилища на деревьях и хижи-

¹³ R. Firth, The coastal people of Kelantan and Trengganu, «The Geographical Journal», London, t. 101, № 5—6, 1943, стр. 203.

¹⁴ F. C. Cole, The Peoples of Malaysia, London, 1947, стр. 122.

¹⁵ G. W. Long, Malaya meets its emergency, «The National Geographic Magazine», Washington, 1953, т. 103, № 2, стр. 218.

¹⁶ J. Loewenstein. Evil spirit boats of Malaisia. «Anthropos». Freiburg, 1958, т. 53, вып. 1—2, стр. 203.

¹⁷ С. И. Брук, Население Индокитая. Пояснительная записка к карте народов М., 1959, стр. 10.

ны, по форме напоминающие пчелиные ульи. Свайные дома малайского типа встречаются редко, в основном среди семангов, перешедших к земледелию, у которых есть и специальные свайные амбары для хранения зерна. Одежда семангов очень проста и состоит из набедренной повязки у мужчин и юбки из тапы — у женщин. Живут семанги небольшими родственными группами без четко оформленной племенной организации. Каждая группа имеет определенную территорию для кочевания, за пределы которой выходит редко. По религии семанги — анимисты. Функции шамана выполняет глава группы. У семангов распространены катакомбные захоронения. После погребения умершего сородича вся группа переходит на новое место, обязательно за водную преграду; однако семанги, перешедшие к земледелию, не стоянку переносят на новое место, а хоронят умершего по возможности дальше и за водной преградой. Сами семанги объясняют это страхом перед духом покойника, который, якобы, может прилететь и причинить вред живым родственникам. Душа умершего, по верованиям семангов, отправляется на острова, расположенные в «Западном море»¹⁸.

Южнее семангов живут сенои — вторая большая группа коренного населения Малайи. По антропологическому типу они относятся к веддоидам, а по языку — к мон-кхмерской группе. В настоящее время в Федерации насчитывается 27 тыс. сеноев¹⁹. В этнографической литературе прежде был распространен термин «сакан» (по-малайски «зависимые», «рабы»), который объединял несколько групп: семаи (с подразделениями семак, сенои), сисек (бесиси), семелан, темиар и др. Вместо «сакан» теперь употребляется термин «сенои» — название наиболее многочисленной центральной группы веддоидов Малайи. Основные районы расселения сеноев — Паханг (к северо-востоку от оз. Дампар), Перак (около г. Кампар) и горные, пограничные с Пахангом и Перакком, районы Келантана. Небольшие группы сеноев живут в Селангоре и Негри Сембилане. Процент оседлых среди сеноев выше, чем среди семангов. Многие сенои, перейдя к оседлости, приняли ислам и при переписи причисляют себя к малайцам.

В хозяйстве сеноев много общего с семангами. Они занимаются собирательством, охотой с сumpulаном, рыболовством. Значительную роль играет подсечно-огневое земледелие. Под пашню расчищают участок джунглей, затем палками делают в земле лунки, в которые бросают по несколько зерен риса или проса. Участок используют обычно три-четыре сезона, затем выжигают новый. Когда рядом с селением не остается нерасчищенных участков, сенои переходят на другое место. Живут сенои в свайных домах из бамбука, отдельными семьями; известны у них и большие общинные дома, разделенные внутри на несколько помещений для отдельных семейных пар. Комната, расположенная в самом дальнем конце дома, принадлежит вождю, известному под малайским термином «пенгхулу». Вождем является самый старший и уважаемый в группе. Лес у сеноев представляет общественную собственность. Расчищенные участки, дома или комнаты принадлежат отдельным семьям. В брак вступают обычно вне своей родственной группы, но внутри определенной возрастной группы. Заключение брака и рождение ребенка отмечают особыми церемониями. Болезни и смерть, по представлениям сеноев, вызывают злые духи. Как и семанги, сенои после погребения умерших покидают селение. По религии они — анимисты. Для «общения с духами» у них есть шаманы, они же и знахари. Из сил природы сенои наиболее почитают солнце.

¹⁸ Р. Ф. Бартон, Семанги (Рукопись, Архив Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР).

¹⁹ С. И. Брук, Указ. раб., стр. 10.

В южных районах Малаккского п-ва живет еще одна группа аборигенного населения, известная под общим названием джакуны (численность — 6 тыс. чел.)²⁰. К ним относятся бидуанда, мантера (штаты Негри Сембилан и Малакка), оранг-улу, оранг-канак, оранг-лаут (штат Джохор). По антропологическим признакам джакуны относятся к южным монголоидам; говорят они на диалектах малайского языка. Большинство джакунов совершенно не знает земледелия. Во внутренних районах они занимаются собирательством и охотой, а на побережье и островах — рыболовством; известна им и ловля жемчуга. Живут джакуны в свайных постройках малайского типа. Оранг-лауты — «люди моря», известные как искусные рыболовы, живут в долбленых лодках на воде.

* * *

Как известно из китайских династийных хроник, китайцы стали селиться на берегах Малаккского п-ва с первых веков н. э.²¹ Это были небольшие поселения торговцев и ремесленников, приезжавших сюда обычно на короткое время. Более многочисленные и постоянные китайские поселения появляются на полуострове и в средние века (например, Тумасик на месте современного Сингапура) и особенно после захвата Малайи англичанами. Для «освоения» природных богатств страны европейским колонизаторам необходимо было большое число дешевых рабочих рук. Однако в Малайе в конце XIX в. эту рабочую силу англичанам выгоднее и дешевле было получать извне, широко привлекая в страну китайцев и индийцев, чем на месте, так как малайцы с их натуральным хозяйством были еще крепко привязаны к земле. Наряду со свободной иммиграцией, широкое распространение получила система вербовки рабочих в южных провинциях Китая — Гуанси, Гуандуне и Фуцзяни, ближе других расположенных к странам Юго-Восточной Азии и издавна связанных с ними торговлей. В первом десятилетии XX в. число китайцев в Малайе достигло уже 900 тыс. Вплоть до второй мировой войны рост численности китайского населения страны шел в основном за счет притока новых иммигрантов.

Поскольку в послевоенный период английские власти проводили политику ограничения иммиграции в Малайю, рост численности китайцев в стране идет теперь за счет естественного прироста (среднегодовая норма прироста китайского населения составляет в среднем 3%, в то время как малайцев — 2%).

Китайцы Малайи почти не знают малайского и английского языков, они говорят на диалектах китайского языка тех мест, из которых иммигрировали (т. е. южных провинций Гуанси, Гуандун и Фуцзянь). Китайские торговцы штатов Пенанг, Малакка и земледельцы Джохора, Селангора и Перака говорят на минь-наньском или южнофуцзяньском (в английской литературе — хоккиенском) диалекте. Китайские рабочие оловоработок долины Кинта (штат Перак) говорят на гуанчжоуском (кантонском) говоре гуандунского диалекта и говорах диалектной группы хакка. Говор китайцев — огородников и земледельцев штата Кедах английские исследователи относят к гуандунскому диалекту и называют его чаочжоуским (в английской литературе — теочну, реже хокло). Китайцы штата Тренгану, которые занимаются мелкой торговлей на селе и особенно выращиванием каучуконосов, говорят на хай-наньском говоре гуандунского диалекта.

В штатах Малакка и Пенанг живет особая группа китайцев, известная в литературе под названием «баба». Это — потомки от браков ранних китайских поселенцев на полуострове с малайскими женщинами.

²⁰ С. И. Брук, Указ. раб., стр. 11.

²¹ Подробнее о китайцах Малайской Федерации см. нашу статью «Китайцы Малайской Федерации», «Сов. этнография», 1960, № 1.

Они говорят на особом жаргоне, в котором смешаны китайские и малайские слова (последние часто произносятся в тональности китайского языка), но придерживаются китайских обычаев и сохраняют китайскую одежду.

Китайцы в Малайе живут обособленными компактными группами и мало смешиваются с соседним малайским населением. До сих пор они сохранили много самобытного в материальной культуре, семейных отношениях и религиозных верованиях. Это относится прежде всего к сельскому населению.

В отличие от малайских, селения китайцев — разбросанной планировки: каждый крестьянин ставит дом на своем земельном участке. Китайцы сохранили национальные традиции при постройке домов. Они ставят их непосредственно на земле, даже в сырых, подверженных наводнениям местах. Исключение представляют несколько небольших поселков китайских рыбаков на западном побережье, где дома стоят на сваях. Обычно китайцы возводят дома на прямоугольной земляной, плотно утрамбованной площадке, которая служит полом. Стены делают из дерева, крышу из пальмовых листьев. Входная дверь дома, по традиции, обращена на юг. Китайцы — рабочие рудников и плантаций живут в бараках с земляным полом, разделенных внутренними перегородками на отдельные каморки. В городах подавляющее большинство китайцев живет в тесных комнатках домов-лавок.

Среди китайцев Малайи распространена моногамная семья, образующая самостоятельную хозяйственную единицу. Женатый сын основывает свое хозяйство сразу же после свадьбы. Родители остаются жить с младшим сыном, но содержать их помогают все отделившиеся сыновья. В Малайе китайский крестьянин обычно владеет небольшим участком земли, и поэтому раздел его не обязателен. В этом случае каждый женатый сын либо становится наемным рабочим, либо арендатором небольшого земельного участка.

Среди китайцев Малайи преобладают последователи даосизма, буддизма и особенно конфуцианства. Немногочисленные китайцы-христиане живут в основном в городах, мусульмане — в бывших нефедерированных султанатах, где наблюдаются более тесные связи их с малайцами.

* * *

В начале I тысячелетия н. э. в Малайе появились первые поселения индийских торговцев. В дальнейшем многие индийцы, приехав в Малайю в поисках средств к существованию, оседали здесь навсегда; другие приезжали по контрактам лишь на короткое время. Английским колонизаторам удалось привлечь в Малайю значительное число индийцев после «каучукового бума» 1909—1910 гг. Постепенно в Малайе образовалась довольно многочисленная индийская община. Среди индийских переселенцев преобладают тамилы — более 76%; численность других индийских народов (телугу, малаяли, синдхи, пенджабцы, бенгальцы) колеблется от 400—500 чел. до 30—40 тыс. Как и среди китайцев, в послевоенные годы постоянно растет процент индийцев, родившихся в Федерации.

Тамилы-мусульмане и бенгальцы занимаются торговлей, обычно розничной. Многие бенгальцы служат в полиции или работают швейцарами; меньшая часть их занимается земледелием и скотоводством. Значительная часть цейлонских тамилослужит в государственном аппарате. Однако большинство индийцев Малайи (прежде всего тамилы-мусульмане из Южной Индии) работает на плантациях каучуконосов, кокосовой и масличной пальм, на различных стройках. За тяжелый труд они получают низкую заработную плату, ютятся в жалких лачугах на плантациях и окраинах городов.

Как и китайцы, переселившиеся в Малайю индийцы сохранили многие черты своей национальной культуры. Наиболее характерными из всех видов искусства индийцев Малайи являются танцы, исполняемые со строгим соблюдением старых традиций.

Кроме китайцев и индийцев, в Малайской Федерации живут выходцы из других стран Азии: немногочисленные (от 500 до 100 чел.) группы бирманцев, вьетнамцев, филиппинцев, японцев и непальцев. Сиамцы (25 тыс. чел.)²² живут в штатах Кедах и Перлис, расположенных на границе с Таиландом, и занимаются земледелием. В городах живут арабы и евреи, занимающиеся мелкой торговлей.

Среди европейцев (17 тыс. чел.)²³ наиболее многочисленную группу составляют англичане — около 90%; остальные — голландцы, американцы, французы, датчане, португальцы и др.

* * *

Таким образом, Малайская Федерация отличается пестротой этнического состава населения, причем ни один из населяющих ее народов не составляет подавляющего большинства в стране. Каждый из них, и в первую очередь малайцы, китайцы и индийцы, сохранил до настоящего времени свою материальную культуру, обряды и обычаи, верования и язык, причем не только в местах компактного расселения, но и в городах, где население очень смешанное. Проводимая ранее английскими колонизаторами политика «разделяй и властвуй», политика «предпочтения» малайцев китайцам и индийцам в значительной степени препятствовала сближению народов Малайи. После провозглашения независимости неравенство в положении различных национальностей продолжает существовать. Согласно новой конституции, все малайцы Федерации, например, права гражданства получают автоматически, в то время как китайцы, составляющие почти половину населения страны и занимающие ведущее место в ее экономической жизни, лишены этого. Для китайца, равно как и для индийца, получение права гражданства связано с рядом условий — определенный срок проживания в стране, отказ от права гражданства любой другой страны (кроме стран Содружества), принятие клятвы верности Федерации, обязательное элементарное знание малайского языка. Результатом существования этих ограничений является то, что до сих пор значительная часть китайцев и индийцев страны лишена прав гражданства Малайской Федерации. Хотя в школах Федерации преподавание ведется на языках всех крупных народов страны, все же предпочтение отдается малайскому и английскому языкам.

Положение коренных народов Малайи по-прежнему остается тяжелым. Те группы семангов и сеноев, которые живут рядом с малайцами, перешли теперь к земледелию, стали мусульманами и в значительной степени восприняли малайскую культуру (например, научились строить свайные дома, стали носить малайскую одежду). Но основная масса коренного населения Малайи, обитающая в глухих районах джунглей, до сих пор знает лишь подсечно-огневое земледелие, ведет бродячий образ жизни охотников и собирателей и живет на стадии разложения первобытно-общинного строя.

* * *

С каждым годом в Малайской Федерации растет число сторонников мирного урегулирования внутрисоюзных дел. Это прежде всего касается прекращения антинародной и антикоммунистической

²² С. И. Брук, Указ. раб., стр. 10.

²³ Там же, стр. 11.

войны против малайских патриотов, начатой еще английскими колонизаторами более 13 лет назад. Правительство Федерации в середине 1960 г. под давлением внутренней оппозиции официально объявило об окончании войны и отмене чрезвычайного положения, однако принятые им так называемые чрезвычайные постановления ничем по существу не отличаются от действовавших ранее и также направлены против малайских патриотов. Продолжение военных действий вызывает все большее и большее противодействие со стороны всех партий страны (кроме стоящего у власти Союза трех партий). Растет недовольство и против присутствия в стране войск Британского содружества наций и существования английских военных баз на малайской территории. В 1959—1960 гг. были приняты резолюции протеста на ежегодных конференциях Народно-социалистического фронта Малайи, Панмалайской исламской партии. Все большее недовольство вызывает также политика покровительства иностранному капиталу, продолжение и даже усиление зависимости экономики страны от иностранных капиталовложений.

Во внешней политике оппозиционные круги выступают за позитивный нейтралитет, за установление более тесных отношений со всеми странами, в том числе и социалистическими. Многие партии выступают против отправки малайских солдат и офицеров в Конго и Южный Вьетнам, против поддержки политики США в отношении Кубы.

Наиболее решительно за ликвидацию в стране остатков колониального режима, установление внутреннего мира, демократизацию страны выступает Коммунистическая партия Малайи, находящаяся в глубоком подполье и постоянно подвергающаяся репрессиям и террору со стороны федерального правительства. Коммунистическая партия опубликовала программу борьбы за полную национальную независимость страны, самостоятельную внешнюю политику, за воссоединение с Сингапуром. Одной из первоочередных задач Коммунистическая партия считает укрепление союза рабочего класса и крестьянства, что в условиях Малайи означает укрепление национального единства в стране, ибо до сих пор рабочий класс Федерации состоит в основном из китайцев и индийцев, а крестьянство — почти исключительно из малайцев. В основе этого национального единства должно лежать равенство всех народов страны. Коммунистическая партия постоянно борется за создание в Малайе широкого единого фронта антиимпериалистических и патриотических сил, без которого невозможна окончательная победа национально-освободительного движения.

«ИСКУССТВО В БЫТ»

ВЫСТАВКА НОВЫХ ОБРАЗЦОВ ИЗДЕЛИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Подъем культурного уровня народов СССР вызвал сложные и многообразные изменения быта рабочих и колхозников. Ростом эстетических потребностей трудящихся, формированием новых эстетических вкусов определяется, в частности, изменение жилого интерьера и декоративных вещей, входящих в него. Колоссальное жилищное строительство, осуществляемое за последние годы в нашей стране, постоянная забота Партии и Правительства о быте трудящихся привели к небывалому раньше размаху работы над созданием современного советского интерьера, над разработкой новых видов изделий художественной промышленности. Этому в большой мере способствуют такие выставки, как отдел жилища Постоянной строительной выставки в Москве, Выставка тканей и художественных промыслов РСФСР (1960), регулярные выставки изделий декоративного искусства и многие другие мероприятия.

По указанию Правительства, Министерство культуры СССР совместно с министерствами культуры союзных республик, Академией художеств и Союзом архитекторов организовало Всесоюзную выставку образцов художественной промышленности и прикладного искусства «Искусство в быт». Выставка открылась 27 апреля 1961 г. в Центральном выставочном зале (б. Манеж) в Москве.

Экспозиция выставки была построена на показе интерьеров, в ансамбле с которыми демонстрировались различные художественные изделия.

Критерием отбора экспонатов на выставку была не только их художественная выразительность, но и экономичность, гигиеничность, согласованность с общим обликом современного интерьера.

Ряд экспонатов уже находится в массовом производстве, большая же часть является уникальными образцами, ожидающими «путевки в жизнь». Обсуждение широкой общественностью и специалистами (художниками, технологами и др.) достоинств и недостатков изделий определяло пути и перспективы их дальнейшего производства. Задачи выставки определили и ее профиль — большинство изделий, демонстрировавшихся на ней, было утилитарного назначения.

Среди экспонатов выставки были как традиционные изделия, выполненные старинной техникой, так и новые изделия, рожденные поисками современного стиля, как, например, осветительные приборы, мебель и многие изделия из стекла.

На выставке было представлено 27 образцов декора полностью обставленных отдельных комнат и двух квартир: двухкомнатной и трехкомнатной, где в ансамбле с мебелью, декоративными тканями и светильниками демонстрировались изделия декоративно-прикладного искусства.

Основная же масса экспонатов была размещена в витринах и на стендах. Использование новых материалов — древесно-стружечных плит, клеено-гнутой фанеры, слоистых пластиков (цветные полы, стенки шкафов, штампованные стулья) и нитроэмалей для покрытия усиливало впечатление новизны интерьеров, рождаемое оригинальными формами мебели и ее компановкой, новыми образцами осветительных приборов и декоративных тканей.

Значительная часть мебели, показанной на выставке, была универсально разборной. Отличительной чертой ее была ярко выраженная малогабаритность (миниатюрные журнальные столики и письменные столы, облегченные за счет изъятия ряда ящиков из тумб, уменьшенные против обычного стандарта обеденные столы и стулья, эффектные, но не вместительные книжные полки).

Среди мебели были отдельные красивые и удобные образцы, отвечающие современному стилю п, тем не менее, не чрезмерно «облегченные». Такова мебель предприятий Ленинградского совнархоза из клеено-гнутой фанеры чистых тонов, приятных

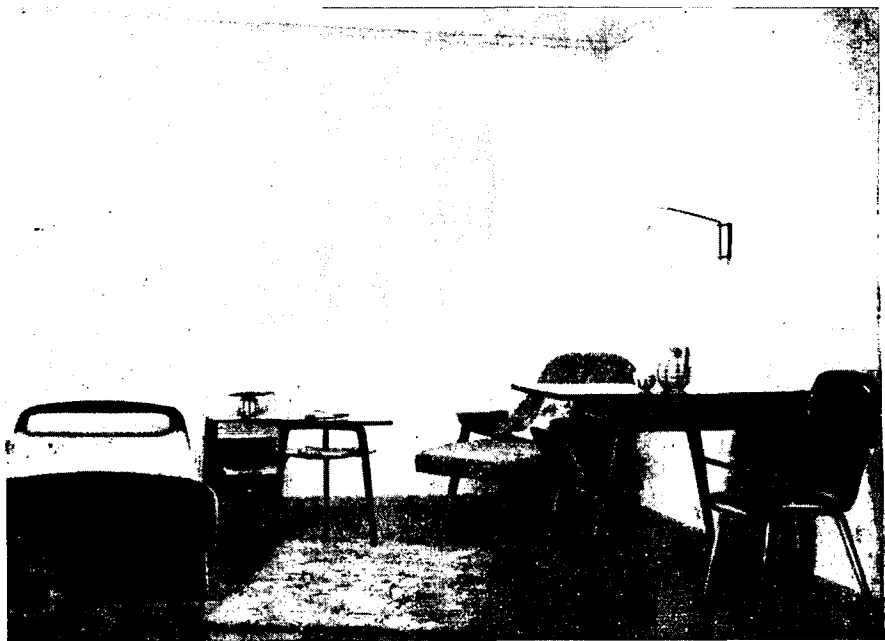

Рис. 1. Мебель из клеено-гнутой фанеры. Специальное конструкторское бюро Ленинградского СНХ

форм, с хорошо подобранной обивочной тканью (рис. 1). Наиболее удачны из представленных образцов мебели детские гарнитуры (рис. 2). В целом же вопрос об универсальной применимости малогабаритных образцов представляется спорным.

Интерьеры, решенные в унифицированном современном стиле, носили тем не менее некоторую печать национального своеобразия (литовский — в холодных тонах и исключительно прямых линиях; белорусский — в национальной красочной гамме; украинский — украшенный народным орнаментом в мебели и декоративными керамическими изделиями).

Тем не менее интерьерам недоставало теплоты и жизненности. Они, словно стандартные номера гостиниц, не были рассчитаны на реальное многообразие жизни и семейного быта многочисленных народов СССР, живущих в весьма различных условиях.

Одним из самых ярких разделов выставки было художественное стекло. Впечатление легкости, пространства и света, создаваемое изделиями из стекла, хорошо отвечает задаче декорирования современного интерьера, освобожденного как от лишних, так и от необходимых, но громоздких, излишне декорированных предметов и состоящего из вещей, лаконичных по форме и простых по конструкции. Закономерен поэтому и рост протребности в художественных предметах из стекла. Несколько десятков заводов, из которых двадцать представили свои изделия на выставке, не могут удовлетворить все возрастающий спрос на художественное стекло.

Достижения в развитии этой области прикладного искусства явились результатом интересных экспериментов художников и технологов, а также творческого освоения опыта мастеров стекла других стран, в первую очередь Чехословакии.

Ленинградский завод художественного стекла и сортовой посуды представил более 75 экспонатов из хрусталя. Среди них были такие прекрасные произведения, как декоративная ваза «Лес» молодого талантливого художника А. М. Остроумова (шлифовка), или десертный прибор «Майский» А. И. Маевой (алмазная грань).

Однако рядом с удачными вещами были и вещи надуманные, малохудожественные, например декоративная ваза из хрусталя с пятью цветными колпачками Б. А. Еремина, или хрустальная ваза «Леший» — Б. А. Смирнова и некоторые другие. Яркие колпачки внутри высокой прямой вазы Б. А. Еремина лишают ее цельности, а устрашающее лицо лешего в работе Б. А. Смирнова только неприятно поражает глаз. Желание создать сюжетный образ в стекле увлекает многих художников, но здесь, как и в ряде других случаев, новаторство еще не нашло соответствующих изобразительных средств. Иногда и формотворчество было неудачным, как, например, графины, похожие на промышленные бутылки или аптекарские пузырьки.

В экспозиции Ленинградского завода, наряду с большим количеством изделий из хрусталя, было всего только 15 экспонатов из сульфидного стекла. Между тем эта новая техника дает высокохудожественные результаты и имеет большое будущее. Ее особенность заключается в том, что в зависимости от режима производственных про-

Рис. 2. Комплект мебели «Детский». Специальное конструкторское бюро Ленинградского СНХ

цесса меняется цвет стекла и отдельных изделий; одинаковые по форме, они получают индивидуальную окраску. Серийное стекло одновременно становится уникальным, что необыкновенно повышает его декоративные качества.

В отличие от стендов Ленинградского завода, больше половины изделий, представленных стеклозаводом «Красный май» (г. Вышний Волочек Калининской области), было из сульфидного стекла. Экспонаты завода «Красный май», как и ряд изделий из сульфидного стекла, представленных Киевским и Львовским заводами, дали возможность ознакомиться с выдающимся достижением мастеров стекла нашей страны, открывающим новые перспективы развития одной из областей прикладного искусства.

Один из старейших стеклозаводов «Гусь-хрустальный» был представлен в основном изделиями из традиционного для него хрусталя, выполненными по большей части техникой алмазной грани (приборы для вина, декоративные вазы и блюда, вазы для цветов и т. д.).

Хрусталь, обладающий драгоценными декоративными качествами, не может заменить собой другие виды стекла. Если преобладание хрусталя на стенде завода «Гусь-хрустальный» было закономерно, то в экспозиции других заводов оно не оправдано. Выставочному комитету следовало найти более правильное соотношение различных видов художественного стекла в экспозиции. Ведь не случайно и в братской Чехословакии развитие художественного стекла идет по линии поисков новых форм и технологии изготовления именно массового стекла, а не хрусталя. В этом плане выгодно отличался от стендов многих заводов, где преобладал хрусталь, стенд Львовского стеклозавода № 1, на котором преобладало цветное стекло, выполненное техникой выдувания. Нежные тона красок, прозрачность тонкого стекла, удачно найденные формы и пропорции убедительно говорили о необходимости расширения производства этих дешевых и изящных изделий.

Помимо сульфидного и цветного стекла, в экспозиции было много новых изящных изделий из дымчатого и накладного стекла, стекла с нацветом и бесцветного, выполненных техникой выдувания, гравировки, гранения, матовой шлифовки, вдуванием в форму и алмазной гранью. Таковы солнечно-радостные вазы А. М. Силко из накладного стекла с алыми прожилками, расходящимися по золотистой поверхности от центра (гутенская техника, завод «Красный май»), или прибор для молока Г. А. Антоновой (живопись, завод им. Ф. Э. Дзержинского).

Новаторство в технологии, смелые поиски новых форм и колорита характеризовали в целом экспозицию стекла. Однако поиски нового не всегда были удачны. Малохудожественную скульптуру из стекла, выполненную гутенской техникой, демонстрировал стеклозавод «Неман». «Слон», «Баран», «Зебра», «Конь» и другие изделия этой

группы производили, при своих небольших размерах, впечатление тяжеловесности, столь несвойственной изделиям из стекла.

В то же время работы В. А. Гинзбурга — миниатюрные фигурки бегущих стремглав зайцев, быстрой лани и скользящей ящерицы (цветной дрот, Львовский стеклозавод № 1) были полны художественной выразительности.

Из новых видов изделий обращали внимание подвесные и настенные вазы для цветов. Среди них особенно удачны были маленькие вазочки каплевидной формы.

Недостатком значительной части изделий, в особенности изделий Киевского завода, было несоответствие их размеров (огромные вазы, блюда, приборы для компота) демонстрировавшимся на выставке образцам малогабаритных интерьеров.

Разнообразие новых форм декоративного стекла контрастировало со слабо представленным бытовым стеклом. стаканы, рюмки, стопки и т. п. — основные виды бытовой стеклянной посуды, выпускаемые миллионными тиражами, еще недостаточно привлекали внимание художников и технологов. Однако возможности прикладного искусства в области художественного оформления массовой бытовой посуды и утвари неисчерпаемы. Важно лишь включить в большем масштабе в сферу творчества мастеров прикладного искусства, работающих преимущественно над декоративными изделиями, сугубо утилитарные вещи. Примером того, какие перспективы раскрываются в этой области, может служить удачный опыт ленинградского завода «Эмаль-посуда» № 1 и других предприятий, выпускающих кухонную утварь: здесь обращали на себя внимание белые эмалированные кастрюли, напоминающие по форме суповые миски, или кувшины, кружки, банки для крупы, бидоны и миски ленинградского завода «Эмаль-посуда» № 1, которые приятно в повседневной жизни подать на стол.

Широко экспонировался на выставке художественный фарфор.

Среди шестнадцати заводов, представивших свою продукцию, были и всемирно известный старейший Ленинградский фарфоровый завод, Дулевский, снабжающий сейчас почти всю страну своими изделиями, Дмитровский — Вербилки и ряд менее известных украинских, латвийских и других заводов. Бытовая посуда, декоративные вазы, скульптура отличались богатством новых форм и удачными находками в области росписи. Обращало на себя внимание развитие направления «белая линия» — освобождение поверхности фарфора от росписи с сохранением тех ее элементов, которые подчеркивают форму предмета. Таков, например, сервиз «Серпики» Е. П. Смирнова (Дмитровский завод), представленный наряду с другими сервизами той же формы, но расписанными менее удачно. Легкие золотые полоски росписи Е. П. Смирнова лишь подчеркивали удачно найденную форму предметов сервиза (рис. 3). Некоторые возражения против развития направления «белая линия» вызывает лишь отсутствие у большинства заводов необходимой для изделий этого рода качественности фарфора — его белизны и тонкости. Безупречно белый «черепок» пока изготавливается лишь Ленинградским заводом. Освобождение же поверхности малокачественного фарфора от росписи подчеркивает его дефекты. Изделия такого рода требуют особых условий показа — цветной скатерти вместо белоснежной, соответствующего подбора утвари и т. п. Перспектива успешного развития этого направления связана с улучшением технологии производства фарфоровой массы.

Среди изделий Ленинградского завода экспонировались такие прекрасные сервизы, как «Цветная плетенка» Б. Л. Семенова, «Вечер» И. С. Аквилонской и А. А. Лепорской, кофейный «Ракета» Н. А. Лепорской, «Тростники» Л. И. Лебединской и В. Л. Семенова и «Кобальтовая сеточка» С. Е. Яковлевой (подглазурная роспись). Удачна была серия декоративных ваз (например, ваза «Самоцвет» В. М. Городецкого и В. Л. Семенова).

Из новых изделий бесспорно найдут применение образцы подвесных и настенных вазочек и кашпо (Т. С. Линчевская, А. А. Лепорская, В. М. Городецкий и Н. П. Савина). Много было работ старейшего художника завода А. В. Воробьевского. Они особенно интересны использованием в росписи народных мотивов. А. В. Воробьевский использует элементы лубочной живописи. Его работы очень самобытны. Но перегруженность росписью, при необычайной яркости ее, придает изделиям излишне помпезный вид, не вполне согласующийся с требованиями жилого интерьера (вазы «Народные узоры» и «Паруса», сервиз «Красный орнамент» и др.).

Хорошо используются мотивы народной росписи в украинском фарфоре. Ряд декоративных изделий Киевского экспериментального керамико-художественного завода — уплощенные белоснежные чайники, вазочки — были весьма искусно, с учетом формы изделий декорированы цветочной росписью сине-красных, коричнево-желтых и оранжево-черных тонов. Наряду с этими изделиями, в которых ощущается прямая связь прикладного искусства с народным творчеством, такие изделия Ленинградского завода, как чайники «Русский букет» Э. М. Криммера, напоминающие по форме тракторные и расписанные кричаще-ярко и грубо, являются не чем иным, как попыткой возрождения давно осужденного псевдорусского стиля, не имеющего ничего общего с народным искусством.

Изделия, рожденные поисками новых форм и новых приемов росписи, близких народным традициям и тем не менее органически с ним не связанных, были также в экспозиции Дулевского завода (кувшин со стаканчиками «свадебный» А. Г. Сотникова и П. В. Леонова или наборы «Золотой олень», «Розовая птица» П. В. Леонова). На-

зойливо яркие краски и позолота, сплошь покрывающие фарфор, бесконечно далеки от яркого, но вместе с тем благородно строгого колорита народного искусства.

Среди изделий Дулевского завода, наряду с красивыми по форме и росписи, было много безвкусных, посредственных. Так, рядом с прекрасными работами В. К. Яснецова (ваза и тарелки «Ивушка», «Папоротник» и другие) чайный сервиз «Город-спутник» М. М. Шепелевой вызывал недоумение. Этот орнаментализированный городской пейзаж нельзя оценить как поиски нового. Лет 40 назад фарфор расписывали изображениями тракторов, домов, строительства. Возрождение этих не лучших традиций советского фарфора сейчас нецелесообразно.

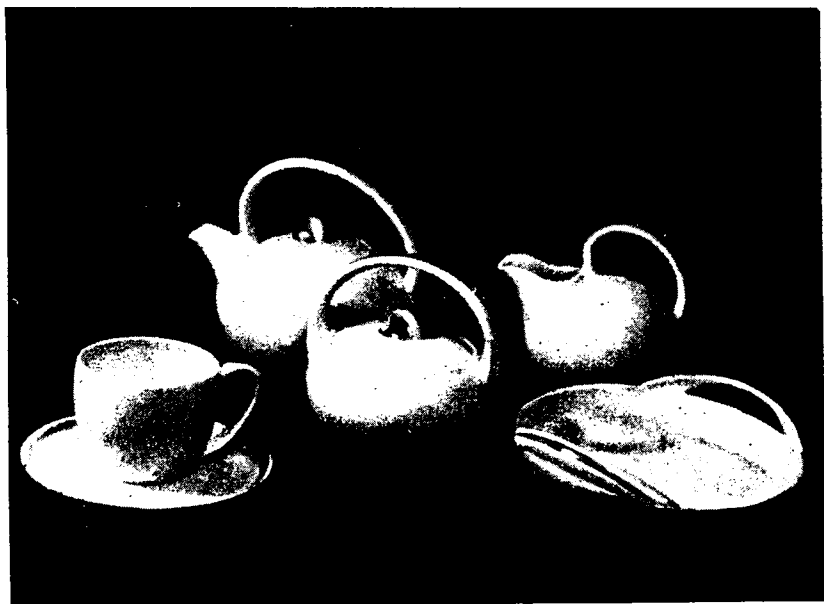

Рис. 3. Сервиз «Серпики». Е. П. Смирнов. Дмитровский завод «Вербилки»

Разнокачественные изделия представили художники и скульпторы Дмитровского завода. Например, наряду с хорошими работами скульптор С. И. Вайнштейн-Машурина демонстрировала уродливую скульптуру «Красная львица», М. Е. Пермяк — малохудожественную и малопригодную для использования вазу для цветов «Девница», и т. д.

Дулевский завод в ознаменование полета Ю. А. Гагарина в космос изготовил декоративное блюдо. Но роспись его (орнаментированные лозунги), характерная для первых послереволюционных лет, не отвечает современному уровню развития живописи по фарфору.

Среди новых образцов бытовой посуды интересны были кувшины О. М. Богдановой (Дулевский завод). «Черный кот», «Лиса», «Поросенок», у которых крышка выполнена в виде головы животного. Такое оформление кувшинов несколько не противоречит их утилитарному назначению.

Из остроумно и художественно декорированных бытовых предметов можно отметить масленку («Еж»), перечницу («Грибок»), салфеточное кольцо и подставку под яйцо («Петушок») Барановского завода (Житомирская область).

Формотворчество и поиски новых приемов росписи идут не только на ведущих заводах. Образцом новых удачных форм изделий являлся, например, чайный сервиз «Луковка» Б. Д. Быструшкина (завод «Красный фарфорист», г. Чудово Новгородской области).

Если в ряде случаев несовершенство изделий из фарфора обуславливалось несоответствием росписи форме предмета, то нередко это было вызвано также пренебрежением к фактуре фарфора, приданием изделиям из фарфора качеств, свойственных фаянсу и майолике (например, прибор для завтрака «Декоративный» В. М. Городецкого и А. А. Лепорской — Ленинградский завод). Тонкость и белизна фарфора — его благородные качества как материала, дающего возможность создания легких и изящных изделий, в подобных случаях не использовались художниками и скульпторами. Этот же недостаток обусловил незначительный успех фарфоровой скульптуры. Мелкая пластика в последнее время развивается медленно, и большинство изделий этой группы, близкое по форме к скульптуре из керамики, свидетельствует о застое в развитии фарфоровой скульптуры.

Рис. 4. Узбекские керамические сосуды: а. — Керамическая мастерская, г. Ташкент;
б. — У. Джуракулов, Мастерские художественной керамики Художественного
фонда СССР

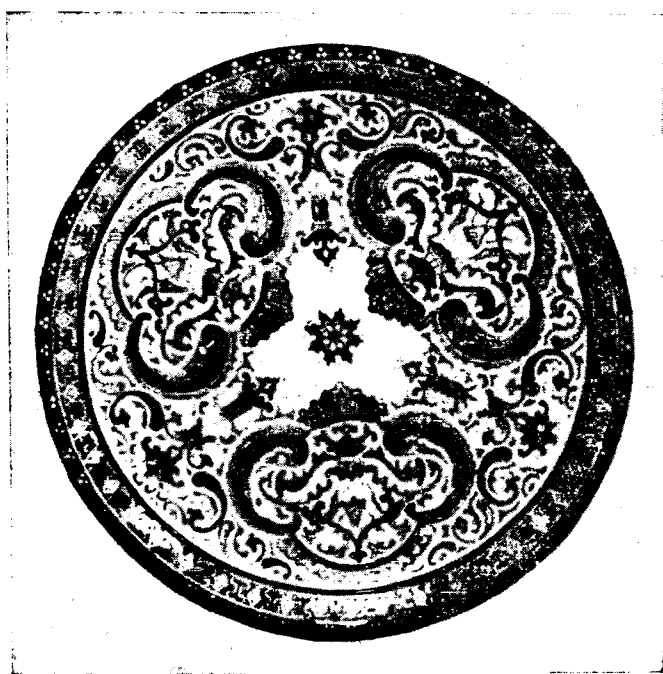

Рис. 5. Блюдо для плова. Керамика. К. Буранов. Силикатно-
керамический завод № 2, г. Ташкент

Массовость фарфора по сравнению со многими другими видами декоративных изделий увеличивает ответственность художников и скульпторов-фарфористов перед советскими трудящимися, эстетические протребности которых повседневно возрастают.

В эпоху расцвета русского фарфора (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) содружество Академии художеств с быв. Императорским заводом дало блестящие результаты. Всемирно-известный русский фарфор успешно соперничал с изделиями лучших заводов Запада. И сейчас привлечение крупнейших художников к работе в лабораториях и на заводах бесспорно явилось бы шагом вперед на пути развития советского фарфора.

Стремительно развивается за последние годы искусство художественной керамики, отличающейся необычайно широкими декоративными возможностями. Свойственная этому виду прикладного искусства обобщенность в трактовке формы создает плавность

Рис. 6. Декоративные вазочки. Керамические мастерские
Художественного фонда Молдавской ССР

линий художественных изделий, отвечающую стилю современного интерьера. Поэтому богатство и разнообразие керамики, представленной на выставке, было вполне закономерно.

Однако русскую керамику представляли лишь заводы и фабрики Ленинграда, Москвы и Конакова, украинскую — заводы Васильковский и Будянский, балхарская артель — дагестанскую, Тбилисская мастерская Академии художеств и Тбилисский кафельно-плиточный завод — грузинскую керамику. Остальные многочисленные центры производства художественной керамики, и то далеко не полностью, были представлены только авторскими работами. Не были, например, представлены изделия старинного центра русской художественной керамики — Гжели, многих керамических центров союзных республик.

Большинство изделий из фаянса, входивших в экспозицию керамики, отличалось новизной форм, использованием многочисленных технических приемов. Кофейные сервизы, приборы для завтрака, компота, вазы для цветов, хозяйственные мисочки отличались необычайным разнообразием.

Из новых форм, распространившихся в фаянсе и майолике в большей степени, чем в фарфоре и стекле, вызывали сомнения четырехугольные плоские тарелки и блюда, давно уже пропагандируемые журналом «Декоративное искусство», но тем не менее едва ли превосходящие веками отработанную форму круглых и углубленных тарелок и блюдечек.

Были и неудачные попытки создания новых форм на основе народных традиций. Такова, например, фаянсовая подставка для цветов и скульптуры О. В. Малышевой. Используя подглазурную роспись, рельеф и цветные глазури, О. В. Малышева создала по мотивам ярославских изразцов громоздкое сооружение, несоответствующее образцам малогабаритной мебели, представленными на выставке. Эта подставка не отвечала ни эстетическим, ни утилитарным требованиям.

В экспозиции керамики большое место занимала группа изделий, традиционных и по форме, и по технике исполнения: безупречная по пропорциям балхарская керамика со строгой росписью белым ангобом, лаконичные и в то же время богатые разнообразием скульптурных форм и орнамента грузинские сосуды, выполненные традиционной техникой (задымленная керамика, восстановительный обжиг), поражающая тонкостью и яркостью орнамента керамика Узбекистана (рис. 4—5), выразительная, яркая и веселая народная игрушка (вятская, молдавская, узбекская).

На обсуждении выставки поднимался вопрос о несоответствии этих изделий стилю современного декоративного убранства жилища. Соображения о необходимости отказа от их изготовления аргументировались консервативностью технологии их производства. Полемика по этому вопросу выходит за рамки настоящей статьи, хотя нельзя не отметить беспочвенность этих рассуждений. В девизе современного интерьера — целе-

сообразность и красота — нельзя примитивно понимать первую его часть — «целесообразность», как исключающую участие в нем традиционных народных художественных изделий. Прекрасный пример использования в быту народных декоративных изделий показала Выставка художественных промыслов РСФСР (август 1960 г.), где в интерьерах демонстрировались изделия кустарных промыслов. Вопрос же о красоте традиционных изделий не дискусионен. Формы и краски, выработанные опытом поколений, полны национального своеобразия и призваны воспитывать эстетические вкусы народа.

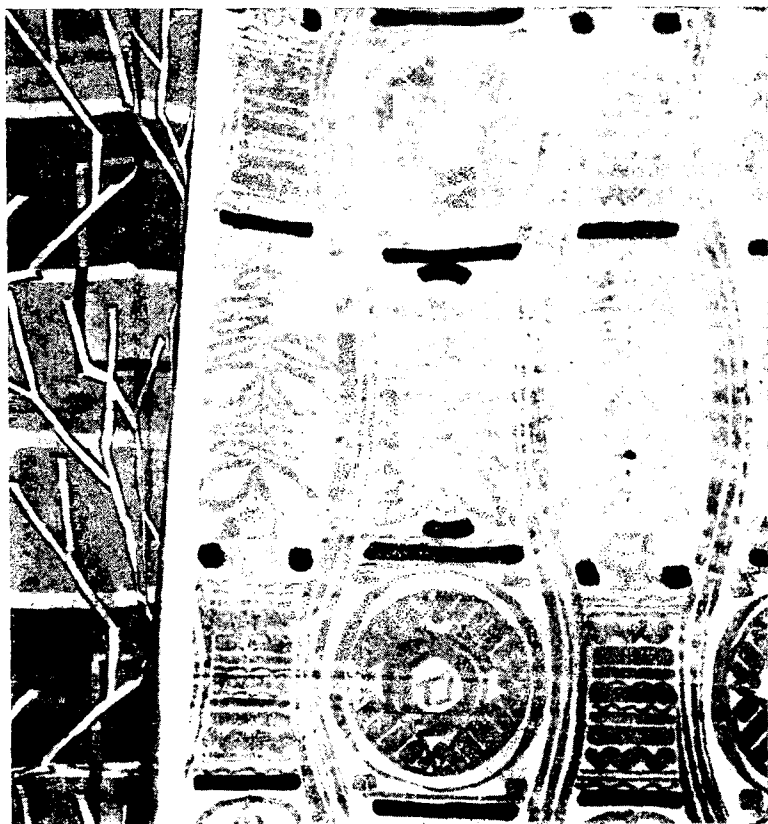

Рис. 7. Декоративная ткань «Русская набойка» О. Н. Чесноковой.
Сатин, фотопечать

В группе изделий, не связанных с народным искусством, были как удачные, так и безвкусные вещи. Удачны были некоторые декоративные блюда («Луна» — Л. А. Даугавите, «Фрукты» — О. Ю. Шихалиева) и отдельные напольные, настенные и парковые вазы, где варьировалась распространившаяся за последнее время каплевидная форма. Но надуманные формы многих изделий и абстрактная роспись некоторых из них явно свидетельствовали о том, что путь развития вне связи с художественными народными традициями опасен для прикладного искусства.

Современные по стилю изделия, в которых удачно использованы традиционные формы, краски, орнамент, показали украинские, прибалтийские и молдавские керамические мастерские (рис. 6). Таковы украинские куманцы, барыльця, фляги, мисочки, вазочки, декоративные тарелки желто-коричневых и зелено-белых тонов, нарядно-веселые и сдержанно-строгие, расписанные по мотивам народного орнамента. Техника и приемы их росписи близки современной болгарской керамике, что свидетельствует о сохранении издревле сложившейся общности искусства родственных народов. Среди изделий Прибалтики выделялись чаши для цветов, настенные вазы, изготовленные из каменной массы техникой кракле (охлаждением изделий после нагрева для получения паутинообразного рисунка из трещин глазури).

Модернистских изделий было не много. Такова, например, скульптура «Сидящая женщина» начинающего художника К. Жумгазина (керамика, глазури). Наличие

подобных изделий лишь подчеркивает необходимость внимательного изучения корней народного искусства, органического развития его форм, бережной и творческой переработки наследия, а не бездумного экспериментирования, приводящего к эклектике.

Декоративные ткани, ковры и вышивка были представлены в экспозиции значительно беднее, чем стекло, фарфор и керамика. Новые образцы декоративных тканей представили институты, училища и фабрики Москвы, Ленинграда, Иванова и ряда городов Прибалтики. Среди них были оригинальные образцы, в росписи которых хорошо использованы традиции русской набойки: декоративная ткань О. Н. Чесноковой

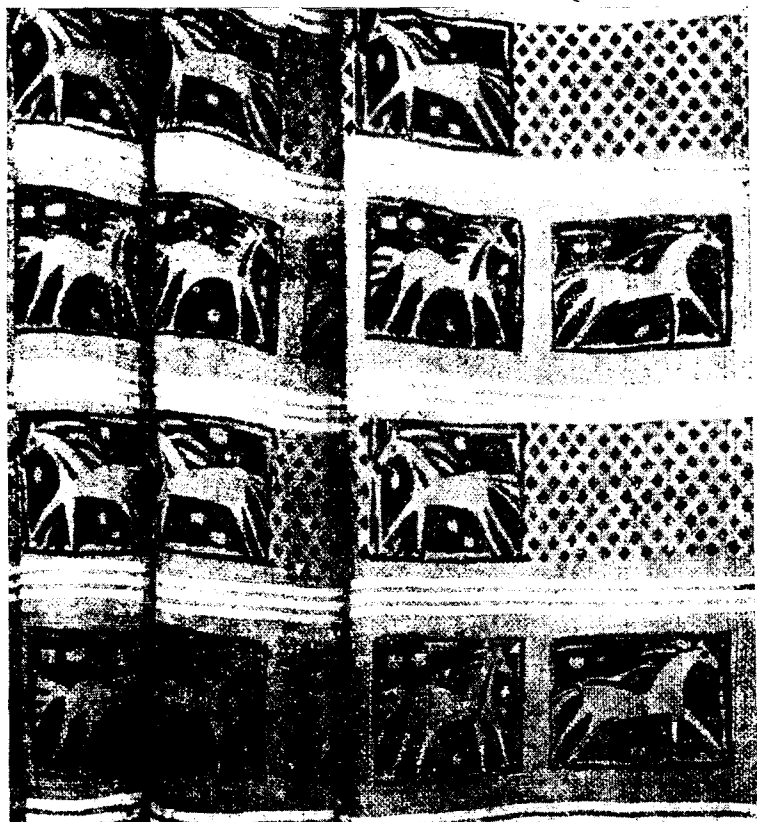

Рис. 8. Ткань для занавеса «Лошадки» С. А. Заславской. Цестроткань. набойка. Фабрика художественной росписи тканей № 9, Москва.

«Русская набойка» (сатин, фотопечать) (рис. 7), или льняная набивная ткань для занавеса на балкон С. А. Заславской «Лошадки» (рис. 8), а также образцы, рожденные поисками новых композиционных и колористических решений рисунка ткани, как, например, ткань «Охота» Л. А. Асковой. Образцы ремизного и переборного ткачества показала Сапожковская фабрика «Игла» (Рязанская область) и Череповецкая фабрика «Красный ткач» (Вологодская область). Яркие национальные ткани демонстрировали прибалтийские республики. Среди них были образцы ручного ткачества. Курские, тюменские, воронежские, башкирские и другие ковры были представлены далеко не лучшими образцами.

Художественных изделий из дерева было мало. Среди них лучшими были городецкие, хохломские и представленные Научно-исследовательским институтом художественной промышленности. Так, расписанные художницей З. А. Архиповой в стиле городецкой и хохломской росписи декоративные блюда и вазы отличались той простотой и выразительностью линий, тем точным подбором красок, которые характеризуют подлинно народное искусство (рис. 9).

Из изделий нового типа останавливали внимание подвесные кашпо Б. П. Гундобина (Рига) и изделия из прессованных опилок В. Ф. Куракина и Б. А. Смирнова (Ленинград).

Также мало было изделий из металла. Большая часть их была представлена Московским Высшим художественно-промышленным училищем, Таллинским художественно-производственным комбинатом и ленинградским заводом «Эмаль-посуда» № 1.

Изделия из пластмассы и осветительные приборы, экспонировавшиеся на выставке, свидетельствовали о том, что в этой отрасли прикладного искусства еще не найдены те формы, пропорции и тона окраски изделий, которые полностью отвечали бы современным эстетическим требованиям трудящихся.

Стенд ювелирных изделий выпадал из общего характера выставки. Непоследовательность в построении экспозиции, включившей группу изделий, входящих в состав костюма, на выставке, где костюм как таковой отсутствовал, сказалась и на качестве экспозиции этого раздела. Изделия были случайны и не давали представления о современном развитии ювелирного мастерства. Среди экспонатов выделялся эстонский

Рис. 9. Декоративное блюдо «Птица». Дерево. Городецкая роспись. Научно-исследовательский институт художественной промышленности

янтарь: бусы, браслеты, запонки, булавки, а также выполненные старинной техникой латунные чаши, декоративные тарелки, филигранные украшения. Подобно эстонским изделиям, привлекали внимание серебряные грузинские броши (гравировка и чернь). В прямоугольник с заоваленными краями — распространяющаяся ныне форма броши — заключены изображения пастуха со стадом около дома, каравана верблюдов, проходящего около крепости и т. д.

Однако лишь самое незначительное число центров ювелирного производства и только некоторые из республик экспонировали свои изделия на выставке, что обеднило экспозицию ювелирных изделий. Достаточно сказать, что отсутствовали изделия Бурятской, Татарской и Дагестанской республик, великоустюжских, ростовских, красносельских ювелиров и т. д.

Загорские художественные мастерские экспонировали оригинальные бусы из лиственных пород деревьев. Дешевые и прочные, приятные по легкости и теплу материала, они, очевидно, войдут в быт.

Многие изделия старинного центра художественной обработки камня — Свердловской ювелирно-гранильной фабрики — отличались новизной форм: овальные плоские кулоны из моховика и желто-коричневого агата, круглые из зеленого нефрита и прямоугольные из дымчатого кварца серьги с жемчужными подвесками.

Удачны были образцы Ленинградской научно-исследовательской лаборатории камней-самоцветов (гарнитур: кольцо, брошь и серьги из малахита, где плоскость камня ограничена одной и той же ломаной линией на пластинках из серебра, или туалетный лоточек «Пенек» из лилового агата с белыми прожилками, воспроизводящий кольца на срезе дерева).

Из дешевых и изящных украшений интересны фаянсовые бусы с цветной поливой художницы О. В. Малышевой. Красно-желтые, сине-белые неправильной формы с

уплощениями, украшенными рельефной звездочкой, они могут хорошо сочетаться с летними открытыми ситцевыми платьями, широко вошедшими в быт за последние годы.

Оформление выставки с использованием витрин нового типа, отвечающих стилю экспонировавшейся мебели, соответствовало общему направлению выставки.

К недостаткам организации выставки следует отнести перегруженность витрин экспонатами и небрежный этикетаж. Каталог выставки не был исчерпывающим, а продававшиеся изделия не могли служить сувенирами, так как принадлежали к старым образцам, не отражавшим экспозицию.

При всех недочетах выставка явилась крупным событием в жизни советского прикладного искусства и значение ее как пролога к систематическим смотрам новых образцов изделий художественной промышленности огромно. Выставка продемонстрировала современный этап формирования стиля советского прикладного искусства.

В организации выставки еще раз проявилась неустанная забота партии и правительства о быте трудящихся, о том, чтобы они не только хорошо трудились и отдыхали, но и красиво жили.

С. Б. Рождественская

НОВЫЕ НАХОДКИ В ДРЕВНЕБЕРИНГОМОРСКОМ МОГИЛЬНИКЕ В УЭЛЕНЕ

Раскопки Уэленского могильника, проводимые с 1957 г. Чукотским отрядом Северной экспедиции Института этнографии АН СССР, уже неоднократно освещались в печати¹. Этот единственный из открытых пока на Азиатском материке древнеэскимосский могильник уже дал в 1957—1959 гг. ряд новых материалов для изучения истории древних эскимосских культур. Достаточно упомянуть хотя бы находку железного резца в этом неолитическом по своему облику памятнике, уникальные антропоморфные фигурки, находку в одной могиле разных типов гарпунов, ранее считавшихся отделенными друг от друга рядом веков.

Не менее интересны находки полевого сезона 1960 г., сосредоточенные в одном погребальном комплексе. Этот комплекс состоит из трех одинаково ориентированных и лежащих друг над другом погребений А, Б, В. Многослойные перекрытия погребений и ранее были обнаружены в Уэленском могильнике, но в данном случае мы имеем дело с комплексом, где могилы объединены общей каменной кладкой, но не менее четко разграничены. Так, нижнее погребение В отделено от лежащего выше погребения Б не только толстым слоем земли (до 0,50 м), но и деревянным перекрытием; погребение Б отделено от нижних слоев подстилкой из дерева, лежащей на специально положенных сланцевых плитках. Расстояние между погребениями А и Б не так велико, как между Б и В (всего 0,10 м), но и их нельзя считать парным захоронением, так как они тоже разграничены слоем земли и деревянной прокладкой (рис. 1). Судя по инвентарю, сопровождающему покойников, оба эти погребения, очевидно, были мужскими. В верхнем погребении А обнаружен комплекс предметов морского зверобойного промысла и охоты, а в погребении Б представлены и такие предметы, как наконечник стрелы, обломок древка стрелы, мужской нож.

Устройство нижнего погребения В представляет особый интерес. Оно ограничено кладкой овальной формы, состоящей из крупных камней. Глубина залегания от поверхности верхней точки кладки — 0,10 м, нижней — 1,05 м. Скелет ориентирован на восток — юго-восток. Глубина залегания черепа — 0,85 м, ног — 0,75 м. Как уже указывалось, над этим погребением найдены следы деревянного перекрытия, отделенного слоем земли от погребения Б. Под костяком погребения В обнаружено большое количество разложившейся шкуры белого медведя² и ветвей кустарника; последний был

¹ М. Левин, Работы на Чукотке в 1957 г., «Сов. этнография», 1958, № 6; Д. Сергеев, Первые древнеберингоморские погребения на Чукотке, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XXXI; М. Г. Левин, Древнеберингоморский могильник в Уэлене. (Предварительное сообщение о раскопках в 1958 г.), «Сов. этнография», 1960, № 1; М. Г. Левин, Д. А. Сергеев, Древнеберингоморский могильник в Уэлене, «Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. (Тезисы докладов)», Иркутск, 1960; М. Г. Левин, Д. А. Сергеев, К вопросу о времени проникновения железа в Арктику. (Первая находка железного орудия в памятнике древнеберингоморской культуры), «Сов. этнография», 1960, № 3.

² В 1957 г. в погребении № 10—11 также был найден мех, остатки которого хорошо прослеживались по всей длине могилы (см.: М. Левин, Работы на Чукотке в 1957 г., стр. 131).

подостлан под шкуру и лежал почти на уровне базы кладки³, которая была специально сооружена для погребения В. Со временем наносные отложения в виде земли, песка и мелких камней в значительной степени засыпали камни кладки и деревянный настил над погребением В. В кладке образовался дерновый слой; на него впоследствии, может быть спустя несколько веков, были положены сланцевые плитки, деревянная подстилка и погребен еще один покойник (погребение Б). Наносные отложения опять образовали дерновый слой, закрывший в некоторых местах камни кладки. На их место было положено несколько небольших камней, обновивших кладку, в которую вновь был положен еще один покойник (погребение А). Таким образом, стратиграфия показывает, что в данном случае мы имеем дело с тремя различными по времени могилами, объединенными общей кладкой.

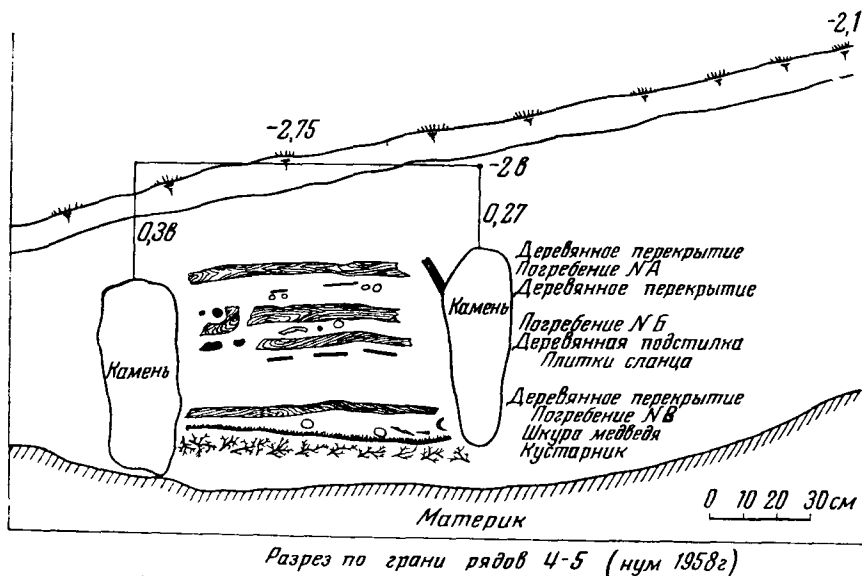
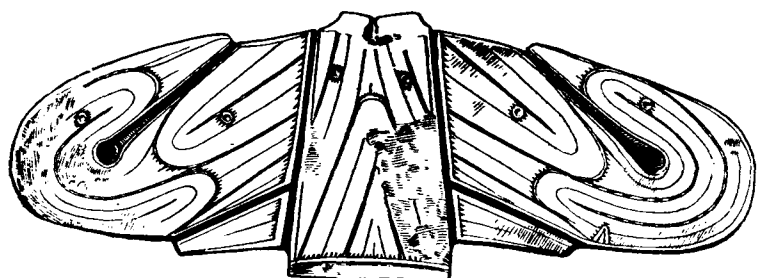

Рис. 1. Поперечный разрез тройного захоронения

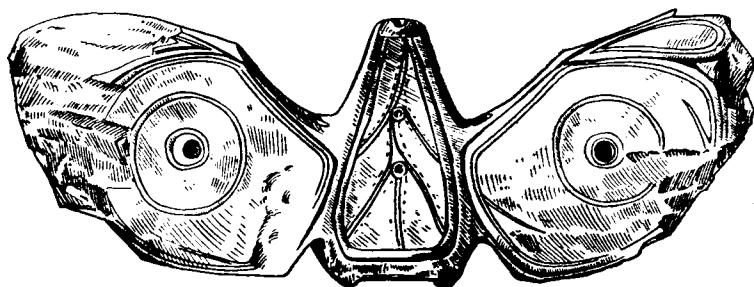
Указанные выше соображения о том, что все погребения совершались через значительные промежутки времени, подтверждаются и найденным в них инвентарем. Так, в нижнем погребении В обнаружен «крылатый предмет» широко представленного в древнеберингоморской культуре типа, с классическим древнеберингоморским орнаментом (рис. 2, а).

В верхнем погребении А также был найден «крылатый предмет» (рис. 2, б). Его форма отличается явной деградацией, а орнамент приобрел черты, близкие к пунукскому времени с типичными углублениями в центре окружности. Характерна для древнеберингоморья и головка древка гарпуна из погребения В, в то время как головка древка гарпуна более позднего времени из погребения А не только очень проста по конструкции, но даже и не орнаментирована. Правда, в погребении А наряду с наконечником поворотного гарпуна, также явно позднего типа (рис. 3, а) был найден типичный древнеберингоморский наконечник поворотного гарпуна (рис. 3, б) с орнаментом, идентичным по стилю орнаменту «крылатого предмета» из погребения В. Однако кажущиеся противоречия могут быть объяснены при привлечении этнографических материалов. В том же 1960 г. Д. А. Сергееву удалось установить, что эскимосы пос. Сиреник и Наукан пользовались найденными пунукскими поворотными гарпунами на кита, вынимая из них каменные концевые копыца и вставляя на их место желез-

³ Ветви этого кустарника до недавнего времени использовались местным населением для утепления полога; их подстилали под моржовую шкуру, служившую полом в пологе. Что касается медвежьей шкуры, то она явно была постелью погребенного, на которой его и похоронили. (В настоящее время покойника кладут на новую оленью постель, но эту шкуру уже не несут на кладбище, а после похорон дарят кому-нибудь из родственников или наиболее близких друзей.) Этнографические данные свидетельствуют о том, что еще сравнительно недавно, в XVII—XVIII вв., эскимосское население побережья Берингова пролива для постелей и шитья пологов использовало шкуру белого медведя, лишь позже замененную оленьей.

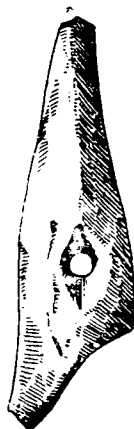

а

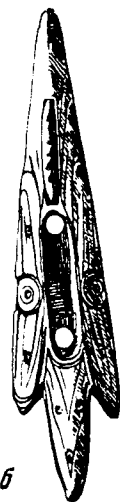

б

Рис. 2. а — крылатый предмет из погребения В; б — крылатый предмет из погребения А ($\frac{3}{5}$ натуральной величины)

а

б

Рис. 3. Гарпуны из погребения А: а — поздний тип; б — древнеберинго-морский тип ($\frac{2}{3}$ натуральной величины)

ные лезвия. Естественно, что и в более ранние эпохи случайно найденные древние наконечники поворотных гарпунов могли быть использованы. Это подтверждается тем фактом, что цвет моржового клыка, из которого сделан наконечник поворотного гарпуна древнеберингоморского типа, обнаруженного в погребении А, значительно темнее, чем другой наконечник поворотного гарпуна и остальные поделки из того же материала, найденные в числе инвентаря погребения А. Таким образом, наличие в погребении А наконечника гарпуна древнеберингоморского типа не говорит о большой древности данного погребения, а лишь указывает на его генетическую связь с более древними культурами.

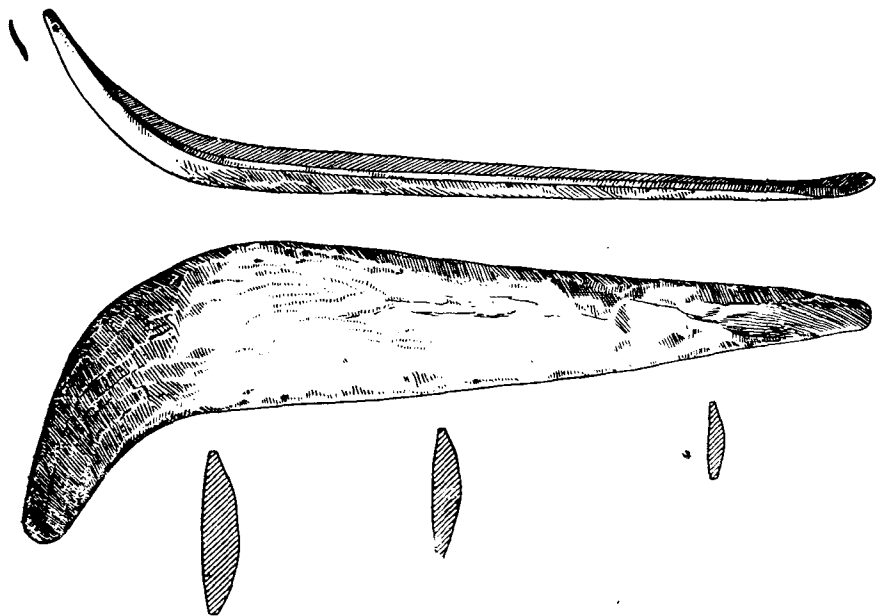
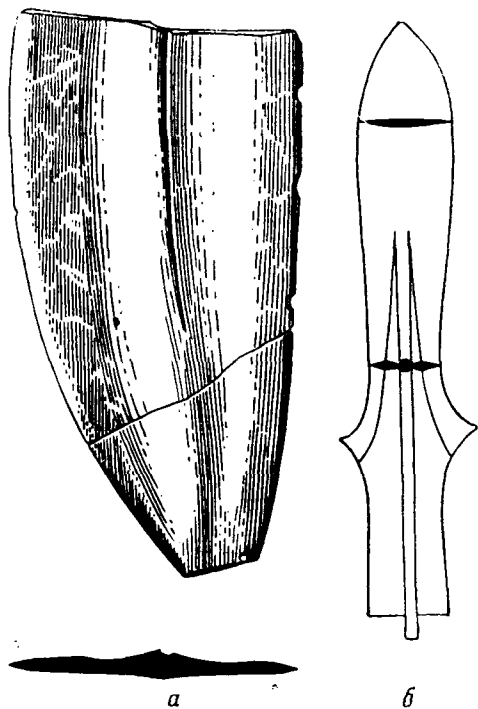

Рис. 4. Бумеранговидная пластина из погребения В
($1/6$ натуральной величины)

Выше уже говорилось о некоторых предметах погребения В. Не меньшего внимания заслуживает и остальной его инвентарь. Благодаря наличию в кладке погребения линзы многолетней мерзлоты здесь впервые полностью сохранились деревянные предметы, тогда как в других погребениях дерево прослеживается лишь в истлевшем виде и в виде текстуры, сохранившейся в перегною. В погребении В найдена деревянная рукоять гатки — разновидности тесла, очень тщательно моделированная и близкая по форме к современным. Рядом с ней был найден другой деревянный предмет (рукоять или древко), имеющий по бокам два паза, назначение которого нам пока неясно. Оба эти предмета лежали в погребении на третьем крупном деревянном предмете (рис. 4). Это — деревянная пластина искривленной формы, внешне напоминающая бумеранг, с той разницей, что плечи ее не равновелики, а толщина несколько больше, чем это обычно свойственно бумерангу. По размерам же пластина совпадает с наиболее распространенными типами этого метательного оружия. Пластина сделана из специально подобранного искривленного куска дерева. Искривленность волокон изначально была присуща дереву и не может объясняться тем, что пластина покоребилась позднее, до помещения в могилу или после этого, так как, во-первых, на поверхности пластины можно проследить прямые срезы — стесы, сделанные при ее обработке и не потерявшие своей конфигурации, а, во-вторых, лежавшие рядом рукоятка гатки и древко несколько не покореблены. В сечении пластина имеет обтекаемую форму, близкую к сечению самолетного крыла. Длинное плечо ее имеет на конце стес, очень удобный для захватывания правой рукой, если держать пластину как обычный бумеранг перед метанием. Может быть, не будет слишком смелым предположить, что мы имеем здесь дело с метательной палицей. Такое предположение тем более обосновано, что и в наши дни среди чукчей и юкагиров низовья Колымы бытует сходное орудие — посох-бумеранг (по-чукотски «тынвычгин»), в наши дни употребляемый преимущественно при пастбе оленей, но иногда и при охоте на куропаток, гусей и уток⁴.

⁴ См.: И. С. Гурвич. Метательное орудие на Колыме, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XVIII, стр. 47—49.

В числе каменного инвентаря особо следует отметить большой сланцевый нож (рис. 5, а), к сожалению расколотый и сохранившийся не полностью. В отличие от всех ранее найденных в Уэленском могильнике каменных ножей он имеет сложную конфигурацию сечения. Утолщенный по краям нож с обеих сторон к середине утончается, но по средней его линии вновь проходит утолщенный валик, еще более усложненный сделанным вдоль него на значительной части протяжения пропилом. Такое сечение лезвия представляется бессмысленным для каменного орудия и даже вредным для его прочности. Однако оно может быть легко объяснено, если предположить, что

это — каменная имитация металлического орудия, скорее всего литого бронзового меча. Нами ранее указывалось на факт проникновения металла (железа) в древнее берингоморье; тогда же нами были сделаны и предположения о возможных путях этого проникновения, а именно — с Амура. Параллели данному каменному ножу мы также можем искать почти в том же районе, среди медных и бронзовых мечей и кинжалов, распространенных в Корее, Японии и Китае в конце I тысячелетия до н. э. и в первых веках нашей эры. Как видно на прилагаемом рисунке (рис. 5, б), сечение такого металлического оружия довольно близко по своей форме к сечению ножа, найденного в погребении В.

В этой связи интересно отметить, что медь по-эскимосски называется «хануя», а по-японски металл вообще и медь в особенности обозначаются словом «канэ».

Костяной инвентарь погребения В типичен для древнеберингоморских захоронений. «Крылатый предмет», орнаментированная пластинка из моржового клыка, а также другие предметы имеют многочисленные параллели с инвентарем из других погребений древнеберингоморской культуры. Нельзя этого сказать лишь об одном костяном орудии, которое в Уэленском могильнике встречено нами впервые, — выбивале из моржового клыка⁵.

Кроме описанного в настоящем сообщении комплекса погребений, в 1960 г. удалось обнаружить еще два погребения, не представляющих особого интереса. Общая площадь, вскрытая в этом году, составила 185 м². Отсутствие захоронений на участках, окружающих ранее раскопанную площадь,

а также рельеф местности дают основания думать, что вряд ли можно ожидать открытия значительного количества новых захоронений на территории, прилегающей к раскопанному в 1957—1960 гг. могильнику.

С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев

⁵ Обычно подобные орудия, предназначенные для выбивания кристаллов снега из меховой одежды, сделаны из оленьего рога.

ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА АФРИКИ АН СССР

Опубликованная в журнале «Советская этнография» (№ 6, 1960 г.) статья А. С. Орловой «О месте и роли традиционных властей африканского общества в прошлом и настоящем» вызвала оживленное обсуждение на очередном заседании Ученого совета Института Африки АН СССР.

Во вступительном слове А. С. Орлова подчеркнула, что она ставила себе целью показать, что феодальный и патриархально-феодальный уклады развились в африканском обществе задолго до колонизации и что колониальные власти опирались в своей политике на сложившиеся в африканском обществе отношения. Народы Тропической Африки шли теми же путями, что и другие народы мира. Не существует особого африканского пути, исторического развития. Детального обсуждения требуют поднятые в

статье вопросы о работорговле и ее роли в судьбах народов Африки и о роли вождей-чиновников во французских колониях как носителей феодального уклада.

В. Я. Кацман отметил большой теоретический и практический интерес статьи А. С. Орловой. Наиболее спорным, по его мнению, является вопрос о развитии феодальных отношений в тех политических образованиях, которые возникли до прихода европейцев. Подобное утверждение верно в отношении районов Северной Нигерии, Бенина, государства Ашанти, Уганды, Западного Судана. В других же, указанных А. С. Орловой областях, где наблюдались зачатки государственности, не обязательно возникало феодальное общество. В. Я. Кацман не согласился с утверждением автора статьи, что в этих районах племя как форма политической и общественной организации исчезло. Особенностью Африки является сохранение многих форм и обычаев первобытно-общинного строя, что связано с воздействием внешних сил, а также со спецификой внутреннего развития Африки. Племя как объединение общин, имеющих общего предка и общую религию и подчиненных одному или нескольким вождям, сохранилось в Африке даже в зонах образования феодальных государств. В. Я. Кацман не согласился также с утверждением А. С. Орловой, что термин «chief» или «chef» (вождь племени) был введен из-за стремления колонизаторов оживить пережитки родоплеменных отношений. Сохранение в ряде районов Африки именно вождя племени, отметил В. Я. Кацман, характерно для Африки. Говоря об особенностях развития классовых отношений в Африке, В. Я. Кацман высказал интересную мысль о своеобразии организации сельской общины в Африке и о влиянии этого фактора на процессы общественного развития.

Наиболее интересны в статье описание и анализ положения вождей после империалистического раздела Африки. Превращение кантональных вождей, назначаемых французскими властями, в феодалов — процесс, который наблюдается и в Восточной Африке. В заключение В. Я. Кацман подчеркнул, что тезис автора об антифеодальном характере происходящей в Африке революции очень важен, хотя и не универсален. Есть целый ряд стран, получивших независимость, где вопрос о борьбе с феодалами не стоит.

Е. А. Берков в своем выступлении полемизировал с утверждением В. Я. Кацмана, что при установлении двух систем колониального управления не было первоначального уничтожения колонизаторами института традиционных вождей. Ломка этого института, указал Е. А. Берков, произошла на первом этапе колонизации и уже потом развитие борьбы за национальное освобождение заставило колонизаторов в одном случае воссоздать этот институт, а в другом — превратить вождей в вождей-чиновников. Е. А. Берков поднял также вопрос о причинах применения английскими и французскими империалистами различных методов колониального управления. По его мнению, ответ на этот вопрос нужно искать в различии общественного строя покоренных империалистами народов. В заключение Е. А. Берков подчеркнул необходимость кооперирования работы советских ученых разных специальностей при разрешении вопросов общественного строя африканских народов.

Выступление Б. И. Шаревской было посвящено вопросу о племени как политической и общественной организации народов Африки. Возражая А. С. Орловой, которая преуменьшает роль родоплеменной организации в жизни народов Африки, Б. И. Шаревская указала, что наиболее яркие формы, характеризующие патриархальный род, мы находим как раз в Африке. В подтверждение своей мысли Б. И. Шаревская сослалась на общественную организацию племен гереро (Юго-Западная Африка) и азанде (Центральная Африка).

Во главе отдельных общин гереро стоит местный начальник с советом стариков. Несколько таких поселений подчиняются общему верховному вождю. Рядом с ним стоит совет стариков. Никаких следов деспотического господства клановых вождей у гереро нет. Власть и авторитет совета старейшин у гереро не меньше власти и авторитета вождя. Эти данные, подчеркнула Б. И. Шаревская, относятся к 1890—1900 годам. Общество азанде, как его описывает Юнкер, представляет, по мнению Б. И. Шаревской, пример военной демократии, а не феодального общества, как считают некоторые исследователи. В заключение Б. И. Шаревская особо подчеркнула, что все эти патриархальные общества стоят на грани классового общества и во всех этих обществах существует патриархальное рабство.

Н. И. Высоцкая также отметила, что удельный вес первобытно-общинного строя в Африке больше, чем считает А. С. Орлова. Свой тезис о том, что основным фактором, который влиял на роль и место традиционных африканских властей вплоть до 2-ой мировой войны, был уровень, которого достигли те или иные страны к моменту колонизации, Н. И. Высоцкая доказывала на примере общественной организации этнических групп фанг и мери (Габон), батек и баконго (Конго).

П. И. Куприянов затронул в своем выступлении две основные проблемы: о характере общественных отношений у современных народов Африки и о роли вождей в африканском обществе. Он считает, что А. С. Орлова сильно преувеличила развитие феодальных отношений у африканских народов как в прошлом, так и в настоящем. 90% африканского населения и сейчас занято в сельском хозяйстве, основным орудием здесь является мотыга, т. е. орудие производства, характерное для первобытно-общинного или рабовладельческого способа хозяйства, а не феодального. В области произ-

водственных отношений в африканской деревне экономической основой является сельская община, земля у всех африканских народов до сих пор является общинной собственностью, хотя существуют и элементы частной собственности. Между тем, основой феодализма является собственность феодала на землю. П. И. Куприянов отметил, что в статье А. С. Орловой преувеличена предательская роль вождей, и подчеркнул, что в этом вопросе нужен дифференцированный подход к различным явлениям.

И. А. Сванидзе выступил в защиту тезиса А. С. Орловой о значительной феодализации африканского общества до колонизации и в настоящее время. В поддержку этого тезиса он привел пример основных народов Северной Родезии — баротсе, тонга, нгони и бемба. У баротсе, по мнению И. А. Сванидзе, до колонизации было ярко выраженное развитое феодальное общество и государственность с очень сложной феодальной иерархией. Общество нгони И. А. Сванидзе характеризовал как феодально-патриархальное или ранне-феодальное. У тонга феодальные отношения были бы более развиты, если бы не внешние факторы — военные нападения более сильных соседей.

М. В. Райт подробно остановился на проблеме существования рабовладельческой формации у народов Африки. Она считает, что рабовладельческая формация в странах Тропической Африки так и не сложилась. Даже такие развитые древние государства, как Аксум и Сонган, не были рабовладельческими. В этих государствах существовал рабовладельческий уклад наряду с феодальным укладом и последний, по мнению М. В. Райт, развивался в феодальную формацию. Согласившись с утверждением, что родоплеменная структура в большей части Африки еще сохраняется, М. В. Райт подчеркнула, что весь вопрос в том, какие общественные отношения скрываются за этой структурой, и отметила, что в ряде случаев это патриархально-феодальные, в других — типично феодальные, а в некоторых странах — и зачатки капиталистических отношений.

Тов. Айзенштейн затронул в своем выступлении вопрос о причинах существования двух систем управления — косвенного и прямого. Он связал те или иные формы колониального управления в отдельных районах Африки со стремлением империализма укрепить свою социальную базу и закрепить раскол трудящихся по расовому признаку в тех странах, где имеется значительное по численности население европейского происхождения.

С. Р. Смирнов, присоединившись к высокой оценке статьи А. С. Орловой, данной предыдущими ораторами, отметил, что в своей статье А. С. Орлова полностью исключила из рассмотрения государства Нила — Дарфур, Кордофан и ряд государств Западного Судана. Чтобы правильно понять пути исторического развития народов Африки в целом, надо рассматривать все государственные образования, возникшие на этом континенте. С. Р. Смирнов подчеркнул также, что едва ли можно с полной определенностью относить все области государственности, указанные А. С. Орловой, к сфере развития феодальных отношений.

В своем выступлении директор Института И. И. Потехин подчеркнул, что проблема африканского феодализма — одна из наиболее сложных и вместе с тем наиболее актуальных. Она является ключом к пониманию всей африканской истории до эпохи колонизации. С другой стороны, решение этой проблемы имеет большое политическое значение. Мы не в состоянии что-либо сказать о путях решения аграрного вопроса в странах Африки, недавно освободившихся от колониального гнета, пока не разберемся в поземельных отношениях, существующих в этих странах. А вопрос о поземельных отношениях тесно связан в настоящее время с особенностями африканского феодализма. Сложность исследования проблемы генезиса африканского феодализма состоит в том, что в Тропической Африке феодальные отношения возникли в результате разложения первобытно-общинного строя и патриархального рабства. Задача заключается в том, чтобы найти те объективные показатели, которые позволят сказать, где кончается первобытно-общинный строй и где начинается феодализм. В этой связи И. И. Потехин остановился на экономическом моменте, который, по его мнению, играл большую роль в переходе от первобытно-общинного строя к феодализму — на возможности превращения одной натуральной формы богатства в другую или в другие формы. Такая возможность появляется, по его мнению, когда ремесло отделяется от земледелия, когда начинает развиваться торговля между отдельными племенами и народами и возникают городские центры. Отвлекаясь от этих явлений, подчеркнул И. И. Потехин, очень трудно понять переход от первобытно-общинного строя к феодализму.

Касаясь непосредственно обсуждаемой статьи, И. И. Потехин отметил, что А. С. Орлова сосредоточила все свое внимание на надстройке и пришла к переоценке степени развития феодальных отношений в Африке.

Подводя итоги дискуссии, И. И. Потехин отметил, что дискуссия носила чрезвычайно интересный и полезный характер. Она показала наличие различных точек зрения на проблемы развития народов Африки и необходимость дальнейшего углубленного изучения советскими специалистами общественных отношений в современной Африке.

А. В. Никифоров

СОВЕЩАНИЕ ПО ФОЛЬКЛОРУ НАРОДНОСТЕЙ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

С 30 мая по 3 июня 1961 г. в Ленинграде состоялось первое совещание по фольклору народностей Крайнего Севера, организованное координационной комиссией по народному творчеству при Отделении языка и литературы АН СССР совместно с кафедрой языков народов Крайнего Севера Ленинградского гос. педагогического ин-та им. Герцена (ЛГПИ). В совещании приняли участие члены кафедры языков народов Севера и кафедры истории народов СССР ЛГПИ, научные сотрудники ряда институтов АН СССР: Ин-та русской литературы, Ин-та языкознания (ИЯЗ АН СССР), Ин-та этнографии (ИЭ АН СССР), Гос. музея этнографии народов СССР (ГМЭ), Петрозаводского, Дальневосточного, Магаданского филиалов АН СССР, педагогических институтов Петрозаводска и Улан-Удэ. Активное участие в работе совещания приняли также работники домов народного творчества Магаданской области, Ненецкого и Ямало-Ненецкого национальных округов.

Открыла совещание председатель организационной комиссии по созыву совещания В. И. Цинциус. Ректор Ленинградского гос. педагогического ин-та им. Герцена А. И. Шербаков вкратце охарактеризовал достижения в области культурного строительства на Севере, отметил, что кафедра языков народов Крайнего Севера ЛГПИ уделяет серьезное внимание вопросам изучения и преподавания устного народного творчества северных народностей и пожелал успеха в работе совещания.

Зав. сектором народного творчества Института русской литературы в Ленинграде Б. Н. Путилов выступил с докладом «О современных проблемах фольклористики». С приветственным словом к участникам совещания обратился В. Е. Гусев, зам. председателя координационной комиссии по народному творчеству при Отделении литературы и языка АН СССР.

Участники совещания заслушали и обсудили около 50 докладов и сообщений.

Два заседания были посвящены вопросам собирания, изучения и публикации фольклора угро-самодийских народностей. С докладами и сообщениями выступили З. Н. Куприянова (ЛГПИ), Н. И. Терешкин (ИЯЗ), Е. И. Ромбандеева (ИЯЗ), М. П. Баландина (ЛГПИ), В. В. Сенкевич (г. Петрозаводск). Интересный доклад «Фольклорные мотивы в современной мансийской поэзии» прочитал мансийский поэт И. А. Шесталов.

Большое место заняли на совещании доклады и сообщения, посвященные фольклору тунгусо-маньчжурских народностей. Основной доклад «Вопросы собирания, изучения и публикации фольклора тунгусо-маньчжурских народностей» сделал М. Г. Воскобойников (ЛГПИ). С докладами и сообщениями о фольклоре эвенов, негидальцев, орочей, ульчей, ороков, нанайцев, эвенов выступили научные сотрудники институтов и музеев: Е. П. Лебедева (ИЯЗ), К. А. Новикова (ИЯЗ), Т. И. Петрова (Ленинград), А. В. Смоляк (ИЭ АН), М. А. Каплан (ГМЭ), Н. И. Гладкова (ГМЭ), Г. М. Василевич (ИЭ АН), Л. И. Сем (Дальневосточный филиал АН СССР). Доклады и сообщения о фольклоре палеоазиатских народностей — чукчей, эскимосов, нивхов — сделали научные сотрудники Л. В. Беликов (ЛГПИ), Г. А. Меньщиков (ИЯЗ), Е. С. Рубцова (Ленинград), В. Н. Савельева (ЛГПИ), Ч. М. Таксами (ИЭ АН), Е. А. Крейнкович (ИЯЗ).

Е. В. Баранникова (Бурятский пединститут) сообщила о песенном творчестве бурятского народа в период Великой Отечественной войны.

И. С. Вдовин (ИЭ АН) показал в своем докладе значение фольклора при изучении истории и этнографии малых народов Севера, в частности чукчей и коряков. Доклад В. А. Аврорина (ИЯЗ) и сообщение О. П. Суника (ИЯЗ) были посвящены фольклору как источнику изучения языков малых народов Севера. Н. Н. Степанов (ЛГПИ) в большом докладе на многочисленных примерах показал важную роль фольклора народов Севера как исторического источника. С интересным докладом «По следам Богораза» (об устном народном творчестве старожильческого населения Колымы) выступила Е. А. Селюкова.

Значительное место в работе совещания заняли выступления местных работников — директоров Ненецкого и Ямало-Ненецкого окружных домов народного творчества.

Очень содержательным было сообщение старшего методиста Магаданского дома народного творчества В. И. Португалова. Дом народного творчества был открыт в Магадане в 1955 г. С помощью работников этого Дома из учащихся педучилищ Анадыря был создан чукотско-эскимосский ансамбль, с большим успехом выступивший в Москве на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов. После фестиваля ансамбль по предложению Оргкомитета участвовал в 15 международных концертах. Деятельность Магаданского дома народного творчества по пропаганде и развитию национального искусства среди коренного населения Магаданской области заслуживает самого пристального внимания и одобрения. За последние годы он провел очень важную работу не только по собиранию образцов фольклора чукчей и эскимосов, но издал ряд фольклорных материалов, которые рекомендуются для художественной самодельности в местных клубах на Чукотке. Собрания чукотских и эскимосских песен вошли в сборники «Сорок лет ВЛКСМ» (Магадан, 1958), «На клубной сцене» (12 выпусков, 1959—1961 гг.), «Песни народов Севера» на чукотском языке, с нотными записями (Магадан, 1960 г.). В 1960 г. в Магадане были опубликованы работы Л. Ти-

машевой «Танцы народов Севера» и два сборника песен самодеятельных композиторов. В сборник «Поем о Чукотке» (Магадан, 1959 г., на чукотском языке) вошли стихотворения 17 поэтов — чукчей и эскимосов. Произведения фольклора и современной чукотской поэзии печатаются в альманахе «На Севере Дальнем», в журнале «Юность». В настоящее время работники Дома народного творчества готовят к изданию два сборника чукотских сказок.

При внимательном изучении у чукчей и эскимосов обнаруживается богатая песенная мелодика; особенно напевны и выразительны индивидуальные песни. Ныне чукчи и эскимосы создают новые песни, новые танцы на базе старых, национальных, но с новым содержанием.

Большой интерес вызвало сообщение ленинградского композитора Г. М. Пайкина, первого специалиста-собираателя песенного и музыкального фольклора малых народностей Севера, до сих пор специалистами не изученного. Систематическая работа в этой области может открыть новые горизонты. При определении специалистами основных особенностей музыкального фольклора палеоазиатских, тунгусо-маньчжурских, самодийских и других групп и отдельных народностей эта область творчества может в дальнейшем использоваться не только музыковедами, но и этнографами и историками. Работу Г. М. Пайкина должны поддержать широкие круги фольклористов, этнографов, историков.

Для участников совещания были продемонстрированы магнитофонные записи найского фольклора, собранные сотрудником С. Н. Оненко (ИЯЗ), эвенского (собраны К. А. Новиковой) и эвенкийского (собраны М. Г. Воскобойниковым).

В выступлениях большинства участников совещания выражалась тревога по поводу свертывания в последние годы фольклорной работы во многих районах Севера, отмечалась слабая подготовка кадров фольклористов. Особенно большое беспокойство вызывает судьба уже собранных фольклорных материалов. Многие собиратели и исследователи работали на Севере еще 20—30 лет назад. За эти годы накоплены обширные, большой ценности фольклорные материалы, часто уникального характера. Материалы эти, важные и сами по себе, поскольку они характеризуют творчество малых народностей Севера, не имевших своей письменности, являются также важнейшими источниками при изучении истории, культуры, языка, быта этих народностей. На образцах фольклора, создававшихся веками, учатся современные писатели и поэты. Народная мудрость, народные знания, отразившиеся в фольклоре, должны стать важным элементом в воспитании подрастающего поколения, в развитии современного искусства малых народностей Севера. Между тем отсутствие научного центра по собиранию и изучению фольклора народностей Севера привело к тому, что собранные на протяжении нескольких десятилетий фольклорные материалы в настоящее время хранятся в личных архивах собирателей. Стало известно, что часть уникальных материалов навсегда утрачена и нет уверенности, что другие материалы не постигнет та же участь. За последние 20—25 лет фольклорные материалы почти не публикуются.

В своем постановлении совещание обратилось с просьбой к президиуму АН СССР издать к знаменательной дате — пятидесятилетию Советской власти — пятнадцать томов серии «Памятники фольклора народностей Севера» общим объемом до 500 печатных листов. В постановлении выражается пожелание об организации сектора по фольклору народов Севера во вновь создаваемом Институте фольклора АН СССР и соответствующей группы — в Институте общественных наук Сибирского отделения АН СССР. Совещание обратилось с просьбой к Министерству культуры РСФСР усилить работу с окружными и областными домами народного творчества в отношении сбора ими фольклора народов Севера (в том числе песенного и танцевального), а также обратить еще более серьезное внимание на развитие национального искусства, национальной художественной самодеятельности. Совещание просит Министерство просвещения РСФСР продолжить издание серии учебных пособий по фольклору народностей Севера, включить в планы изданий сборники сказок и загадок для детей народов Севера младшего школьного возраста. Признано желательным включение в учебные планы университетов, педагогических институтов и педагогических училищ Сибири и Дальнего Востока курса фольклора народов Севера, что особенно важно для привлечения национальной интеллигенции к сбору фольклора своих народностей.

А. В. Смоляк

PERSONALIA

ГЕОРГИЙ СПИРИДОНОВИЧ ЧИТАЯ

(К 70-летию со дня рождения)

24 декабря 1960 г. общественность Грузии торжественно отметила 70-летие со дня рождения и 45-летие научно-педагогической и общественной деятельности крупного советского этнографа, члена-корреспондента АН Грузинской ССР, заслуженного деятеля науки, профессора Георгия Спиридоновича Читая.

Научные интересы Г. С. Читая определились рано. Еще будучи студентом восточного факультета Петербургского университета, он увлекся этнографией, чему в значительной степени способствовало его участие в археологических и эпиграфических экспедициях под руководством Н. Я. Марра и И. А. Орбели, работа в научном кружке, возглавляемом И. А. Джавахишвили.

Возвратясь в Грузию после окончания Университета, Г. С. Читая приступил к этнографическим исследованиям Кавказа.

Особенно плодотворной стала его работа после установления советской власти, создавшей все необходимые условия для развития науки. Г. С. Читая принадлежит к числу тех грузинских ученых, которые у себя на родине возглавили отдельные отрасли молодой тогда грузинской советской науки. Г. С. Читая развернул деятельность за коренную перестройку этнографической полевой и исследовательской работы, за ее построение на новых началах. Г. С. Читая является создателем и руководителем грузинской школы советской этнографии.

Большой интерес представляют работы Читая по теории и методике этнографии. Отсутствие в прошлом эффективного метода полевых исследований привело к тому, что многие теории и выводы по этнокультурным и этногенетическим вопросам Грузии основывались на малочисленных случайных фактах и, следовательно, не могли быть достоверными. «Сложные этнические сплетения, характеризующие население Грузии, высокогорзвитая культура, восходящая своими истоками к ранним очагам цивилизации, богатейший пережиточный материал, законсервированный в некоторых горных районах и наличие письменных источников глубокой древности привели грузинских этнографов к комплексно-интенсивному изучению явлений, когда, с одной стороны, в комплекс включаются базисные и надстроечные явления, а с другой — каждый предмет описывается «как сумма человеческого труда» (К. Маркс), т. е. по материалу, технике и т. п.»¹.

Применяя этот комплексно-интенсивный метод исследований, основанный на марксистско-ленинском мировоззрении, коллектив этнографов, возглавляемый Г. С. Читая, накопил большой и ценный материал, характеризующий самобытные черты материальной и духовной культуры грузинского народа.

Сам Г. С. Читая — исследователь широкого профиля. Его перу принадлежит свыше 120 печатных работ, охватывающих большой круг вопросов хозяйственного быта грузинского народа, социальных отношений, материальной и духовной культуры. Г. С. Читая исключительно тщательно изучает этнографические факты и умело связывает их с большими общетеоретическими проблемами. В его работах на первый план выступают этнокультурные, этноисторические и этногенетические вопросы.

Для разрешения проблемы этногенеза грузинского народа большое значение представляет работа Г. С. Читая по определению этнической особенности грузинских племен, т. е. конкретной совокупности специфических особенностей их быта и культуры.

Широкое применение сравнительного материала и последовательный историзм позволяют исследователю раскрывать истоки и процессы развития изучаемых явлений в их взаимосвязях.

Большую известность принесли ученому исследования по истории земледельческих систем и пахотных орудий², проводившиеся им на протяжении почти четырех десятков лет. Эти исследования показали, что крестьяне в области земледелия обладают проч-

¹ Г. С. Читая, Грузинская советская этнография за годы послевоенной сталинской пятилетки. «Сов. этнография», 1952, № 3.

² См. работы Г. С. Читая: «Из этнографической поездки в Агбулахский район, «Бюллетень музея Грузии», IV, 1928 (на груз. яз.); «Рачинское пахотное орудие», «Изв. Института истории, языка и материальной культуры Груз. филиала АН СССР», I, 1937 (на груз. яз.); «Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии». «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1953; «Горное земледелие на Кавказе», «Acta Ethnographica», VI, Budapest, 1959, и др.

ными, передающимися из поколения в поколение эмпирическими знаниями. Установлено, что народная земледельческая культура представляет собою сложную, цельную систему, которая включает разнообразные производственные навыки, трудовой опыт и трудовые приемы. Все это указывает на определенный уровень развития земледельческой культуры, на ее древность и самобытность.

Большое значение имеют и специальные исследования Г. С. Читая отдельных отраслей хозяйства, построек, обработки металлов и пр. Изучая самобытную культуру грузинского народа, ученый умело использует сравнительный материал и на конкретных фактах показывает родство и тождество отдельных элементов культуры Грузии, Кавказа, Передней Азии. Сравнительно-историческое изучение сохранившихся в этнографической действительности Грузии и Кавказа пережитков древней материальной культуры и хозяйства, социальных и идеологических явлений приводят ученого к выводам о том, что уже к концу бронзового и началу железного века были созданы социально-экономические условия для формирования ряда специфических особенностей, характеризующих древнегрузинскую народность.

Честный и принципиальный ученый, Г. С. Читая в своих работах опровергает ошибочные взгляды некоторых исследователей (Г. Браунгардт, И. Карст, М. Намиток, Ж. Монтандон, К. Иностранцев и др.), утверждающих что Грузия и Кавказ являлись убежищем для остатков многочисленных народов, проходивших здесь в незапамятные времена и передавших якобы свои культурные достижения народам Грузии и Кавказа. Г. С. Читая ведет также непримиримую борьбу со всякими домыслами и тенденциозными «теориями» происхождения грузинского народа.

Особое внимание ученый уделяет проблемам современности, исследованию новой, социалистической культуры трудящихся Грузии. В настоящее время коллектив авторов под руководством Г. С. Читая исследует процессы, происходящие в быту и культуре народа в период перехода от социализма к коммунизму.

Большую научно-исследовательскую работу Г. С. Читая успешно сочетает с педагогической. Выше 30 лет он читает курсы лекций по этнографии и руководит специальными семинарами в Тбилисском государственном университете. Его увлекательные, построенные на оригинальном материале лекции всегда пользуются большим успехом у студенческой молодежи. Под руководством Г. С. Читая авторский коллектив подготовил учебник по этнографии Грузии для студентов университета, который в ближайшее время будет сдан в печать. Ни одно сколько-нибудь значительное мероприятие в области этнографии не проходит без самого активного участия Г. С. Читая. По его инициативе создан в Тбилисском государственном университете кабинет этнографии, руководителем которого он является. Как член ученого совета университета, он принимает деятельное участие во всей его жизни.

Г. С. Читая много сделал для расширения делового сотрудничества ученых в разработке этнографических проблем. В тесном контакте с Г. С. Читая работают ученые братских республик Кавказа. По его инициативе осуществляется совместная разработка актуальных узловых проблем кавказской этнографии, обмен опытом научно-исследовательской работы, публикации и т. д. В настоящее время в центре внимания этнографов Кавказа стоит предпринятая по инициативе Института этнографии АН СССР подготовка этнографических атласов народов Кавказа и общекавказского атласа. Одним из руководителей и активным участником этой работы является Г. С. Читая.

Г. С. Читая является членом рабочего Оргкомитета по подготовке проведения VII Международного конгресса антропологов и этнографов в Москве в 1964 г.

Нельзя не отметить заслуг ученого в развитии музейного дела в Грузии. По его инициативе в 1926 г. этнографические материалы, разбросанные по отдельным музеям Тбилиси, были сконцентрированы в Государственном музее Грузии, фонды которого впоследствии обогатились ценными этнографическими коллекциями Абиссинии, Ирана, Индии и других стран Азии и интересными материалами этнографических экспедиций. Знаком музейного дела Г. С. Читая заведовал этнографическим отделом Музея и сейчас состоит его постоянным научным консультантом, является автором многих экспозиционных планов Музея, организатором этнографических выставок, в том числе хевсурской и сванской, грузинского костюма XIX в., кавказских ковров и т. д. Большой интерес вызвала организованная им Этнографическая выставка Грузии, построенная по принципу сопоставления старого и нового быта и культуры грузинского народа.

Г. С. Читая проявляет большую заботу о расширении и усилении деловой координации и сотрудничества в разработке этнографических проблем внутри республики и за ее пределами. В особо тесном контакте с ученым находятся научные работники многочисленных учреждений братских республик Кавказа, чувствующие постоянную практическую помощь широко эрудированного ученого-кавказоведа.

Международное признание заслуг известного советского ученого нашло выражение в избрании его членом Международного комитета по изучению истории земледельческих орудий. Он является активным членом грузинского Общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами и ведет плодотворную работу в деле популяризации достижений советской этнографии. Как известный специалист-кавказовед, он часто выступает в зарубежных печатных органах.

Свой юбилей Г. С. Читая встретил новыми творческими замыслами. От души желаем ему многих лет жизни, доброго здоровья и новых научных достижений.

Н. А. Брегадзе, М. К. Гегешидзе, Г. А. Чачашвили

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

Исторические песни XIII—XVI веков. Издание подготовили Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, 696 стр. («Памятники русского фольклора», Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом)).

Исторические песни XIII—XVI веков— фундаментальный свод записей русских исторических песен, включающий 387 текстов и 72 нотных примера. Б. Н. Путилов — один из крупнейших знатоков и исследователей исторической песни — подготовил издание текстов с глубоким знанием материала и соблюдением всех требований современной науки.

Сводные сборники русских исторических песен уже издавались. Первым таким сводом были сделанные П. Бессоновым 6—10 выпуски «Песен, собранных П. В. Киреевским», вышедшие в 1864—1874 гг. В 1915 г. вышли «Исторические песни русского народа» В. Ф. Миллера. Оба эти издания сыграли значительную роль в развитии русской фольклористики, но сейчас они уже не могут удовлетворить ни по полноте материала, ни по приемам публикации.

Новый свод отличается от предшествующих прежде всего своей полнотой. Достаточно сказать, что у В. Ф. Миллера опубликованы: 21 вариант песни о взятии Казани, 66 вариантов песни о Кострюке и 43 варианта песни о гневе Грозного на сына, сейчас уже учтено соответственно 51, 110 и 79 вариантов этих песен. При подготовке данного издания были тщательно обследованы как печатные источники, так и архивы Ленинграда, Москвы и ряда других городов. Значительное количество вариантов (свыше 50) публикуется впервые, что увеличивает ценность сборника, придавая ему характер первоисточника. В свод включены не все учтенные варианты; составитель правильно поступил, исключив перепечатки, тексты очень близкие, повторные записи от одного исполнителя, а также тексты явно сомнительные и обрывки песен. О всех этих вариантах даны сведения в комментариях, где порою приведены и разночтения. Жаль, однако, что не включены и некоторые варианты, хранящиеся в архивах; их следовало бы опубликовать по возможности все, поступившись для этого (если необходимо) несколькими неоднократно перепечатывавшимися текстами.

Но ценность нового издания не только в его полноте. Все вошедшие в него тексты сверены с рукописями, а при отсутствии последних — с первыми публикациями; в них исправлены все неточности, подправки и искажения, внесенные при публикации и перепечатках (такие неточности есть и в сборнике В. Ф. Миллера). Таким образом, исследователь получает теперь вполне надежный, доброкачественный материал. В комментариях приведены все имеющиеся замечания собирателей к записанным ими песням, что очень важно для изучения этих песен.

При расположении материала применен новый принцип — варианты группируются по редакциям и характеру разработки сюжета. Такое расположение дает возможность выделить основные группы вариантов и облегчает труд исследователя по их систематизации. Но нам кажется, что Б. Н. Путилов слишком категорически отрицает значение местных фольклорных традиций. «Важно подчеркнуть, — пишет он, — что общность и различие в вариантах не есть результат действия местных традиций» (стр. 12). Между тем областная традиция оказывала порою сильное воздействие на разработку сюжета и стиль песен, и не учитывать ее при изучении отдельных вариантов нельзя (не следует только преувеличивать ее значение). Для исследователя также очень важно проследить развитие песни в одном районе на протяжении времени. Поэтому, может быть, было бы целесообразнее, выделив основные версии сюжета, расположить внутри их варианты в географически-хронологическом порядке.

Сборнику предпослана вступительная статья Б. Н. Путилова «Русские исторические песни XIII—XVI веков», в которой говорится о принципах издания и дана краткая характеристика песен XIII—XVI веков. Б. Н. Путилов изложил здесь положения и выводы, к которым пришел в результате многолетнего изучения ранних исторических песен (они развивались им в статьях и большом исследовании). Среди этих положений есть спорные, могущие послужить предметом научной дискуссии (например, о рязанском песенном цикле, о датировке некоторых сюжетов песен о борьбе с татарами и турками, об исторической основе и соотношении редакций песни о гневном Грозном на сына). Для решения этих вопросов необходим тщательный анализ всех вариантов песен, а предлагаемое издание дает материал для этого.

Очень ценно, что в свод включены и все имеющиеся записи мелодий исторических песен, подготовленные к печати Б. М. Добровольским (у П. В. Киреевского, и В. Ф. Миллера даны только тексты; отсутствуют нотные записи и в большинстве сборников, включающих исторические песни). Мелодии исторических песен совсем не изучены, а они могут много дать для выяснения таких важных вопросов, как жанровая специфика исторических песен, связи их с другими жанрами, значение областной традиции и др. Поэтому можно только пожалеть, что вступительная заметка Б. М. Добровольского о мелодиях исторических песен так коротка.

В целом же подготовленный фольклористами Пушкинского дома свод исторических песен XIII—XVI веков — прекрасный подарок фольклористам, а также историкам и литературоведам, и надо пожелать, чтобы поскорее вышли и следующие выпуски, посвященные песням XVII—XIX веков.

В. Соколова

НОВАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ *

Вышедшие в прошлом году научно-популярные «Очерки по истории антропологии в России» М. Г. Левина являются пока единственной сводной работой, посвященной интересному и важному вопросу по истории науки. В довоенное время вопросом этим почти никто серьезно не занимался. В «Кратком курсе антропологии», изданном в 1941 г., например, ему было отведено менее двух страниц, на которых совсем не упоминались имена А. Н. Радищева, Н. Г. Чернышевского и даже Н. Н. Миклухо-Маклая. После войны, главным образом, на страницах «Советской этнографии» появилось несколько статей, посвященных отдельным этапам истории отечественной антропологии. Однако общая картина развития этой науки в России так и оставалась неосвоенной до выхода в свет рецензируемого труда. Ясно, таким образом, что появление небольшой по объему, но богатой по содержанию, книги М. Г. Левина надо всячески приветствовать.

В «Очерках истории антропологии в России» семь глав, содержание которых хорошо передается их заголовками: «У истоков русской антропологии» (стр. 3—16). «Антропологические работы К. М. Бэра» (стр. 17—39), «Вопросы антропологии в трудах русских революционных демократов» (стр. 40—56), «Н. Н. Миклухо-Маклай» (стр. 57—79), «А. П. Богданов» (стр. 80—105), «Д. Н. Анучин и русская антропология предреволюционных десятилетий» (стр. 106—137), «Советская антропология» (стр. 138—161). В целом все главы заслуживают самой высокой оценки. Общим их достоинством являются многочисленные, большей частью недавно еще малоизвестные фактические данные по истории антропологии в нашей стране, последовательное стремление автора рассматривать развитие этой отрасли знания в связи с развитием других наук, как биологических, так и общественных (в особенности анатомии, медицины, этнографии, археологии), выделение прогрессивного, материалистического направления в работах русских антропологов. Много внимания М. Г. Левин уделяет также борьбе передовых отечественных ученых и общественных деятелей с расизмом, который в России, в отличие от многих стран Западной Европы и Америки, никогда не имел широкого распространения.

Значительное место в «Очерках по истории антропологии в России» отведено, на наш взгляд вполне законно, проблемам происхождения человека и этнической антропологии, в особенности вопросам этногенеза в свете антропологических данных. М. Г. Левин прослеживает развитие эволюционной теории антропогенеза в России, начиная от Афанасия Каверзьева и А. Н. Радищева до Д. Н. Анучина и советских антропологов. Наиболее подробно разрабатываются взгляды К. М. Бэра — одного из основоположников русской антропологии. Глава о Бэре — несомненно одна из наиболее удачных в рецензируемой книге.

Касаясь вопроса об истоках этнической антропологии в нашей стране, М. Г. Левин правильно замечает, что «накопление антропологических сведений о населении России

* М. Г. Левин, Очерки по истории антропологии в России, Изд. АН СССР, М., 1960. Ответственный редактор Я. Я. Рогинский, 176 стр.

началось задолго до того, как были выработаны специальные методы антропологических исследований, и шло в непрерывной связи с накоплением этнографических материалов» (стр. 14). Среди выдающихся представителей русской науки, интересовавшихся общими и частными вопросами этнической антропологии были В. Н. Татищев, С. П. Крашенинников, К. М. Бэр, Н. Г. Чернышевский и другие революционные демократы, Н. Н. Миклухо-Маклай, А. П. Богданов, Д. Н. Анучин. В главе «Советская антропология» М. Г. Левин останавливается на работах ученых СССР, посвященных проблемам происхождения человеческого рас, их классификации, соотношению расовых, этнических и языковых категорий, конкретной истории антропологического состава различных народов нашей Родины. Несомненно, что работы эти «помимо своего основного позитивного значения, имели не менее важное значение в идеологической борьбе с реакционными концепциями, и в первую очередь в борьбе с лженаучными „теориями“ расизма» (стр. 160).

Не все периоды развития отечественной антропологии освещены в работе М. Г. Левина достаточно полно. Правда, в аннотации в начале книги прямо сказано, что «настоящие очерки, по замыслу автора, должны ознакомить широкого читателя лишь с основными этапами истории антропологии в России, главнейшими ее деятелями, с разработкой важнейших проблем» (стр. 2). Но все же досадно, что автор только вскользь упоминает о накоплении данных о физическом облике народов России в средние века (стр. 14), мало внимания уделяет работе Русского Географического общества, в частности организации им многочисленных этнографических экспедиций, совсем игнорирует деятельность Н. И. Надеждина и составленную им программу сбора этнографических материалов, в которой видное место было отведено физической антропологии, мало внимания уделяет развитию Музея антропологии и этнографии в Петербурге в конце XIX — начале XX в. Перечень антропологов дореволюционной России было бы целесообразно дополнить именами В. В. Воробьева, Н. В. Державина, А. Н. Краснова, Ю. Д. Талько-Гриневича и некоторых других ученых, оставивших заметный след в истории антропологической науки.

Известные возражения вызывает оценка М. Г. Левина взглядов отдельных ученых старой России на вопросы происхождения человека и его рас. В наибольшей степени возражения эти относятся к главе «Антропологические работы К. М. Бэра» (стр. 14—40), в целом очень удачной. Как известно, Бэр в своих ранних работах высказывался в пользу трансформации, но впоследствии резко отрицательно отнесся к трудам Ч. Дарвина, в частности к его теории происхождения человека от обезьяны. М. Г. Левин указывает на «противоречивость его позиции и глубокие заблуждения в трактовке вопроса о происхождении человека» (стр. 29). Вместе с тем автор рецензируемой книги категорически отвергает креационистские тенденции во взглядах Бэра (стр. 32). Но разве телеологическое понимание развития природы и человека не приводит неизбежно к идеализму, а в конечном счете, и к креационизму? Было бы правильнее не говорить об отрицании Бэром креационизма, но еще более четко выявить глубокие противоречия, свойственные ему в этом, как и во многих других, вопросах.

Наибольшее количество критических замечаний можно сделать по последней главе рецензируемой книги «Советская антропология». Слишком коротко пишет автор об идейной борьбе в советской антропологии в 30-х годах нашего века, о коренной перестройке антропологической науки в СССР на основе методологии марксизма-ленинизма (стр. 139).

Не отражены в частности острые дискуссии, имевшие место в 1930-х годах вокруг проблем антропогенетики, изучения наследственности человека, а также взаимоотношения антропологии с общественными науками — археологией, этнографией, языковедением и др. Хотя бы кратко надо было упомянуть о критике учеными СССР псевдоматематических приемов антропологического анализа и о разработке новых методов применения вариационной статистики к проблемам морфологии человека, палеоантропологии и расоведения.

Большого внимания заслуживает на наш взгляд деятельность Музея антропологии МГУ, которому М. Г. Левин посвятил всего две строчки (стр. 139). Даже для научно-популярных очерков мало сказано о периодических изданиях по антропологии — «Русском антропологическом журнале» и «Антропологическом журнале» (стр. 140). Пришедшие им на смену «Советская антропология» и «Вопросы антропологии» совсем не упомянуты, хотя в библиографическом списке и есть ссылки на первое из этих изданий (стр. 162, 169, 172, 173). Было бы полезно также информировать читателей о том, что антропологическая тематика занимает видное место в журнале «Советская этнография», в Кратких сообщениях и Трудах Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. Жаль, что среди советских антропологов не названы имена В. Г. Штефко и Ю. Г. Ауля, работы которых имеют существенное значение для различных разделов антропологической науки; слишком мало места уделено работам А. И. Ярхо (стр. 158), которому принадлежат ценные исследования не только по этнической антропологии тюркоязычных народов СССР, но и по многим другим разделам антропологической науки.

Можно, наконец, упрекнуть М. Г. Левина в том, что он не остановился в своих «Очерках» на работах советских ученых по палеоантропологии и этнической антропологии зарубежных стран. Читателям было бы очень интересно знать, что советские антропологи (в их числе и автор рецензируемой книги), частично основываясь на ори-

гинальных материалах, собранных в различных странах Азии, Европы и Америки, самым активным образом участвуют в разработке многих проблем этнической истории народов этих частей света. Особенно значителен вклад исследователей СССР в антропологическое изучение древнего и современного населения Китая, Кореи, Японии, многих народов Центральной Европы, американских индейцев и эскимосов.

Следует выразить надежду, что в следующем издании ценной и интересно написанной книги М. Г. Левина, которое является очень желательным, будет освещена и эта область деятельности советских антропологов.

Н. Чебоксаров

ЧЕШСКАЯ КНИГА О РУССКИХ СКАЗКАХ *

В «Трудах» университета в Брно вышла книга Ярослава Мандата — первая часть его исследования, посвященного русским сказкам и их роли в развитии русской литературы XVII — начала XIX в. Рецензируемая книга содержит четыре главы, в основном историографического характера. Вторая часть еще не опубликована.

Первая глава книги Ярослава Мандата посвящена общим вопросам взаимоотношений литературы и фольклора. Автор рассматривает историю этого вопроса в русской, главным образом советской, фольклористике. Он подчеркивает необходимость изучения не только того, что тот или иной писатель берет из народного творчества, но прежде всего того, как он обрабатывает фольклор, какова функция этих фольклорных элементов в литературных произведениях. Исследователь литературного процесса, справедливо утверждает Ярослав Мандат, обязан показать, как используемый писателем фольклорный материал превращается в литературу, насколько он становится выражением мыслей и чувств обратившегося к нему автора.

Вторая глава книги посвящена фольклоризму «допушкинского», по терминологии автора, периода русской литературы. В ней Ярослав Мандат дает краткую характеристику эпохи и намечает два основных периода в историческом развитии фольклоризма XVII — начала XIX в.: дорадищевский и послерадищевский. В первом он выделяет несколько последовательных этапов: XVII век, эпоха петровских преобразований, расцвет русского классицизма (30—50-е годы XVIII в.), допугачевский период (60-е — первая половина 70-х годов XVIII в.), от восстания Пугачева до появления книги Радищева. Нельзя не согласиться с автором, что обращение к фольклору русских писателей в каждом из этих отрезков времени действительно несло в себе качественно новые черты. Во втором периоде автор различает два этапа, разделом между которыми служит 1812 год.

Две первые главы книги Ярослава Мандата составляют теоретическое и историографическое введение к основной части исследования. Третья глава посвящена самой русской народной сказке. Отмечая сложность поставленной задачи — осветить роль народной сказки в развитии русской литературы, автор указывает на отсутствие подлинных записей народной сказки эпохи феодализма, а также на отсутствие целостной марксистско-ленинской теории сказки, на которую он бы мог опереться в своем исследовании. Исследователь все же пытается дать характеристику русской сказки допушкинского периода, причем и здесь, как и в предшествующих главах, подробно рассматривает всю имеющуюся по этому вопросу исследовательскую литературу.

Наконец, последняя глава книги посвящена вопросу о взаимоотношении рукописной повествовательной литературы XVII—XVIII вв. и устной народной сказки. В этой главе Ярослав Мандат дает классификацию русской рукописной повести, кладя в основу ее генетический принцип. Он рассматривает две основные выделенные им группы повестей: оригинальные и переводные, причем в первой группе различает повести, написанные на фольклорной основе, и повести книжного происхождения.

Здесь рассматриваются и повести, возникшие ранее XVII в., но продолжающие бытовать в списках XVII—XVIII столетий (например, повесть о Петре и Февронии Муромских), а также повести, возникшие в исследуемый период (например, «Повесть о Шемякином суде»).

Из оригинальных повестей, написанных на фольклорной основе, кроме двух названных выше, рассматриваются «Повесть о новгородском посаднике Шипе», «Повесть о купце», «Повесть о Ерше Ершовиче» и др.

Оригинальными повестями книжного происхождения Ярослав Мандат считает «Повесть об Азовском сидении», «Историю о Ярополе царевиче», «Историю о российском матросе Василии Корианском» и ряд других. Рассматривая все эти повести, автор обнаруживает в них, независимо от их происхождения, сильнейшее влияние фольклора, в частности устной сказки.

* Yaroslav Mandát. *Lidová pohádka v ruském vývoji literárním*. Praha, 1960, 158 стр.

В группе переводных повестей Ярослав Мандат выделяет по их происхождению восточные повести, византийско-славянские, романско-славянские, западнославянские и повести западноевропейских неславянских народов. Приняв эту классификацию, он прослеживает вместе с тем влияние народной сказки на русские переводные повести каждой из намеченных им групп.

Во втором выпуске своего исследования автор предполагает показать традиции устной сказки в русской литературе; там же будут даны именные и предметные указатели ко всей работе.

Исследование Ярослава Мандата показывает блестящую эрудированность автора, представляя исчерпывающую сводку о взаимоотношениях русской литературы XVII — начала XIX в. с устной сказкой. Оно окажет существенную помощь всем изучающим этот важный вопрос, которому фольклористы и литературоведы до настоящего времени уделяют еще недостаточно внимания.

Э. Померанцева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

С. И. Брук. *Карта народов Передней Азии* (с пояснительным текстом). М., 1960.

В серии крупномасштабных цветных этнических карт, подготовленных в последние годы Институтом этнографии АН СССР, видное место занимает карта народов Передней Азии, составленная С. И. Бруком под общим руководством П. Е. Терлецкого. Как и другие публикации этой серии, карта народов Передней Азии создана по новому, разработанному в Институте этнографии методу совмещения показа этнического состава и плотности населения, что дает возможность видеть не только расселение народов, но и их относительную численность в отдельных районах их этнической территории.

На карте народов Передней Азии показано 59 народов и выделено шесть ступеней плотности (для арабов и афганцев, кроме того, показано частично сохраняющееся у них деление на племена). Чтобы можно было оценить значение этих чисел, следует напомнить, что Ближний и Средний Восток является одним из наименее изученных в этническом отношении районов мира. По большинству переднеазиатских стран отсутствуют не только картографические или иные систематизированные данные по этническому составу и плотности населения, но и простые статистические сведения о численности и расселении народов. В одних странах Передней Азии (Афганистан, Саудовская Аравия, Йемен) переписи населения вообще не проводилось, в других (Иран, Турция) они не отражают этнического состава или же, в соответствии с ассимиляторской политикой правящих кругов, являются тенденциозными и недостоверными. В этих условиях составление этнической карты не могло не потребовать привлечения и тщательного анализа огромного количества самых разнообразных источников — карт и справочников, этнографических, географических, экономических и других монографий, дневников путешествий и даже отдельных упоминаний, разбросанных в обширной литературе по странам Передней Азии. Результатом такого кропотливого труда и является рецензируемая карта — первая капитальная публикация в данной области, подобной которой, как это уже отмечалось специалистами по поводу одного из ее предварительных изданий¹, до настоящего времени не существует ни в одной из зарубежных стран.

Научная ценность этнической карты определяется в первую очередь положенным в ее основу критерием выделения народов. Применительно к странам Передней Азии этот вопрос имеет особенно большое значение, так как здесь почти повсеместно еще не завершились процессы национальной консолидации и рядом со сложившимися или складывающимися нациями продолжают существовать многочисленные народности, племена и этнографические группы. Как говорилось раньше, правящие круги некоторых переднеазиатских стран проводят политику насильственной ассимиляции этнических меньшинств, а подчас даже и совсем отрицают их наличие. Поэтому автор карты поступил, несомненно, правильно, пойдя по пути максимальной детализации материала, показа всех, даже самых малочисленных этнических общностей. Выделенные на карте 59 народов (в отдельных случаях — групп народов или племен), пожалуй, полностью исчерпывают сложный этнический состав стран Передней Азии. При самых тщательных поисках можно найти лишь несколько опущенных этнографических групп: так, не выделены юрки в Турции, хамсе в Иране, левантинцы в Сирии и Ливане.

¹ См. рецензии Дж. Хьюза (*World ethnographies and culture. Historical synthesis. «American Anthropologist»*, 1959, т. 61, № 4) и Реза Арасте Ширази («Обзор книг», 1960, август, № 2, на перс. языке) на книгу «Народы Передней Азии», М., 1957.

Не менее важен лежащий в основе карты принцип классификации народов. Автор последовательно придерживается принятого в советской науке принципа этнолингвистической классификации. Как известно, последний состоит в группировке народов по их языковой принадлежности, однако с известными исключениями из этого правила — в тех случаях, когда в силу особенностей конкретно-исторического развития народа его главным этническим определителем становится не язык, а какой-либо другой признак. В классификации народов Передней Азии автором сделано только одно отступление от языкового принципа — выделение лингвистически недетерминированной группы африканцев. Это отступление, несомненно, оправдано. Основная масса переднеазиатских африканцев — потомки рабов, ввезенных в страны Аравийского полуострова; они говорят по-арабски, но остаются в значительной мере обособленной частью населения, что заставляет видеть в них особую этнографическую группу. Что касается африканцев, сравнительно недавно иммигрировавших в страны Передней Азии и не утративших родного языка, то они повсюду живут смешанно, и показать их лингвистическую принадлежность на карте было бы попросту невозможно.

Все же этноклассификационная часть легенды карты, на наш взгляд, продумана не до конца. Всякий, кто не имеет специальной научной подготовки, встретившись в легенде карты с народами Передней Азии с таким, например, обозначением:

- Алтайская семья
тюркская группа
12. турки
13. азербайджанцы и т. д.

сделает естественный вывод, что существуют алтайская семья или тюркская группа народов. Поэтому, чтобы избежать отождествления народов и языков, следовало писать: «народы алтайской языковой семьи», «народы тюркской языковой группы» и т. д. В качестве мелкого недочета отметим, что коль скоро в легенде карты языковые семьи повсюду подразделены на группы, следовало провести такое же подразделение и для народов кавказской языковой семьи, указав, что языки грузин и лавов принадлежат к картвельской, а «черкесов» — в основном к адыго-абхазской группе.

Этнолингвистическая классификация народов Передней Азии отражена на карте подбором красок определенных цветовых гамм. Для народов семито-хамитской языковой семьи использованы краски фиолетовой гаммы, для народов алтайской языковой семьи — зелено-голубой, для народов индоевропейской языковой семьи — желто-красно-коричневой и т. д. В результате можно довольно легко видеть расселение народов по языковым семьям и группам. Однако из этого принципа почему-то сделаны ничем не оправданные исключения. Так, семитоязычные ассирийцы и индоязычные пенджабцы с родственными этим последним народами показаны черным цветом, который можно было бы сохранить, например, для дравидоязычных брагуев, неправомерно показанных коричневым цветом, т. е. в данном случае одним из индоевропейских цветов.

Следует признать правильным выделение на карте шести ступеней плотности всего семи или восьми, показанных на других картах этой же серии (народов Китая, МНР и Кореи, народов Индокитая, народов Африки и пр.). В этой связи заметим, что распространенная практика выделения максимальной плотностью (свыше 2 тыс. чел. на 1 км²) наиболее крупных городов вообще неверна, так как города в отличие от сельских районов характеризуются не плотностью населения, а его численностью, людностью. Хорошей читаемостью карты народов Передней Азии способствует то, что на ней сплошным цветовым фоном закрашены все районы с плотностью населения свыше 10 чел. на 1 км². Благодаря этому значительные территории имеют сплошную закрашку и меньше штриховки; хорошо контрастируются густо- и редконаселенные районы (в частности, на Аравийском полуострове, в Иране и Афганистане). Наконец, лучшая читаемость карты достигнута и тем, что для соседних народов подобраны наиболее контрастные цвета, позволяющие легко различить границы этнических общностей. Все это говорит о том, что автор учел недостатки ранее вышедших карт, на которых районы со смешанным населением подчас почти не просматривались. Впрочем, и на рецензируемой карте некоторые районы все же читаются с трудом. Таковы в особенности северо-восток Афганистана и северная часть Хоросана. Недостаточно ясно просматриваются и те народы, которые показаны отдельными вкраплениями — армяне, ассирийцы, народы индийской языковой группы.

К рецензируемой карте приложен пояснительный текст «Население Передней Азии» объемом свыше 4 авторских листов. Он состоит из 5 разделов («Краткая характеристика природных условий и хозяйства», «Общая характеристика населения», «Этнический состав стран Передней Азии», «Характеристика расселения отдельных народов», «Источники, использованные при составлении карты») и солидного библиографического списка. Пояснительный текст как бы вводит читателя в творческую лабораторию составителя карты и тем самым в значительной степени облегчает пользование последней. Вместе с тем содержательные разделы, посвященные этническому составу и расселению народов Передней Азии, несомненно, имеют и вполне самостоятельное научное значение справочного пособия.

Хочется особенно отметить, что содержащиеся в пояснительном тексте материалы отнюдь не являются простой сводкой этностатистических фактов и цифр. Приводимые С. И. Бруком данные характеризуют протекающие в переднеазиатских странах современные этнические процессы, говорят о продолжающейся в Турции, Иране, Израиле политике угнетения национальных меньшинств, о тяжелом положении женщины и т. д. Другим достоинством работы является то, что, насколько позволяют рамки публикации, автор стремится показать этнический состав не статично, а в его историческом развитии. Оба эти обстоятельства примечательны: они свидетельствуют, что присущие советской этнографической школе принципы партийности и историзма прочно утвердились и в такой, казалось бы, специфической области этнографии, как этническая картография и статистика.

В пояснительном тексте к карте народов Передней Азии есть отдельные неточности и редакционные промахи. Так, переднеазиатские «черкесы» являются выходцами не только с Северного Кавказа (стр. 16): в их состав вошли также закавказские (абхазские и аджарские) мухаджирь. Арабы-шииты живут не только в Ираке, Ливане и Йемене (стр. 28): они есть почти во всех странах Аравийского полуострова (бахарина в Бахрейне и Катаре, хассские шииты в Саудовской Аравии и пр.). Фарси-кабули — не самостоятельный язык (стр. 38), а наречие таджикского языка. Не всегда (это относится и к карте) достаточно продумано написание этнонимов: например, неясно, почему автор пишет «нафар», «теймурташ», «какар» и в то же время «ашфары», «каджары», «исхакзай». В тексте довольно много опечаток: «Моргенстиерн» вместо «Моргенстерне» (стр. 45), «Инграс» вместо «Инграмс» (стр. 45), «Деморни» вместо «Деморньи» (стр. 47), «Кушнеки» вместо «Кушкеки» (стр. 49), «О. Рейхани» вместо «А. Рейхани» (стр. 51). Есть они и на карте: «тиджаха» вместо «тийаха», «шахран» вместо «захран», «33» вместо «53», в результате чего на о-ве Кипр вместо армян показаны... бахтиары.

Подобного рода мелкие недосчеты досадны, но легко исправимы при последующем переиздании. Общая же оценка как карты народов Передней Азии, так и сопровождающего ее пояснительного текста должна быть весьма высока. Рецензируемая публикация — актуальный и ценный научный труд, к которому будут обращаться все, кто занимается этнографией или историей, географией или экономикой стран Передней Азии.

А. Першиц

Gabrielle Bertrand. *Secret Lands where Women reign*. London, 1958, 215 стр.

Известная французская журналистка и путешественница Габриэль Бертран — член нескольких литературных и географических обществ, посетившая десятки различных стран, в том числе Северную Африку и Европу, Индокитай и Бирму, Китай и Индонезию — совершила в 1953—1954 гг. поездку в район горного Ассама (Восточная Индия). В результате этой поездки вышла в свет книга, которая является предметом настоящей рецензии. Эту книгу нельзя назвать этнографическим исследованием, однако огромный опыт писательницы, пристальный интерес к жизни изучаемых народов, умение подметить наиболее характерные черты их быта и разобраться в сложной общественной структуре делают ее записи ценным нособием для этнографа.

Целью путешествия Бертран были три области горного Ассама: горы Гаро, область гор Кхаси и Джайнтья и район у северной гималайской границы Ассама, место обитания народов апа-тани, дафла, абор и др. Приложенная карта позволяет проследить проделанный экспедицией путь: вступив на территорию Ассама через Голакгандж, она через Гаурипур и Гоалпару направились в горы Гаро, достигнув административного центра этого района — Туры. После трехмесячного пребывания в горах Гаро экспедиция вернулась в Гоалпару, а оттуда через Гаухати проникла в область обитания народов кхаси, где пробыла с января по март 1954 г. Последний этап путешествия — в страну апа-тани начался с продвижения к Садии, т. е. на крайний северо-восток Ассама. С трудом перебравшись у Дибругарха в северную пограничную область, экспедиция вернулась в Гаурипур по северному берегу Брахмапутры, вдоль внутренней пограничной линии. Таким образом, маршрут экспедиции пролегал по труднодоступным и малоисследованным районам Индии.

Книга состоит из пяти глав, из которых мы остановимся на трех (II, III, IV), представляющих непосредственный этнографический интерес, в то время как первая и пятая содержат в основном описания самого путешествия, природы, княжеской охоты. К сожалению, народы северной зоны (глава IV), особенно нуждающиеся в изучении, у Бертран описаны наименее полно, что, по-видимому, объясняется недостатком времени и трудными условиями работы. В центре внимания автора находятся два народа — гаро и кхаси, единственные среди ассамских народностей, сохраняющие матрилинейную организацию. Это обстоятельство обычно привлекало к ним внимание исследователей. Кроме специальных работ, написанных полвека назад¹, им посвящен ряд статей

¹ См., например, A. Playfair, *The Garos*, London, 1909; P. Gurdon, *The Khasis*, London, 1907.

(Дж. Боза, О. Эренфельса, Бхаттачарии, К. Чаттопадхьяйи и других) по частным вопросам их своеобразной социальной структуры; статьи эти представляют чисто теоретический интерес. Записанные пером очевидца впечатления Бертран об этих народах позволяют на современном материале проверить жизненность сведений, известных нам ранее, а в отдельных случаях и дополнить их.

Главу о гаро (стр. 37—123) Бертран начинает с краткого исторического и этногенетического экскурса, после чего главное свое внимание она уделяет социальной организации гаро. Эта организация очень сложна, далеко не все ее стороны ясны для нас. Достаточно сказать, что понятие «махари», лежащее в основе матрилинейной структуры гаро, до сих пор не нашло единодушного определения у исследователей. Так, у О. Эренфельса и Г. Косты махари выступает как род или родовая группа, причем Г. Коста различает понятия махари и «мачонг» (материнская линия), а у Эренфельса эти понятия совпадают, Бастиан подменяет махари понятием мачонг. Е. Дальтон принимает махари за существовавшие когда-то у гаро большие дома, Р. Вуд не дифференцирует махари и большую семью и т. д. Скорей всего, махари следует понимать как материнский род гаро, сохраняющийся в современных условиях; это вытекает даже из тех описаний махари, где ему дается другое терминологическое определение. Таким выступает махари и у Бертран в ее описаниях экзогамных функций махари и др. Однако Бертран определяет его «своего рода семейным советом» (стр. 64); по-видимому, здесь имеется в виду «чратанг» — совет махари, который действует от лица последнего, но не тождествен ему.

В книге Бертран рассматриваются многие вопросы, связанные с социальной структурой гаро, правила брака и наследования, наказания за нарушение общинных и родовых обычаев, рассказы о тотемах. Не все эти вопросы освещены достаточно полно. В ряде случаев (например, при описании трех групп законов гаро или в рассказах о тотемическом происхождении отдельных родов) Бертран лишь повторяет то, что нам уже было известно из работ Г. Косты или А. Плейфэра. Достоинством книги Бертран является, во-первых, обилие местных терминов, названий и определений, которые приводятся постоянно, во-вторых, большое количество живых примеров и иллюстраций, подтверждающих те или иные положения автора, обилие описательного материала. Примером этого может служить описание Бертран так называемой «системы нокром». Это — в высшей степени своеобразный институт, суть которого состоит в том, что наследницей собственности у гаро всегда является дочь (имущество никогда не выходит за пределы рода матери), а муж дочери-наследницы (нокром) должен обязательно принадлежать к роду ее отца (чаще всего — сын сестры отца), за которым таким образом закрепляется право контроля за имуществом. Чтобы удержать это право, нокром после смерти тестя должен жениться на его вдове — владелице имущества, становясь одновременно мужем и дочери, и матери. Эта довольно искусственная по видимости система в изложении Бертран предстает перед нами в действии: проводник путешественницы Марак был нокромом, т. е., по его словам, «отчимом собственной жены». На примере того же проводника Марак мы получаем наглядное представление о форме полигамии у гаро, о положении в семье старшей и других жен, которых старшая называет племянницами или дочерьми. Обычай предписывает жениху скрываться от своей невесты во время помолвки. Бертран случилось быть свидетелем этой того, как жених, исполняя этот обычай, убежал в третий раз и был пойман родственниками невесты, которая с волнением ждала, убежит ли он в четвертый раз, что означало бы отказ от ее предложения.

Жизнь гаро, как и других отставших в своем развитии народов, пронизана множеством суеверий, обрядов, поверий. Бертран переносит нас с праздника по случаю обручения на церемонию постройки дома, описывает подробности погребального обряда, приводит тексты песен, исполняемых по каждому из этих случаев. В бережно записанных песнях наглядно отражается жизнь гаро — повседневный труд на земле, постоянно призываемые на помощь боги, взаимоотношения родных и соседей. Большим торжеством является вступление мальчика гаро в «дом холостяков». Из описания жертвоприношения, сопутствующего этому событию, «дом холостяков» представляется учреждением более действенным, чем можно было ожидать в современных условиях. Если он перестал быть выразителем коллективного авторитета общины, стоящим на страже ее интересов, то за ним сохранилась роль деревенского клуба и общественно-религиозного центра, в котором всегда оживленно, где звучат рассказы о старине и родовые предания, поддерживая традиции и общинный дух.

Особо следует остановиться на фольклоре гаро, на тех преданиях и легендах, которыми Бертран щедро насытила повесть о своем путешествии. Это и рассказы о происхождении народа гаро и отдельных его подгрупп, и предания о богах, о сотворении мира, и легенды о происхождении многочисленных суеверий и табу гаро. Многие из этих рассказов известны нам по работе Плейфэра, причем в ряде случаев наблюдается почти полное текстуальное совпадение; таковы, например, легенды о появлении из-за Гималаев народа ачик (самоназвание гаро), о мачаду — людях-тиграх, о происхождении грома и молнии, затмений и землетрясений, о загробном мире, звездах и созвездиях. Такое совпадение вариантов у различных авторов можно, вероятно, объяснить тем, что и Бертран, и Плейфэр записывали предания среди одной и той же группы — абенггаро. Оба автора отмечают, что у других локальных подразделений гаро существуют отличные варианты тех же легенд. Кроме того, эти предания, касающиеся основных

представлений гаро о своем прошлом и об окружающем мире, являются наиболее популярными среди них, часто пересказываются и в связи с этим приобрели более или менее стандартную форму. Вместе с тем Бертран приводит и совсем новые для нас легенды.

Очень интересен рассказ о происхождении табу (или, как их называют гаро, «маранг»), история о Маранг-Старанге, рожденном от женщины, но впоследствии воплотившемся в семи формах и явившемся людям в семи случаях, каждый раз при особо трагических обстоятельствах. Предотвратить его следующее появление и призвано табу. Эта легенда интересна тем, что в ней ощущается отражение идей индуизма, которому свойственна мысль о воплощениях — аватарах. Среди множества табу, приводимых автором, только одно относится к целой общине (запрещение работать на поле, когда в деревне родится ребенок), все остальные являются индивидуальными. В поисках сведений о старине Бертран и ее спутники познакомились с Микат Сангмой, в прошлом активным деятелем гаро, а в описываемый момент — прожатым отшельником, сохранившим в своей памяти множество преданий о прошлом и настоящем его народа. Его рассказы, записанные Бертран, о происхождении кошмаров, о постройке лестницы на луну представляют большую ценность.

* * *

В главе, посвященной кхаси (стр. 123—175), Бертран переносит нас в другой мир. Вместо теплых, болотистых джунглей — суровые каменные вершины и народ, словно находящийся под воздействием этих гор, — болсе замкнутый, чем гаро, народ, положение которого не так легко добиться. Эта разница, обычно незаметная в трудах исследователей, живо ощущается у Бертран. Если главной целью путешествия Бертран в страну гаро было изучение их социальной организации, то вряд ли это можно сказать о кхаси. Приводимые в этой главе сведения социального характера в значительной степени почерпнуты из имеющейся литературы по кхаси, внимательно изученной Бертран. Это касается и правил землевладения, изложенных точно по П. Гердоу, и, по-видимому, описания родов и каст кхаси, в котором отсутствует ясность изложения. Так, Бертран пишет, что роды кхаси разделены на касты, расположенные на различных ступенях социальной лестницы. Едва ли это так. Нам известно, что у кхаси, как и у большинства малых народов горного Ассамы, сохраняется род — «кур», роль которого в настоящее время ограничивается сферой семейно-брачных отношений. Что же касается каст, то упоминания о них нет ни у Гердона, ни у Чаттопадхьяи, ни у других известных нам исследователей кхаси. По всей вероятности, в результате социального и имущественного неравенства, существовавшего в феодальном княжестве кхаси, у кхаси могли возникнуть отдельные замкнутые группы, напоминающие свойственные вообще Индии касты; возможно, что некоторые роды (например, род раджи или род его отца) оказались на вершине социальной лестницы, образуя привилегированное сословие. Таким образом, это положение Бертран требует уточнения.

Значительно больший интерес представляют те страницы, которые автор посвящает своим непосредственным наблюдениям над различными сторонами жизни кхаси. Таков, например, неизвестный нам ранее материал о трех формах брака у кхаси — в соответствии с социальным рангом и имущественным положением. Жрец, совершающий обряд бракосочетания, призывает родственников, чье благословение должно дать молодым силу и мужество, необходимые для счастья: прежде всего следует обратиться к матери, затем — к дяде по матери, далее — к отцу, к старшей из прабабок и т. д. Бертран приводит любопытный пример — брак англичанина капитана Ханта и женщины кхаси. Этот пример интересен с разных точек зрения. Во-первых, брак этот был совершен по законам кхаси, дочь от него приняла имя матери. Будущая жена капитана Ханта выбрала себе мужа по собственному усмотрению. С другой стороны, мы здесь убеждаемся в неожиданно строгом соблюдении экзогамности рода, во всяком случае — о признании большой важности соблюдения этого закона. В ряде случаев брак запрещается и между членами двух определенных родов. Поэтому браки с европейцами становятся не только возможными, но и желательными, так как в этих случаях совершенно исключается возможность существования каких-либо родственных отношений между супругами.

Наблюдения Бертран над жизнью кхаси приводят ее к заключению, что матрилинейная организация «сослужила добрую службу их народу и уничтожение ее привело бы к уменьшению их жизнеспособности» (стр. 137). По словам Бертран, слух о том, что правительство Индии собирается уничтожить матрилинейную систему, пугает кхаси. Искусственное разрушение матрилинейной структуры у кхаси неизбежно привело бы к окончательному распаду всей родовой организации, так как сменявшая ее патрилинейность установилась бы уже в рамках семьи. Это предполагаемое нарушение устоявшегося порядка кажется кхаси ошибкой.

Многие факты, приводимые Бертран, рисуют кхаси как народ с установившимся феодальным строем, во многом отличным от строя гаро. Строй этот характеризуется административным устройством княжества, с снемом во главе, при котором имеется дарбар — исполнительный и юридический орган, с сирдарами, стоящими во главе крупных деревень и собирающими налог, с лингскорами, которые контролируют наиболее удаленных сирдаров. О том же свидетельствует и суд, на который громкими криками.

глашатаи зывают народ, и народ не смеет ослушаться. Описание процедуры суда, опроса свидетелей, вынесения решений рисуют его как суд типично феодальный, имеющих мало общего с судом других горных народов. Да и описание городка кхаси с железными крышами домов, с резиденцией счема в центре говорит о сравнительно высоком уровне развития этого народа.

Как и в главе о гаро, несомненно удачным является подробное изложение различных обрядов кхаси, среди которых хочется выделить погребальную церемонию. Кхаси строго оберегают от посторонних глаз все действия, связанные с проводом мертвых, и то, что Бертран удалось найти доступ на это таинство, приоткрыло новую сторону духовной жизни кхаси.

На страницах, посвященных описанию материальной культуры, особенно интересен рассказ об остатках литейной мастерской, свидетельствующий о том, что кхаси знали в прошлом плавку металла и этим отличались от своих горных соседей. Нередко знакомство с плавкой железа служит стимулом для перехода от матрилинейности к патрилинейности. Пример кхаси, которые, несмотря на несомненное знание этого искусства, тем не менее и сейчас сохраняют матрилинейность, говорит о том, что этот вопрос требует дальнейшего уточнения.

На основе имеющейся литературы Бертран дает краткую сводку религиозных представлений и пантеона кхаси. Хорошо описан культ предков, играющий очень большую роль в религии кхаси. Правильным представляется и положение Бертран, что, несмотря на некоторую видимость культа богини-матери, у кхаси господствует анимизм, так что невозможно выделить какое-либо главное божество. Жрецы у кхаси, в отличие от гаро, составляют особую социальную группу и играют заметную роль в общественной жизни. Наибольший интерес в этом разделе представляют материалы о священных камнях, собранные самой Бертран. Эти монолиты, составляющие одну из характернейших особенностей страны кхаси, предстают в книге Бертран во всем своем многообразии. Группы из несчетного числа камней, разнообразных по форме и величине, можно встретить по всем горам Кхаси, причем форма их позволяет определить — предку мужского или женского пола они посвящены. Причудливые силуэты камней хранят в себе не вполне разгаданную тайну, проникновение в которую сулит немало интересного.

Глава о кхаси, как и раздел, посвященный гаро, насыщена множеством преданий и поверий, в которых отражаются отношения кхаси к окружающему миру. Ряд легенд, такие, как сказание о водопаде или о пятнах на луне, записанные Бертран со слов встретившегося ей миссионера, в тех же вариантах, но с большим количеством деталей рассказаны в книге К. Рэфи «Народные предания кхаси»², основывающейся также на миссионерских материалах. Особенной популярностью среди кхаси пользуется легенда о змее У Тхлен, постоянно приводимая исследователями. Эта легенда в изложении Бертран интересна для нас тем, что мы наглядно видим жизненность суеверий, которые нашли в ней такое образное воплощение. В правительственной печати отмечается, что даже и сейчас случаются человеческие жертвоприношения священной змее. Описание заклинаний, обращенных к змее, выбора жертвы и постепенной подготовки ее к смерти — все это дает почувствовать ту тревожную обстановку, полную суеверного ужаса, которая царит в деревнях, где развит культ змеи У Тхлен.

Большое внимание уделяется в книге реке Копили, которая символизирует божество, популярное не только у кхаси, но и среди населения всего Ассама, воспетое в многочисленных песнях и легендах. Другая знаменитая по всему Ассаму святая — храм Камакхья, с которой Бертран познакомилась после возвращения из гор Кхаси. Это — центр шактизма и культа богини-матери; скульптуры, фрески, украшающие храм, воссоздают всю религиозную историю Ассама.

* * *

Последний этап путешествия Бертран проходил по тяжелому пути в далекие отроги Гималаев, в края, куда редко ступала нога европейца. К сожалению, Бертран ставила перед собой скромные задачи, а именно — познакомить европейского читателя с обитателями пригималайских областей с помощью фото- и кино съемок. Об этих народах — абор, дафла, апа-тани — известно очень мало. Издавна славилась они своей воинственностью и непокорностью, которые не могли сломить многочисленные карательные экспедиции, посылавшиеся туда британским правительством колониальной Индии. Если об аборах в журнале «Ванья-джати» и правительственных сообщениях за последние годы стали появляться некоторые сведения, то о дафла и апа-тани почти не пишут. Особенно нуждаются в описании апа-тани, народность численностью в двадцать с лишним тысяч человек, живущая в окружении дафла. Интересно, что о существовании этого народа неизвестно даже многим ассамцам. Первым из европейцев в долину апа-тани спустился Фюрер-Хаймендорф в 1944 г., описание которого остается единственным источником наших сведений об этом народе. По своей культуре апа-тани во многом стоят выше окружающих племен. В настоящее время у них происходит процесс формирования территориальной общины и классовых отношений. Исключительно своеобразная организация апа-тани изложена Бертран очень сжато. Не вполне ясным остается для

² K. U. R a f y, Folk-Tales of the Khasis, London, 1920.

читателя, что (представляют собой «две экзогамные касты» апа-тани, к тому же разделенные на роды. Видимо, социальная структура этого народа требует дальнейшего изучения. С уверенностью можно говорить о том, что апа-тани — древние земледельцы. Об этом свидетельствует как высокая культура земледелия (орошение рисовых полей при помощи искусно сделанной многокилометровой системы маленьких запруд), так и поэтичная легенда, которую сложили апа-тани о своем происхождении из зерен риса.

Наши сведения об апа-тани и их соседях настолько скудны, что даже отдельные замечания Бертран должны быть учтены. Давние традиции старой родовой мести дают себя знать в коротком описании поединка носильщика дафла и апа-тани. Интересен рассказ о патангах, которые представляют собой соединение групп коллективного труда и клубов для молодежи обоих полов; зажиточный хозяин может нанять такую группу на время сбора урожая. При этом он платит им определенную сумму денег, которая делится поровну между всеми членами. Таким образом, и в эти удаленные районы проникли деньги, и здесь происходят те же процессы социального и имущественного расслоения, что и в других местах. Правда, Бертран отмечает, что это единственный случай, когда оплата производится не натурой. Но процесс перехода на денежное хозяйство начинается.

* * *

Книгу Г. Бертран с несомненной пользой прочитает каждый, интересующийся народами Восточной Индии. Автор не ставит перед собой больших исследовательских задач, но богатый, интересно изложенный описательный материал свидетельствует о серьезной и увлеченной работе. Книга Бертран дает нам живое ощущение того, как живут, чем интересуются маленькие народности далекого горного района, расширяет и обогащает наше знакомство с ними. В заключение хочется отметить, что книга написана в очень дружественном тоне, с чувством большого уважения к исследуемым народам.

С. Маретина

НАРОДЫ АФРИКИ

Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары. Арабские источники VII—X веков. Подготовка текстов и переводы Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева. Ответственные редакторы В. И. Беляев и Д. А. Ольдерогге. Изд. АН СССР, М.—Л, 1960, 398 стр.

Задуманное Институтом этнографии АН СССР издание многотомного свода арабских источников по этнографии и истории народов Тропической Африки — задача большого научного значения, впервые и своевременно поставленная в нашей стране. Первым плодом этого широкого замысла явился рецензируемый том, охватывающий источники VII—X вв.

В арабской литературе этого периода нет самостоятельных сочинений, целиком посвященных описанию Африки, поэтому том складывается из фрагментов. В него включены отрывки из двадцати одного сочинения восемнадцати арабоязычных географов и историков (в том числе двух христианских авторов), из одного энциклопедического сочинения, принадлежащего группе авторов, и из четырех сочинений по математической географии. Эти отрывки расположены в хронологическом порядке и даны как в арабском подлиннике, так и в русском переводе.

Каждому отрывку (или нескольким отрывкам) предшествует краткая статья, в которой составители тома сообщают сведения об авторе и сочинении и приводят список литературы об этом авторе. Кроме того, книга содержит общую библиографию (стр. 323—332).

Во «Введении» (стр. 5—10) справедливо обосновывается важность арабских источников для воссоздания исторического прошлого народов Африки, кратко излагается история проникновения арабов в Африку, история изучения предмета, структура всего многотомного издания и данного тома.

Таким образом, рецензируемый том вполне отвечает главной цели предпринятого издания — предоставить в распоряжение советских африканистов, этнографов и историков материалы арабских сочинений по Африке. Составители проделали большую полезную работу по выявлению и отбору соответствующих арабских источников, умело используя имеющуюся научную литературу. Для этого требовалось знание как арабского, так и целого ряда европейских языков. Написанные ими краткие статьи об отдельных арабских авторах и сочинениях обнаруживают свободное владение предметом и библиографией, умение разбираться в громадной по объему арабоязычной литературе.

Особо следует отметить тот факт, что составители приложили много труда, чтобы облегчить читателю пользование изданием, снабдив его тщательно выполненными разнообразными указателями: аннотированным указателем имен собственных (стр. 334—344), указателем названий сочинений (стр. 345—346), указателем географических, этнических и астрономических названий с аннотациями и библиографией (стр. 347—387) и.

наконец, также аннотированным предметным указателем (стр. 388—398). Отдельные аннотации в указателях разрастаются до размеров небольшой статьи, носящей не только информационный, но и исследовательский характер. Вместе с тем приходится с сожалением указать на ряд недостатков, снижающих научную и практическую ценность издания.

Во «Введении» составители ограничились отсылкой к монографии акад. И. Ю. Крачковского «Арабская географическая литература» вместо того, чтобы дать совершенно необходимую, на наш взгляд, суммарную характеристику арабских источников об Африке.

По поводу отбора текстов следует заметить, что в некоторых отрывках встречаются целые абзацы, которые в лучшем случае характеризуют географические представления той эпохи вообще, но непосредственно не связаны с предметом данной книги, и их включение не оправдано даже необходимостью широкого контекста (это касается, например, Агапия Манбиджского и «Посланий чистых братьев»). В то же время совершенно напрасно не привлечено одно из самых ранних сочинений, содержащих сведения об африканских народах (в данном томе оно должно было бы стоять на втором месте) — «Фахр ас-судан 'ала-л-бидан» («Гордость черных перед белыми») ал-Джахи́за (ум. в 838 г.)¹. Как видно из самого заглавия сочинения ал-Джахи́за, термин *ас-судан* встречается уже у него, а не «появляется впервые у Ибн Кутайбы» (писавшего значительно позднее), как утверждают составители (стр. 380). Многие другие этнические и географические названия и сведения об Африке также встречаются у ал-Джахи́за впервые.

Составители были избавлены от необходимости проделывать кропотливую текстологическую работу, так как все привлеченные ими памятники были уже ранее опубликованы. И все же в отдельных случаях и при переиздании требовалось уделить больше внимания вопросам критики текста, чем это сделано в рецензируемой работе.

Много нареканий вызывает качество воспроизведения арабских текстов: они изобилуют опечатками, список которых, приведенный в конце книги на двух страницах, охватывает лишь ничтожную их часть.

Система транскрипции проведена иногда с излишней скрупулезностью, но недостаточно последовательно и единообразно. Встречается несколько написаний для одного и того же географического названия или имени собственного: Сиджиста́н, Седжеста́н и Списта́н; Ибн Лахи́'а и Ибн Лухай́'а; Нил, но ал-Фура́т; Хиджа́з и Рум, но ас-Синд и т. п.

В указателях попадают отдельные ошибки; в авторском тексте составителей, в русском переводе, в указателях — всюду приходится сталкиваться с опечатками, следствием небрежности при вычитке и корректурах.

Самое неприятное впечатление, однако, оставляют многочисленные промахи и стилистические неувязки в русском переводе, приводящие иногда к полному искажению смысла подлинника в принципиально важных местах. Цитаты из Корана Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева дают в собственных переводах, допуская элементарные ошибки; читатели не всегда отыщут эти отрывки в арабском тексте. Отметим лишь несколько случаев явного искажения в переводах разных источников, установленных при выборочной проверке.

*Перевод Л. Е. Куббеля и
В. В. Матвеева:*

- (1) из-за того, что тот поносил своего отца (стр. 21).
- (2) для того чтобы к ним прилипала рыба (стр. 21).
- (3) отбросить (стр. 27).
- (4) «Подлинно, сотворение небес и земли и чередование ночи и дня — чудеса, принадлежащие первому из умов» (стр. 68).
- (5) И сказал ал-Хаджжа́дж ибн Й́усуф: «Лазза́дан Фарру́х сообщил мне об арабах и городах». Он сказал (стр. 84; соответственно в указателе Лазза́дан Фаррух фигурирует как легендарный рабий!).
- (6) А о земле имеются стихи для достоверно знающих о вас самих (стр. 169).
- (7) В нем покупается золотая руда с медью (стр. 188).

Как следует перевести:

- (1) из-за того, что отец проклял его.
- (2) так как раньше к ним прилипала рыба
- (3) опередить
- (4) «Воистину в сотворении небес и земли и чередовании ночи и дня... — знамения для обладающих разумом».
- (5) И сказал ал-Хаджжа́дж ибн Й́усуф Зада́ну Фарру́ху: «Расскажи мне об арабах и городах». Тот ответил.
- (6) «И в земле, и в нас самих — знамения для достоверно познающих, разве вы не видите!» (Коран, сура 51, стих 20, 21).
- (7) В нем золотой песок покупают за медь.

¹ Tria opuscula auctore Abu Othman Amr ibn Bahr al-Djahiz Basrensi quae edidit G. van Vloten, Lugdini Batavorum, 1903, стр. 57—85.

Из приведенных примеров, а также из опыта сличения многих других мест с арабским текстом (стр. 76, 138, 169, 170, 237 и др.) следует вывод, что читателям нужно осторожно пользоваться первым томом «Арабских источников» и воздерживаться от опрометчивых выводов на основании русского перевода без критического к нему отношения.

В заключение можно выразить пожелание, чтобы досадные недочеты этого очень ценного и нужного издания были устранены путем опубликования тщательных исправлений и дополнений к первому тому «Источников по этнографии и истории народов Африки...». Хочется надеяться, что коллектив авторов продолжит начатую полезную работу и выход в свет последующих томов этой серии не заставит себя долго ждать.

А. Халидов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

КНИГА О ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ ГЕРОИЧЕСКОЙ КУБЫ*

Исключительно велик интерес, проявляемый прогрессивной общественностью всего мира и прежде всего советским народом к героическому народу Кубы. Еще недавно скованный по рукам и ногам кандалами империалистического рабства, кубинский народ восстал против своих и чужеземных угнетателей и, обретя свободу, осуществляет ныне смелый бросок вперед. Сейчас кубинская революция, указывает т. Блас Рока, «уже вступила в социалистический этап и непосредственно решает историческую задачу завершения ликвидации капитализма и строительства социализма...»¹. Необычайно быстрые успехи революционных преобразований на Кубе (достаточно сказать, что уже сейчас, на исходе третьего года революции, на долю социалистического сектора приходится 80% валовой промышленной продукции²), самая возможность начать борьбу за построение нового общества у порога главной цитадели мирового империализма служат ярчайшими свидетельствами тех коренных изменений, которые произошли на нашей планете в результате всемирно-исторических побед социализма в Европе и Азии, в результате возникновения и упрочения мировой социалистической системы. Кубинские события «являются блестящим и действенным подтверждением записанного в программе КПСС тезиса о характере современной эпохи, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму»³.

Между тем, до самого последнего времени мы, советские люди, в сущности очень мало знали и о самом острове, и о его народе. После победы Январской революции у нас во все возрастающем числе появляются разнообразные книги и брошюры, посвященные боевым и трудовым будням наших кубинских друзей⁴. Однако уже в силу особенностей своего жанра (репортаж, очерк, публицистическая статья) литература эта, интересная и нужная сама по себе, не могла, за малыми исключениями, удовлетворить потребность наших научных и читательских кругов во всестороннем марксистско-ленинском освещении прошлого и настоящего Кубы, да и не ставила перед собою такой задачи.

Попытки создать более или менее крупные обобщающие работы о кубинской революции имели место среди прогрессивных авторов Латинской Америки⁵. Однако сегодня книги эти в значительной мере уже устарели, ибо, как говорил т. А. И. Микоян на XXII съезде КПСС, «Куба под руководством героя революции Фиделя Кастро и его славы соратников идет семимильными шагами в развитии страны — экономическом и социальном, культурном, политическом»⁶.

Еще совсем недавно на страницах научной прессы справедливо отмечалось, что у нас, «кроме вышедшей недавно книги А. М. Зориной «Из героического прошлого кубинского народа», нет ни одного труда по истории Кубы, где раскрывались бы замечательные традиции освободительной борьбы, которые с такой силой проявились в наши дни»⁷.

* Куба. Историко-этнографические очерки. Изд-во АН СССР. М., 1961, 600 стр.

¹ Блас Рока, Основы социализма на Кубе, М., 1961, стр. 3.

² См. Блас Рока, Новый этап революции на Кубе, «Проблемы мира и социализма», 1961, № 10, стр. 6.

³ Выступление т. Блас Рока на XXII съезде КПСС, «Правда», 23 октября 1961 г., № 297 (15787), стр. 9.

⁴ Указатель этой литературы см. на стр. 594—597 рецензируемой книги.

⁵ См. например: A. G i m e n e z, Sierra maestra a revolucão de Fidel Castro, S.-Paulo, 1959; E. G o n z a l e z P e d r e r o, La revolucion Cubana, Mexico, 1959.

⁶ «Правда», 22 октября 1961 г., № 296 (15786), стр. 8.

⁷ Л. Н. Г е о р г и е в, Изучение новой и новейшей истории между XX и XXII съездами КПСС, «Новая и новейшая история», 1961, № 5, стр. 47.

В результате большой и кропотливой исследовательской работы коллектив советских авторов, возглавляемый А. В. Ефимовым и И. Р. Григулевичем, в тесном творческом сотрудничестве с группой выдающихся ученых и общественных деятелей народной Кубы, создал большую и исключительно своевременную книгу о прошлом и настоящем героического острова. Следует сразу подчеркнуть, что содержательное содержание сборника значительно шире скромного подзаголовка — «Историко-этнографические очерки». Перед нами по существу своеобразная энциклопедия жизни, борьбы и культуры кубинского народа, и именно с этой меркой необходимо, как нам кажется, подходить к оценке книги, к оценке сделанного ее авторами вклада в молодую, но быстро развивающуюся марксистско-ленинскую историографию Латинской Америки. Энциклопедичность рецензируемой книги выпукло выступает уже при знакомстве с составом большого авторского коллектива: здесь и этнографы, и экономисты, и искусствоведы, и большая группа историков и литературоведов.

Сборник состоит из трех крупных разделов, посвященных тем трем областям, на которых сосредоточивается особый интерес нашей общественности, — кубинский революцион, прошлому Кубы и ее культуре.

Первый раздел, насыщенный живым дыханием кубинской современности с ее партизанской героикой и мужественным сопротивлением империалистической агрессии США, открывается статьями кубинских авторов. Ветеран рабочего движения Блас Рока, один из виднейших командиров повстанческой армии Эрнесто Че Гевара и выдающийся географ-спелеолог, революционер и государственный деятель Антонио Нуньес Хименес знакомят своих советских друзей с основными событиями гражданской войны и революции на Кубе, начиная с героического выступления молодых патриотов во главе с Фиделем Кастро 26 июля 1953 г. в Сантьяго и кончая сегодняшними днями, когда в стране растет и развивается социалистическое сознание. То, что авторами здесь выступают непосредственные участники событий, руководители революционных масс, придает этой группе статей особую, документальную ценность. Нет сомнения, что материалы эти еще не раз будут использованы в качестве источников в нашей исследовательской практике при изучении движущих сил и закономерностей кубинской революции, благодаря которой ныне «социализм шествует по Америке»⁸. Богатейшим фактическим материалом насыщена, в частности, наиболее крупная из указанных статей — работа А. Нуньеса Хименеса «Кубинская революция» (стр. 21—66).

Следующая группа статей содержит анализ экономической и аграрной политики революционного правительства Кубы, тех трудностей, которые стоят перед ним, — трудностей, вызванных прежде всего непосредственным соседством империалистического аггрессора.

Экономические преобразования, начатые аграрной реформой 1959 г., подверглись анализу в статье Я. Г. Машниц «Экономика Кубы на подъеме» (стр. 67—89). Коснувшись значения реформы для ликвидации монокультурного хозяйства — наследия колониальной эпохи — и создания многоотраслевой экономики, отметив, далее, историческое значение полного освобождения Кубы от монополий США, автор затем касается таких важнейших сторон экономической политики, как создание государственного сектора в народном хозяйстве, введение плановой экономики и укрепление экономического сотрудничества со странами социалистической системы.

Специально на разрешении аграрных проблем останавливается в своей статье «Год аграрной реформы» В. И. Леонова (стр. 90—125). Ею приводятся поистине потрясающие цифры и факты, свидетельствующие о немалых условиях жизни кубинского крестьянина в старой Кубе под гнетом латифундистов: 100 тыс. человек болело туберкулезом, 36% населения страдало от паразитов, 70% крестьянских детей не посещали школы... И тут же — закономерный вывод: «Революционное изменение существующего порядка было для сельскохозяйственных рабочих и прекаристов единственным выходом из создавшегося положения, именно поэтому в рядах Повстанческой армии можно было встретить сотни и тысячи представителей этих социальных групп» (стр. 97). Четкая характеристика различных групп и прослоек крестьянства, столь необходимая для понимания многих важнейших сторон революции и, особенно, повстанческого движения, — бесспорная удача автора статьи.

Детально рассматривает В. И. Леонова предысторию и историю осуществления беспримерной в Латинской Америке аграрной реформы 1959 г. и анализирует статьи Закона об аграрной реформе, особо останавливаясь на той важнейшей его части, где говорится о создании сельскохозяйственных кооперативов. Именно это, революционное по самой сути своей, мероприятие разрешило такие коренные задачи революции, как освобождение крестьянства и батрачества от капиталистической эксплуатации и ликвидация безработицы в сельскохозяйственном производстве.

Нарисованная в статье развернутая картина претворения в жизнь аграрной реформы — с массовым кооперированием, с передачей кооперативам земли в вечное и бесплатное пользование, с развитием народных хозяйств — предприятий социалистического типа⁹ — помогает нам уяснить важнейший вывод революционных марксистов Кубы, что, «выполняя свои исторические задачи, как антиимпериалистические (национальное осво-

⁸ Выступление т. Блас Рока на XXII съезде КПСС, «Правда», 23 октября 1961 г., № 297 (15787), стр. 9.

⁹ См. Блас Рока, Основы социализма на Кубе, стр. 5.

бождение), так и антилатифундистские (аграрная реформа), революция уже совершала шаги в направлении к социализму...»¹⁰. Последующие страницы статьи В. И. Леоновой посвящены тем знаменательным сдвигам в быту и культуре вчера еще нищего и голодного — а часто и бездомного — кубинского крестьянина, которые явились закономерным результатом успеха аграрной реформы. Самое же главное — «труд стал вдохновенным. Если раньше труд сообщался вызывался лишь исключительными причинами (пожары, наводнения и т. п.), то теперь коллективный труд стал по существу основной формой труда» (стр. 122).

Успехи кубинской революции, радующие сердца трудящихся многострадального острова и их бесчисленных друзей во всем мире, вызывают в то же время ярость у империалистов США — ярость, обусловленную потерей своих баснословных привилегий на Кубе и страхом за свое господство во всей Латинской Америке.

В. Г. Спирин, используя в своей статье «Империализм США — враг независимой Кубинской республики» (стр. 126—159) богатые материалы прессы Кубы и США, последовательно показывает этапы вызревания и осуществления злодейского замысла Вашингтона — от разрозненных выступлений отдельных конгрессменов до драматических дней апреля 1961 г., когда вооруженное вторжение на Кубу наймитов американского капитала поставило под угрозу независимость острова и великие революционные завоевания кубинцев. Все мы помним, как в месяцы, предшествовавшие агрессии, печать и радио приносили все новые и новые тревожные вести из-за океана — над Кубой сгущались тучи. Но теперь, когда воедино собраны и последовательно изложены факты того периода, зримо выступают все детали империалистического заговора и, вместе с тем, яснее ощущается мужество маленького народа, не дрогнувшего перед агрессором, и спокойное величие социалистического содружества, твердо сказавшего «нет» зачинщикам интервенции.

Но такая обстановка сложилась впервые — впервые не только на Кубе, но и во всех латиноамериканских странах. О том, как было раньше, рассказывают очерки второй части книги — «Из истории Кубы».

Не ставя перед собой задачу дать непрерывное изложение — хронику всего исторического пути Кубы, составители и авторы дали ряд очерков, приковывающих внимание читателя к наиболее характерным явлениям и узловым моментам истории страны, к тому, что представляет особый интерес для друзей сегодняшней Кубы.

В начале — группа очерков этнографического характера. Она открывается работой видного кубинского этнографа, профессора М. Риверо де ла Калье — «Коренное население Кубы» (стр. 159—191). Перед ученым стояла задача тем более трудная, что абorigены Кубы подверглись во время испанской агрессии начала XVI в. почти полному геноциду, а потомки немногих, оставшихся в живых, утратив свой язык, влились в ту «пеструю этническую мозаику» (стр. 163), которая образовалась на острове к концу XIX в. — к моменту завоевания Кубой независимости. Тем не менее, опираясь на результаты археологических исследований¹¹ и на отрывочные, зачастую противоречивые и не всегда ясные записи испанских хронистов — Педро Мартира, Бартоломе де Лас Касаса, Гонсало Фернандес де Овьедо, Адреса Бернальдеса — М. Риверо де ла Калье осуществляет интересную и, нам представляется, убедительную реконструкцию первоначального этнического состава населения острова, реконструкцию хронологического и географического расселения отдельных групп и вероятного антропологического облика их представителей. Серьезный научный и познавательный интерес представляют основанные на тех же источниках описания экономики и религии аборигенов, их жилищ, одежды, утвари, украшений. Следует подчеркнуть то сочувствие, которое проявляет автор, когда рассказывает о героическом сопротивлении почти безоружного населения острова первой в его истории агрессии — нашествию испанцев. Говоря, например, о герое тех времен касике Гуаме, автор с гордостью говорит, что он «... был инициатором партизанской войны на Кубе, ...первым нашим повстанцем» (стр. 177).

Непосредственным продолжением статьи кубинского ученого служит построенное на обширном документальном и литературном материале сообщение ленинградского этнографа А. Д. Дридзе «О судьбе первоначальных обитателей острова» (стр. 192—202). Это — трагическая летопись постепенного истребления и мучительного вымирания первых жертв европейского колониализма. Заслуживает также внимания попытка автора поставить и в положительном смысле решить вопрос об объективности выдающегося испанского хрониста XVI в. Б. де Лас Касаса.

Известно, далее, какое большое значение придает марксистско-ленинская наука фундаментальному исследованию проблемы формирования наций. Во весь рост встает эта задача сейчас перед нашими американцами: давно назрел вопрос об исследовании сложной и запутанной проблемы образования наций в Латинской Америке. М. И. Мохначев выступает на страницах рецензируемого сборника инициатором постановки и первоначального решения едва ли не самой актуальной части этой большой проблемы: он обращается к вопросу об образовании кубинской нации («К вопросу об образовании кубинской нации», стр. 203—233). И самую инициативу (надо иметь в виду, что этим вопросом почти не занимались даже кубинские историки, не говоря о зарубежных), и ее

¹⁰ Блас Рока, Основы социализма на Кубе, стр. 5.

¹¹ Интересно отметить сообщение (на стр. 166) об археологических находках, сделанных недавно Ф. Кастро и А. Нуньесом Хименесом.

конкретное осуществление нельзя не признать удачными. Сложный, обусловленный множеством часто противоречивых факторов процесс складывания кубинской народности, а затем и нации прослеживается автором в тесной связи с экономическим развитием страны, на фоне никогда не прекращавшейся борьбы с чужеземными властителями, с привлечением историко-литературных и культурно-исторических реминисценций.

Большой, живо написанной статьей И. Р. Григулевича «Антинародная деятельность католической церкви» (стр. 234—273) открывается собственно исторический цикл материалов второй части. Статья эта отличается своим широким хронологическим диапазоном, ибо посвящена такому персонажу кубинской истории, который активно действовал на ее арене четыре с половиной столетия: речь идет о католической церкви, список преступлений которой против народов Латинской Америки был открыт еще в конце XV в., в момент появления испанских захватчиков. К сожалению, проблема, возникшая в эпоху Колумба, по сей день не потеряла своей остроты и актуальности: по сей день революционная Куба, как отметил на XXII съезде КПСС т. Блас Рока¹², сталкивается с происками католического духовенства — традиционного союзника всех внутренних и внешних врагов кубинского народа. В этой связи обращает на себя внимание подмеченный И. Р. Григулевичем факт подавляющего преобладания иностранцев — испанцев и американцев среди кубинского духовенства.

Как убедительно показано в статье, история католического духовенства на Кубе — это история активного соучастия представителей клира в антинародных, античеловеческих деяниях всех тех эксплуататоров, которые на протяжении веков сменяли друг друга в роли хозяев Кубы, история их соучастия в истребительных походах конкистадоров, в бесчеловечном использовании рабского труда на плантациях, в многократном предательстве национально-освободительной борьбы. Показательно, что, будучи до конца XIX в. верной опорой испанского колониального режима, католическая церковь в лице как Ватикана, так и местных иерархов с большой охотой переходит в услужение к новому властелину — американскому империализму и его ставленникам типа Маchado и Батисты. Центр тяжести статьи — в освещении событий последнего трехлетия. После прихода к власти первого в истории Кубы подлинно народного правительства — правительства Фиделя Кастро католический клир снова в антинародном стане: организует бесконечные антиправительственные провокации, клеветает на социальные преобразования и, наконец, участвует — в лице наиболее оголтелых мракобесов — в бандитских вылазках контрреволюционного отребья.

Сейчас, когда так оживились разнообразные связи нашей страны с Кубой, когда в обоих направлениях осуществляются все более плодотворные поездки государственных деятелей и писателей, ученых и артистов, когда множество советских специалистов сельского хозяйства и промышленности передают свой трудовой опыт кубинским братьям на плантациях и предприятиях далекого острова, а сотни кубинских молодых крестьян изучают этот опыт на наших полях, — в такое время особенный интерес приобретает всякое достоверное известие о пребывании на Кубе в прошлом тех или иных представителей нашего народа. И поэтому вполне справедливо, что, вслед за статьей И. Р. Григулевича, освещение на страницах сборника наиболее значительных событий и черт собственно кубинской истории на время приостанавливается, уступая место статье Л. А. Шура о русских путешественниках на Кубу (стр. 274—301). Достоинства этой работы уже отмечались в нашей прессе¹³, однако здесь хотелось бы обратить внимание на весьма тщательную и тонкую работу исследователя над исключительно трудоемким материалом, рассеянным в различных архивных фондах и всевозможных журналах. Буквально «тысячи тонн словесной руды» пришлось поднять и переработать Л. А. Шуру, чтобы дать цельный этюд, где, кстати говоря, не только освещены разновременные поездки русских людей на Кубу, но и проанализировано отражение жизни Кубы на страницах русской печати. Заключительные страницы статьи, содержащие сведения о последнем периоде жизни и деятельности В. В. Верещагина, впервые публикуемые, будут с удовольствием встречены не только теми, кто интересуется странами Латинской Америки, но и историками нашего изобразительного искусства.

И снова — история Кубы, снова — теснейшая связь, перекличка с современностью. Три статьи, непосредственно примыкающие одна к другой — Е. В. Анановой и М. А. Окуневой, Э. Л. Нитобурга, З. А. Петровой, — составляют вместе как бы один очерк новой и новейшей истории Кубы, по существу — первый в советской историографии. Центральное место в этих статьях занимает, естественно, проблема взаимоотношений Кубы и США, развивавшихся — авторы убедительно, с привлечением множества документальных данных, говорят нам об этом — все время по линии непрерывного усиления притязаний американской буржуазии на Кубу, все более жесткого подчинения экономики, а с начала XX в. — и политики Кубы диктату США, все более катастрофического ухудшения жизненного уровня кубинских трудящихся, которые долгими десятилетиями были обречены на положение рабов американских монополий.

В статье Е. В. Анановой и М. А. Окуневой «Колониализм США и Куба в XIX — начале XX вв.» (стр. 301—356) показано, что родоначальниками экспансионистских устремлений США по отношению к Кубе — устремлений, достигших такого опасного для

¹² См. «Правду» от 23 октября 1961, № 297(15797), стр. 9.

¹³ См. Г. Кормушина, Пою тебя, Куба!, «Советская культура», 14 сентября 1961 г., стр. 4.

всего мира уровня в наши дни,— были рабовладельцы Южных Штатов и их идеологи и ставленники в правительстве США (стр. 303). Весь материал, изложенный в этом и последующих очерках, убедительно демонстрирует известную преемственность антикубинской политики США на протяжении полутора столетий: нынешние хозяева Белого Дома и Госдепартамента, несмотря на всю их «христианскую» и «демократическую» фразеологию,— прямые политические наследники злейших реакционеров и насильников XIX в.— южан-рабовладельцев.

Это коварство вашингтонских правителей, в течение всего XIX в. сознательно тормозивших и предававших национально-освободительное движение на острове, привело к тому, что кубинский народ почти на целое столетие позже своих латиноамериканских братьев добился независимости от испанского колониализма и абсолютизма. Это американский капитал с помощью своих вооруженных сил и своей агентуры неоднократно за последние полвека срывал героические усилия революционных масс Кубы, направленные на достижение подлинной независимости своей родины. Так было в 1898—1902 гг., когда кубинский народ, ценой огромных жертв ликвидировавший испанское господство, подпал под иго Соединенных Штатов. Так было и в первой половине 1930-х гг.— в период бурных революционных событий, которым посвящена вторая из перечисленных работ: статья Э. Л. Нитобурга «Освободительное движение на Кубе (конец 20 — начало 30-х гг. XX в.)».

В эти годы, пишет Блас Рока, «Куба вступила в новый период революционной борьбы, достигшей своего кульминационного пункта в 1933 г. Этот подъем привел в 1940 г. к принятию новой конституции»¹⁴. На основе широкого круга источников, многие из которых использованы впервые в нашей литературе, Э. Л. Нитобург показывает, что освободительное, антиимпериалистическое движение кубинского народа поднялось в рассматриваемый период на новый, более высокий уровень, выросли классовое самосознание и организованность рабочего класса, выступившего не только как главное действующее лицо в борьбе за свержение диктаторского режима Мачадо, но и как знаменосец программы ликвидации колониального проимпериалистического режима. В статье также весьма обстоятельно показано, как американский империализм, используя самый разнообразный арсенал средств нажима — вплоть до шантажа военной интервенцией, сумел свергнуть первое действительно национальное кубинское правительство и поставить у власти в Гаване верного слугу монополий Уолл-стрита Фульхенсио Батисту.

Тем не менее, как справедливо отмечает автор статьи, революционные битвы этих лет — победы, одержанные кубинским народом и понесенные им поражения, — не прошли для него бесплодно. Укрепили свои позиции и приобрели богатый опыт классовый и антиимпериалистической борьбы демократические силы. Все это сыграло немалую роль в дальнейшем развитии освободительной борьбы на Кубе и наложило свой отпечаток на формирование взглядов нового поколения кубинцев, которому суждено было четверть века спустя освободить свою родину и повести ее по пути строительства нового, социалистического общества.

Третья работа из упомянутого цикла — статья З. А. Петровой «Американский империализм и общественная жизнь Кубы в период диктатуры Батисты» (стр. 408—420), с одной стороны, подводит читателя к материалам I части сборника, рисуя обстановку на Кубе накануне Январской революции, а с другой — служит как бы мостиком к III части, целиком посвященной вопросам кубинской культуры, за редкими исключениями (Н. Гильен, Х. Р. Капабланка, отчасти Х. М. Эредиа) бывшей для русского и советского читателя до самых последних лет настоящей «*Terra incognita*». Как и предыдущие разделы, финальный цикл открывает статью кубинского автора — выдающегося революционера и ученого, основоположника марксистско-ленинского литературоведения в странах Латинской Америки проф. Хуана Маринельо «Революция и просвещение» (стр. 428—430). Х. Маринельо знакомит нас с тем поистине революционным переворотом, который произошел на Кубе после 1 января 1959 г. в области просвещения. Страна вопиющей неграмотности нуждалась в немедленном распространении просвещения, правительство Фиделя Кастро, при единодушной поддержке народа и при бескорыстной, самоотверженной помощи трудовой интеллигенции и студенчества, взялось за решительное искоренение тяжкого наследия колониализма в области культуры. Уже достигнутые успехи поразительны: «...можно с полным основанием утверждать,— пишет тов. Маринельо — что 1 января 1962 г. Куба предстанет перед своими латиноамериканскими братьями единственной страной в Америке без неграмотных» (стр. 428). Предстоит великое дело приобщения трудящихся Кубы к ценностям мировой и национальной культуры. О важнейших явлениях последней, создававшейся трудовым народом и его передовыми умами за долгие века нищеты и рабства, рассказывают на страницах сборника литературоведы В. С. Столбов, В. Н. Кутейщикова и Л. О. Осоват.

Статья В. С. Столбова, уже на протяжении ряда лет исследующего творчество замечательного кубинского поэта-революционера Хосе Марти — «Марти — борец за независимость» (стр. 431—473) по своему значению выходит за рамки чисто литературоведческого очерка, освещая, наряду с поэтическим творчеством великого кубинца, основные этапы его революционной и публицистической деятельности, эволюцию его философских и социально-политических взглядов. Если учесть, что уже раньше в статье И. Р. Григулевича был дан анализ взглядов Х. Марти на религию и церковь (см. стр. 244—246)

¹⁴ Блас Рока, Основы социализма на Кубе, стр. 124.

становится ясным, что советский читатель сможет получить теперь более полное и четкое представление о выдающемся представителе латиноамериканской культуры, наше первое знакомство с творчеством которого состоялось всего лишь несколько лет назад¹⁵.

В. Н. Кутейщикова, прослеживая в своей статье «Социальная тема в кубинской поэзии XX в.» (стр. 474—497) дальнейшее развитие кубинской поэзии, показывает, как в творчестве лучших кубинских поэтов XX в. были продолжены и развиты благородные традиции Марти — страстный протест против колониализма, глубокое сочувствие угнетенным, горячий патриотизм, призыв к революционной борьбе за освобождение родины.

Вслед за этой обзорной по своему характеру статьей Л. О. Осповат сосредоточивает внимание читателя на некоторых сторонах творчества уже давно любимого советским читателем Николаса Гильена — крупнейшей фигуры современной кубинской и — вместе с П. Нерудой — латиноамериканской поэзии (стр. 498—533). Если жизнь и творчество Марти, столь мало известные у нас, нуждались во всестороннем, монографическом по своему характеру освещении, что, как мы видели, не без успеха было выполнено В. Столбовым, то Н. Гильен уже не раз привлекал к себе внимание советских исследователей, и потому Л. О. Осповат вполне оправданно темой своих новых изысканий избирает лишь то, что ближе всего соприкасается с историко-этнографической проблематикой сборника — вопрос о взаимосвязи творчества Гильена с фольклором. Автор подчеркивает своеобразие развития поэзии на Кубе по сравнению с другими странами Латинской Америки, отмечая, что на этот процесс оказали влияние два основных культурно-этнических компонента — испанский и негритянский, при отсутствии (в отличие от других латиноамериканских литератур) аборигенного влияния, потому что индейцы были почти полностью истреблены колонизаторами. Раскрывая народность поэзии Н. Гильена, критик подчеркивает, что она «не была результатом «подделывания» под народный тон, под готовые фольклорные формы, — она вытекала прежде всего из близости их автора к тем живым людям, которые были создателями и носителями фольклора» (стр. 511). Эта органическая близость к трудящимся приводит Гильена, на ранних этапах своего творчества еще далекого от политических симпатий и антипатий, в антиимпериалистический лагерь, а позже к участию в гражданской войне в Испании (1936—39 гг.) и к вступлению в ряды Коммунистической партии.

Заключительные очерки — «О кубинской живописи» В. М. Полевого (стр. 534—556) и «Музыкальная культура Кубы» И. З. Аландера (стр. 557—593) — раскрывают перед нами совершенно неведомый мир яркого и самобытного искусства далекого острова. Знакомство с этими вдумчивыми, содержательными статьями лишний раз убеждает, как необходимо советским людям познакомиться непосредственно с образцами произведений кубинских мастеров искусства. Не подлежит сомнению, что крепнущие с каждым месяцем, с каждым днем советско-кубинские культурные связи предоставят нам уже в недалеком будущем такую возможность.

Одним из проявлений этих связей и служит замечательная книга, инициатива в создании которой принадлежит Институту этнографии Академии наук СССР. Написанная с настоящим творческим подъемом, она с живейшим интересом и большим удовлетворением встречена и у нас, и на революционной Кубе¹⁶. Высокие научные достоинства книги — продуманность ее композиции, исследовательское мастерство авторов и богатейший научный аппарат — дополняются общей живостью изложения и высоким полиграфическим исполнением. Заслуженному успеху книги во многом способствует ее отличное оформление, выполненное с большой любовью и со стремлением сделать результаты исследовательской работы большого коллектива ученых максимально доступными широкому кругу читателей — стремлением, давно уже необходимым для наших научных изданий. Нельзя не отметить такую существенную особенность книги, как большое число великолепных фотоиллюстраций, значительная часть которых принадлежит выдающемуся мастеру фотокиноискусства Роману Кармену; ряд снимков прислал проф. Нуньес Хименес.

Сборник «Куба» — наглядный пример активного восприятия большой группой ученых того требования общественности об усилении яркости и доступности научных изданий по истории, которое так настойчиво прозвучало на страницах нашей печати в предсезонские месяцы. Ответив делом на это законное требование, Институт этнографии АН СССР сделал достойный подарок XXII съезду партии.

В. Афанасьев

¹⁵ См. Х. Марти, Избранное, М., 1956.

¹⁶ См. «Revolución», 7 октября 1961 г., стр. 2.

МАРКСИСТСКИЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ КАНАДЫ *

Книга прогрессивного общественного деятеля Канады С. Райерсона «Основание Канады. Начальный период до 1815 г.» представляет собой первый том его большого исследования по истории Канады. Публикация его — большое событие в историографии Ного Света, важнейший вклад в марксистское понимание истории народов Северной Америки вообще и канадского народа в частности. Это уже не первый труд С. Райерсона. Автор зарекомендовал себя как историк-марксист своими более ранними публикациями по истории Канады: «French Canada» (Toronto, 1943), «1837, Birth of Canadian democracy» (Toronto, 1937), «A World to win» (Toronto, 1950) и целым рядом статей о революционном движении в Канаде.

Настоящая публикация — плод многолетних исследований автора по истории Канады — представляет собою яркий образец марксистского анализа процессов образования и развития Канады на первоначальных этапах ее истории, когда закладывались основы национального развития страны. С. Райерсон очищает историю Канады от всякого рода искажений и расистской шелухи буржуазной историографии и показывает подлинное лицо канадского народа как творца истории своей страны. Основываясь на марксистско-ленинской методологии, автор дает совершенно объективное освещение первого периода истории Канады, деля его на три этапа: 1) доколониальная Канада (период развития аборигенных культур), 2) Канада как колония Франции и 3) Канада — колония Англии.

В предисловии автор следующим образом определяет цели своего исследования. «Я надеюсь проложить путь, наметить возможные линии перехода к марксистской интерпретации истории Канады» (стр. VIII). Как показывает все содержание книги, автор блестяще справился с поставленной задачей.

В противовес буржуазным ученым Райерсон начинает историю страны не с открытия и захвата ее территории «белыми» колонизаторами, а с периода образования материка и заселения его первыми людьми. В I—VI главах автор обстоятельно знакомит своих читателей с геологическим прошлым американского материка, историей заселения его первыми людьми — предками современных индейцев и эскимосов. На широком этнографическом, археологическом и историческом материале Райерсон рисует живую картину состояния аборигенного общества перед колонизацией, показывая разнообразие форм первобытно-общинных отношений, сложившихся к этому времени у различных групп первых насельников страны.

В этих главах автор справедливо критикует различного рода искажения истории индейского населения в трудах некоторых буржуазных ученых, справедливо оценивая в то же время объективное изучение местных культур плеядой честных ученых Канады и США. Он по-новому освещает борьбу индейцев и эскимосов за свою независимость и существование. В его книге индейское население встает перед нами как творец своеобразной культуры, упорно отстранявший ее от посягательства колонизаторов.

Этнографические, археологические и исторические материалы, относящиеся к этому периоду истории Канады, изучены автором так же основательно, как и материалы по более позднему — колониальному — периоду ее истории, глубоким знатоком которой Райерсон показал себя в своих более ранних работах.

Книга С. Райерсона разоблачает миф о расовом превосходстве «белых». В ней впервые в историографии Канады достойно оценено значение достижений культуры индейцев и эскимосов в истории развития страны, в ее хозяйственном и культурном освоении. «Эти народы, — пишет он, — были первыми основателями Канады. Их труд создал материальную культуру, которая развивалась в течение веков до вторжения европейцев в Северную Америку. А когда появились европейские торговцы, трудом аборигенных народов они создавали свои богатства» (стр. 18).

Он отвергает чуждое марксизму дискриминационное деление на доколониальный — «доисторический» — и колониальный — «исторический» периоды истории, устанавливая непрерывность исторического развития страны на всем протяжении ее развития. В этой связи досадно, что в книгу вкрались некоторые неточности, например употребление термина «предыстория» на стр. 18—20 противоречит пониманию автором истории как непрерывного процесса развития. В таком же противоречии концепциям автора находится фраза, употребленная, правда, однажды, при характеристике первобытно-общинного строя: «Частная собственность ограничивалась вещами личного пользования» (стр. 15). Речь идет, несомненно, о личной собственности: частной собственностью ее называют буржуазные ученые, стремящиеся доказать вечность частной собственности, автор же данного труда убедительно показывает (особенно в V главе) преходящий характер частной собственности.

В таблице на стр. 26 вкралась несомненная опечатка: ирокезы отнесены к охотничьим племенам, а алгонкины — к земледельцам. На самом деле должно быть наоборот, это очевидно из текста на стр. 15 и 32. Думается, что не совсем верно приписывать высокую продуктивность рыболовства у индейцев Северо-Западного побережья только изобилию рыбных ресурсов. Необходимо было бы отметить сравнительную развитость техники и методов рыболовства, высокую степень приспособления орудий лова к разнообразным условиям лова. На стр. 39 при перечислении утвари северо-западных индей-

* Ryerson Stauley, B. The founding of Canada. Beginnings to 1815. Toronto. 1960. 340 стр.

цев необходимо было бы прежде всего указать на деревянные сосуды, так как обработка дерева была ведущей отраслью ремесленного труда индейцев.

Несмотря на отмененные незначительные погрешности, этот раздел работы С. Райерсона представляет собою по существу первое в историографии Нового Света марксистское освещение «доисторического» периода в истории не только Канады, но и американского материка в целом.

Второй раздел книги начинается с VII главы, в которой автор кратко, но с большим мастерством характеризует Европу эпохи первоначального накопления и великих географических открытий, закладывания основ колониализма. «Открытие Америки и рождение колониализма,— пишет С. Райерсон,— были составной частью революционного процесса смены феодализма капиталистическим способом производства» (стр. 48). В главах VIII—IX дается анализ периода «вторичного» открытия американского материка испанцами, португальцами, англичанами и французами. Первое открытие материка, как подчеркивает автор, было сделано индейцами и эскимосами, внесшими достойный вклад и во вторичное его открытие. Первые путешествия Шамплена и скупщиков пушнины в глубь материка, отмечает автор, по существу не были открытиями, это были скорее поездки по продолженным индейцами путям и с помощью индейских проводников. Индейцы научили французов ориентироваться в лесу, пользоваться лыжами и лодками в условиях новой страны. Они же были основной рабочей силой.

В X главе описывается первый период европейской колонизации Канады. Автор отмечает, что использование естественных богатств страны началось с ловли рыбы у берегов ее будущих приморских провинций. «Первыми европейцами, достигшими берегов Северной Америки после исландцев и датчан.— пишет Райерсон,— были, по всей вероятности, не знаменитые путешественники, а безвестные китоловы и рыбаки, ловившие треску» (стр. 57). Они-то и основали первые поселения на атлантическом побережье Канады, они же положили начало меховой торговле, на целые три столетия ставшей основой экономики Новой Франции. Особенно рыболовный промысел начал развиваться со времени путешествия Кабота в 1497—1498 гг., описавшего рыбные богатства отелей близ Нью-Фаундленда. С. Райерсон дает марксистский анализ складывавшихся в рыболовном промысле капиталистических производственных отношений.

Глава XI знакомит читателя с характером и значением меховой торговли в развитии американской колонии Франции. На большом фактическом материале автор показывает методы ограбления индейских звероловов, на колониальной эксплуатации труда которых процветали купеческие компании Франции. Путем спаивания индейцев и разжигания межплеменных войн скупщики пушнины сознательно ослабляли индейцев, чтобы полностью подчинить их себе (стр. 88). Шамплен, например, оказывал помощь индейцам в их войне с могауками: «Вмешательство европейцев.— пишет Райерсон,— превратило некогда спорадические и местные столкновения между индейскими племенами, восставшими с помощью лука и стрел, в истребительные войны взаимного уничтожения, которые велись с помощью огнестрельного оружия и охватывали большие территории» (стр. 89). По-новому освещая индейский вопрос, Райерсон прослеживает длившееся в течение трех столетий разрушительное воздействие европейцев на века складывавшийся жизненный уклад индейцев. Этнографы же США — Ф. Спек, Дж. Купер, И. Халлоуэлл, изучая эти же племена в XX в., описывали их быт и культуру как примитивные, якобы не тронутые европейской цивилизацией, и, таким образом, сознательно искажали историю, игнорируя 300-летний период в истории индейцев — период эксплуатации и ограбления их европейскими скупщиками пушнины, в течение которого в жизни индейцев произошли коренные изменения: пришли в упадок древние первобытно-общинные отношения, складывались отношения частной собственности. Описывая эти последние и сознательно примитивизируя их, буржуазные авторы пытаются доказать извечность частной собственности.

Специальную главу (XII) Райерсон посвящает характеристике значения ирокезской конфедерации в период колонизации Канады, борьбе ирокезов с колонизаторами. «Те, кто не хотел стать эксплуатируемыми и подчиненными „союзниками“, должны были вести войну, чтобы выжить. Таковы были племена ирокезской конфедерации. Их земли лежали на пути французского проникновения в глубь материка» (стр. 90). На большом фактическом материале автор показывает, как политика европейских держав в отношении индейцев диктовалась интересами торговцев мехами. Он окончательно разоблачает миф о природном «коварстве» ирокезов, якобы толкавшем их на истребительные войны с другими индейскими племенами. На конкретных примерах автор показывает, как межплеменные войны инспирировались и разжигались торговцами пушниной. Автор отмечает значение ирокезской конфедерации как важного фактора в колониальной борьбе между Англией и Францией и высоко оценивает мудрость политики этой конфедерации (стр. 143).

Главы XIII и XIV посвящены анализу условий оседлой колонизации Канады французами, основное ядро которой, наряду с солдатами, составляли рабочие и землепашцы (стр. 99). По характеру своему это была военно-феодалная колонизация. В Канаду были перенесены общественно-экономические отношения, господствовавшие во Франции XVII в.: «феодалное землевладение, торгово-капиталистическая коммерция и феодально-абсолютистская монархия» (стр. 105). Анализируя специфику этих отношений в условиях Канады, автор отмечает факт замалчивания буржуазными историками фео-

дальной эксплуатации в Новой Франции, убедительно показывая, что изображаемая этими учеными «идиллическая» картина «сельского равенства между сеньорами и мелкими держателями земли» (стр. 109) не соответствует действительности. Он вскрывает далее необоснованность их утверждений, что социально-экономическая организация в стране соответствовала интересам народа. Приводимые в книге факты крестьянских восстаний, вызванных различного рода феодальными повинностями, убедительно показывают, что эта система соответствовала интересам феодалов, а не народа.

В XV главе автор прослеживает элементы зарождения капиталистических отношений в Канаде, развитие которых сдерживалось ограничительными мерами метрополии и феодальными отношениями внутри колоний. Появление местной буржуазии, интересы которой сталкивались с интересами торговой буржуазии метрополии, положило начало борьбе канадцев за самоуправление и **представительные органы**.

С. Райерсон выявляет глубокие исторические корни национального самосознания франко-канадцев. «Уже в 1651 г., — пишет он, — колонисты называли себя «канадцами», чтобы отличить себя от французов Старой Франции» (стр. 122). Колониальный гнет Франции вызывал национальное сопротивление франко-канадцев, слившееся с социальным протестом.

В XVI главе, посвященной анализу расстановки классовых сил в Новой Франции, особенно ярко обрисована реакционная роль воинствующего католического духовенства в жизни канадского народа. Роль церкви в подчинении и ограблении индейцев хорошо иллюстрируется приводимой в книге цитатой из письма губернатора Денонвиля, который писал: «Индейские племена можно держать в повиновении только благодаря миссионерам, только святые отцы в состоянии подчинять их нашим интересам и удерживать их от восстания, которое иначе взорвалось бы не сегодня, так завтра» (стр. 120). В отношении же к колонистам европейского происхождения католическая церковь занимала господствующее положение и вмешивалась во все стороны жизни канадцев. Автор показывает в то же время острые противоречия как внутри духовенства, так и между церковью и правителями Новой Франции.

В главах XVII—XIX дается анализ влияния английской революции и последующего англо-французского соперничества на жизнь канадского народа и на развитие страны.

С большим интересом читается глава XX о культурных достижениях Новой Франции. Несмотря на то, что развитие национальной культуры Канады в XVII—XVIII вв. сдерживалось колониальными ограничениями и господством церкви, франко-канадцы создали свою особую по форме культуру, которая была «одновременно и французской и канадской» (стр. 167). Характерной особенностью франко-канадской культуры была ее национальная однородность, хотя она и впитала в себя элементы культуры как многочисленных колонистов из различных стран Европы, так и индейцев. Автор справедливо отмечает, что культура индейцев и эскимосов «оказала творческое влияние на образ жизни в Новой Франции» (стр. 165). Этой главой заканчивается период Французской Канады.

Главы XXI—XXXIII посвящены истории Канады как колонии Англии. В этот период шел процесс англоизации Канады и упорной борьбы франко-канадцев за свое национальное существование. В английский период истории страны Канада превращается в продолжение метрополии, но отличное от колоний с цветным населением. Переход Канады к Англии ускорил капиталистическое развитие страны и определил вместе с тем ее двухнациональный характер.

Экономика Канады развивалась от колониальной меховой торговли к капиталистическому промышленному производству и торговле. Скоро интересы колонии столкнулись с интересами метрополии. Выступления против колониальных ограничений приняли характер общеканадской борьбы за самоуправление, за независимость от метрополии. Революционные выступления канадцев помогли стране выжить во время длительной англо-французской борьбы, во время американской революции и британской войны против восставших колоний, а также в 1812 г., когда Англия вновь начала кровавую войну. В этой борьбе складывалось общее самосознание англоязычного и франкоязычного населения страны как канадцев, тогда как в первый период английского господства в стране канадцами считалось лишь французское, т. е. угнетаемое, население колонии — англичане тогда еще к канадцам себя не причисляли.

С переходом Канады к Англии национальный вопрос приобрел особую остроту. Попытки со стороны англичан англоизировать франко-канадцев лишь содействовали укреплению национального самосознания последних в их борьбе за свое национальное существование. Национальные противоречия между франко-канадцами и англо-канадцами нередко разжигались и использовались реакционными элементами в стране, чтобы помешать их общей борьбе за самостоятельное развитие Канады.

С. Райерсон дает глубокий анализ особенностей исторического пути, экономических, политических и социально-бытовых условий развития двух наций.

Анализируя целый ряд важнейших исторических событий, он вскрывает причины развития патриотизма канадцев, который сыграл решающую роль в том, что Канада не стала одним из штатов США.

Формирование канадской общности из двух наций, как рассказывает С. Райерсон, представляет собою длительный и весьма сложный исторический процесс, в огромной степени стимулировавшийся давлением извне — колониалистскими интересами

Англии и США. Особенно активно этот процесс развивается в Канаде сегодняшнего дня перед лицом угрозы захвата Канады американским империализмом.

С. Райерсон вскрывает необоснованность и ошибочность интерпретации буржуазными историками Канады и США целого ряда событий в истории Канады: в частности оценки ими Квебекского акта (1774), отношения канадского народа к восставшим колониям Англии в Северной Америке, влияния революционной борьбы в этих колониях, а также французской революции на канадский народ. Демократия в Канаде, как убедительно показывает Райерсон, выиграла как от американской, так и от французской революции. Автор прослеживает глубокие исторические корни демократических традиций канадского народа.

Большой интерес представляет собою глава о рабстве негров и индейцев в Канаде, носившем в основном характер домашнего рабства, и борьбе канадцев за отмену его. Значение рабства в истории Канады Райерсон справедливо видит не столько в его экономическом значении, сколько в том, что оно содействовало развитию предрассудков «белого» шовинизма и расизма (стр. 238). Специальная глава (XXIX) посвящена истории открытия и колонизации северо-запада Северной Америки — Русской и Британской Америки.

На страницах книги Райерсона канадский народ выступает как подлинный творец своей истории и культуры. В качестве активных творцов истории в ней нашли свое место индейцы и эскимосы, рыбаки и моряки, лесорубы и плотники, горняки, кузнецы и земледельцы. Все они упорно отстаивали независимость своей новой родины, поднимая ее целину, вырубая леса и строя свои дома, деревни, города.

Бесспорно, этот труд С. Райерсона вместе с его более ранними исследованиями и работами другого виднейшего марксиста-историка Канады — Тима Бака (особенно с его недавно вышедшей книгой «Our fight for Canada», Toronto, 1959) создают прочный фундамент для развития марксистской историографии в Канаде. Практическое значение этих книг для понимания настоящего этой страны и ее будущего не может быть переоценено. Революционное прошлое канадского народа, сумевшего отстоять свою самостоятельность перед лицом агрессии США в 1812 г., дает прекрасный урок и служит источником вдохновения для его борьбы с современным наступлением на Канаду американского империализма.

Ю. Аверкиева

Ben Adams. *Alaska: The Big Land*. New York, 1959, 212 стр.

Книга Б. Адамса «Аляска — Большая Земля» посвящена недалекому прошлому и сегодняшнему дню Аляски, недавно объявленной 49 штатом США. Эта книга представляет собой рассказ о жизни пришлого и коренного населения современной Аляски, о его борьбе за свои гражданские права. Б. Адамс стремился дать читателю общее представление об истории, экономике, природе, положении коренного населения Аляски, о занятиях и культуре американцев Аляски, о проблемах, стоящих перед молодым штатом и т. п. Книга предназначена для широкого круга читателей и богато иллюстрирована.

«Большой Землей» русские в начале XVII в. называли страну к востоку от Чукотки. Современное название этой страны происходит от алеутского слова «Алахсхак» (материк); этим словом алеуты обозначали полуостров Аляску (у русских XVIII в. иногда «Алякса»). Автор неточно переводит это название как «Большая Земля».

Развернувшееся во время и особенно после второй мировой войны огромное военное строительство на Аляске придало однобокий, уродливый характер экономике края. Военный «бум» сильно способствовал росту «белого» населения края за счет иммиграции из США. Достаточно сказать, что около четверти населения Аляски составляют теперь военнослужащие (стр. 53). Аляска превращена империалистической буржуазией США в плацдарм для войны с СССР. Густая сеть военно-воздушных баз покрыла Аляску. «В самых отдаленных арктических деревнях, — пишет Б. Адамс, — вы сегодня увидите радарные вышки...» (стр. 50).

В первой главе автор показывает ошибочность некоторых представлений об Аляске, имеющих хождение среди многих жителей США за ее пределами — о слишком холодном климате, о составе населения и его образе жизни. Большинство населения, пишет автор, составляют теперь не эскимосы, а американцы. Из 210 тыс. человек в 1958 г. на коренное население приходится около 34 тыс. (16 тыс. эскимосов, 14 тыс. индейцев и 4 тыс. алеутов).

Б. Адамс отмечает характерную особенность современной Аляски — сочетание древних и новейших элементов культуры. В отдаленных эскимосских деревнях по-прежнему имеет большое значение охота на кита и тюленя, для чего используются умиаки с моторами; во многих поселениях Аляски единственными видами транспорта являются собачья упряжка и самолет и т. п.

Уходит в прошлое ведущая роль добычи золота, так прославившего Аляску. Важнейшей отраслью хозяйства остается рыболовство. Большие перспективы открываются перед добычей угля и нефти.

Истории Аляски Б. Адамс посвятил главы 2 и 5. Он отмечает, что многое в современной Аляске напоминает о ее русском прошлом: географические названия, православные церкви и другие памятники старины, старые русские книги, которые еще можно увидеть у старожилов. В бывшей столице Русской Америки г. Ново-Архангельске (ныне Ситка) сохранились отдельные русские исторические памятники.

Следует отметить, что автор не упомянул ни о плавании Федорова и Гвоздева в 1732 г., ни об А. И. Чирикове, игравшем не меньшую роль в экспедиции Беринга 1741 г., чем ее руководитель. Хотя краткое изложение основных событий русского периода истории Аляски достаточно объективно, однако автор допускает ряд неточностей и ошибочных утверждений. Подводя итоги многолетней деятельности торгово-промышленной Русско-Американской компании, автор пишет, например, что русские никогда не проникли во внутренние районы Аляски, почти не занимались сельским хозяйством и не прикасались к минеральным богатствам (стр. 24). В действительности же русские предприняли во внутренние районы Аляски ряд экспедиций, имевших наибольший успех на западе, в бассейнах рек Юкон и Кузоквм. В ограниченных размерах было введено огородничество и животноводство. В середине XIX в. на Кенайском полуострове добывали уголь и слюду.

Первые годы после перехода Аляски в руки США ознаменовались отсутствием гражданского управления, произволом солдат, страхом местных поселенцев перед местью со стороны индейцев-тлинкитов, возмущенных насилием американцев. В 1870 г. дельцы из Сан-Франциско создали «Аляскинскую торговую компанию», долгохозяйничавшую в крае. Новую эпоху в истории Аляски открыла в 1897 г. юконская «золотая лихорадка». За несколько лет население Аляски удвоилось. Ее трудящиеся все настойчивее добивались самоуправления. Автор разоблачает те силы, которые десятилетиями тормозили развитие края.

В главе «Битва за права штата» Б. Адамс показывает, как в XX в. трудящиеся и мелкие предприниматели Аляски добивались расширения своих гражданских прав, ликвидации засилья капиталистических монополий, предоставления краю прав штата. Но вопрос об Аляске стал «политическим футболом» для конгресса США (стр. 93). Лишь 30 июня 1958 г. «территория» Аляска была преобразована в штат.

Наибольший интерес для этнографа имеет глава 4 («Первые аляскинцы»), посвященная условиям жизни эскимосов, индейцев и алеутов в современной Аляске.

Если перед второй мировой войной аборигены составляли почти половину населения Аляски, то в 1958 г., после массовой иммиграции американцев, доля аборигенов в населении штата резко уменьшилась, составив одну шестую часть.

Колонизация сильно изменила условия жизни народов Аляски, основными занятиями которых были рыболовство и охота на морского и сухопутного зверя. Эти отрасли хозяйства и сейчас остаются основными (стр. 74). Но теперь они уже не могут обеспечить коренное население продовольствием и одеждой, и многим аборигенам приходится работать по найму. В 1890 г. миссионер Шелдон Джексон организовал завоз домашних оленей с Чукотки и с тех пор оленеводство стало важной отраслью хозяйства эскимосов на западе Аляски. Но американские дельцы довели оленеводство до полного упадка; эскимосы обвиняют их в коммерческом подходе к оленеводству. Как пишет автор, правительство теперь разрешает владеть оленями стадами только эскимосам (стр. 81).

Автор приводит ряд фактов о правовом положении аборигенов, об отношении к ним американцев. В недавнем прошлом на Аляске встречались факты расовой дискриминации. Еще в годы второй мировой войны в Джуно и других городах можно было увидеть объявления: «Туземец здесь не обслуживают». В 1945 г. законодательное собрание Аляски запретило расовую дискриминацию, признало необходимым покончить с раздельным обучением в школе. В 1955 г. была запрещена дискриминация при найме на работу. Все эти завоевания были достигнуты в совместной борьбе коренных жителей и «белых» граждан Аляски за свои права. Не без помощи голосов «белых» избирателей в законодательное собрание было избрано несколько индейцев и эскимосов (стр. 61). Но, как это признает и автор, до фактического равенства коренного и «белого» населения еще далеко. Делами, непосредственно касающимися коренного населения Аляски, ведают «Туземная служба Аляски», подчиняющаяся Управлению по делам индейцев Министерства внутренних дел США. Перед эскимосами, индейцами и алеутами стоят сложные задачи приспособления к новым условиям жизни.

Из коренного населения наибольшую роль в жизни современной Аляски играют тлинкиты на юго-востоке штата и эскимосы западной Аляски. Автор рассказывает об известном на Аляске тлинките Рое Ператровиче. Ператрович учился в колледже г. Беллингема (штат Вашингтон), затем посещал Денверский университет и одновременно изучал финансы. Теперь он работает ревизором по выдаче государственных ссуд в «Туземной службе Аляски». Его брат Фрэнк в течение ряда лет является сенатором законодательного собрания штата. Но таких преуспевающих деятелей с высшим образованием — единицы.

У индейцев юго-восточной Аляски есть своя организация — «Туземное братство Аляски», задачей которого является борьба за гражданские права, помощь в получении индейцами образования и т. п. Во главе этой организации стоит Рой Ператрович.

Приведенные в книге факты говорят о больших трудностях, с которыми эскимосы и индейцы сталкиваются в своей повседневной жизни. Трудно получить работу из-за недостаточного и однобокого развития экономики Аляски. В беседе с автором Р. Пера-

трович говорил о слишком большой зависимости индейцев юго-восточной Аляски от рыболовства, которое в последние годы не обеспечивало их нужды. Если же где имеется работа, то индейцев часто принимают в последнюю очередь. Им редко удается устроиться в органах управления помимо «Туземной службы» (стр. 62).

Не разрешена и жилищная проблема. В «белых» городах аборигены живут в плохих домах на окраинах. «Их экономика в туземных деревнях ненадежна, их положение в городах непрочно», — пишет автор (стр. 63).

Многие эскимосы и индейцы в последние годы зарабатывают себе на пропитание различными ремеслами, развитие которых поощряет «Туземная служба Аляски». Создаются кооперативы по сбыту изделий художественного ремесла (миниатюрные тотемные столбы, скульптуры из моржового клыка, легкая обувь и т. д.). Ремесленники, изготавливающие предметы национальной одежды и обуви, в последнее время встречаются слишком большие трудности из-за конкуренции фабричных изделий. Автор приводит такой пример с кооперативом скорняков в Номе (стр. 80).

Лишь в последние годы на Аляске осознали художественную ценность деревянной скульптуры индейцев (тотемные столбы). «Сохранение произведений старого искусства», — отмечает автор, — теперь считается первостепенной культурной задачей, и прекрасные образцы туземного искусства можно увидеть в музее в Джуно и музее Шелдона Джексона в Ситке» (стр. 77).

Широкой известностью на Аляске пользуется эскимосский художник Джордж Ахгупук. Только в последнее время он смог стать профессиональным художником. Он поселился в пригороде Анкориджа в доме, построенном на средства от продажи своих рисунков на оленьей коже. В рецензируемой книге помещено несколько репродукций с рисунков Ахгупука со сценами из жизни старой и современной Аляски.

Автор приводит сведения о состоянии народного образования среди аборигенов Аляски. В настоящее время дети индейцев и эскимосов в крупных населенных пунктах учатся вместе с детьми «белых», в отдаленных же поселениях функционируют туземные начальные школы. В районе Маунт-Эджкумб, около Ситки, имеется школа второй ступени для туземных детей старшего возраста. Автор подробно рассказывает о постановке обучения в этой школе-интернате, где обучается около 600 учащихся. В сентябре сюда доставляют на самолетах учеников со всех концов Аляски. Обучение имеет практический уклон. Беда заключается в том, что школа «безднажно переполнена».

В среднем по Аляске дети индейцев, эскимосов и алеутов учатся около пяти с половиной лет, что вдвое меньше периода обучения детей «белых» (стр. 62). Не менее важной проблемой является применение в жизни полученных знаний, особенно технических.

Автор приводит мнение некоторых «белых» аляскинцев, находящихся в хорошо приспособленной к природным условиям Аляски старой культуре аборигенов много полезного и выступающих против огульной американизации (стр. 76).

Приведя краткую характеристику основных этнических групп, автор указал, в частности, на тяжелое положение атапасков во внутренних районах Аляски. Культурный уровень их ниже, жизнь более тяжелой и суровой. «Их контакт с белым человеком установился несколько позже, но был даже более роковым» (стр. 67). Именно на атапаскских землях, ранее крайне редко населенных, в середине XX в. возникли густо населенные районы новой колонизации вокруг крупнейших городов Аляски — Анкориджа и Фэрбенкса; здесь проживает около ста тысяч американцев. Других же районов в бассейне Юкона изменения коснулись мало; известные ранее Форт-Юкон и Серкл представляют собой сейчас индейские деревни (стр. 181).

Настоящим бедствием коренного населения Аляски является туберкулез. Автор приводит цифры, говорящие о том, что коренное население Аляски гораздо больше страдает от этой болезни, чем остальное население США. Принимаемые меры совершенно недостаточны. «Плохие жилищные условия и санитарное состояние увековечили болезнь», пишет автор (стр. 69).

«Коренное население Аляски находится в переходном состоянии между старым и новым» (стр. 64). Автор ставит благосостояние народов Аляски в прямую зависимость от всестороннего развития экономики штата и отмечает тенденцию вовлечения аборигенов в общее русло жизни всего населения штата (стр. 82).

В связи с милитаризацией Аляски автор говорит о службе сотен эскимосов и алеутов в «Национальной гвардии Аляски» в качестве разведчиков. В армии они приобретают некоторые технические знания (стр. 48).

Б. Адамс хорошо понимает ненадежность военного направления в развитии Аляски. «Аляска, очевидно, нуждается в здоровой мирной экономике...», пишет автор (стр. 55). Он прямо указывает на смертельную угрозу, которую несет Аляске милитаризм. Автор сообщает об интересе жителей Аляски к достижениям Советского Союза; многие изучают русский язык (стр. 57).

Несмотря на обобщенный характер сведений о коренном населении, читатель узнает много нового о жизни в современной Аляске. Книга проникнута любовью к народу Аляски, сочувствием его борьбе за гражданские права и лучшую жизнь. Но желание автора представить Аляску в более привлекательном свете приводит его нередко к приукрашиванию жизни в Аляске наших дней.

ОТ КООРДИНАЦИОННОГО КОМИТЕТА ПО СТАНДАРТИЗАЦИИ АНТРОПОМЕТРИИ

3 августа 1960 г. во время работы VI Международного конгресса антропологов и этнографов в Музее человека было проведено совещание рабочей группы, рассмотревшей состояние вопроса о стандартизации антропометрии. Речь шла о том, имеет ли смысл возродить, и в какой форме, Комитет по стандартизации антропологических измерений, созданный в структуре Конгресса в 1934 г., но не работавший в течение последних лет. Председатель Комитета проф. А. В. Валлуа и его секретарь проф. Марк Р. Сотер просили освободить их от исполняемых ими обязанностей.

Оживленная дискуссия показала, что в области стандартизации антропометрической и морфоскопической техники и их кодификации остается много нерешенных вопросов, что делает целесообразным создание особого органа для проведения и координации исследований в этих областях с целью представления проектов, приемлемых решений.

Участники рабочего совещания постановили, что наряду с ранее созданным по инициативе Ж. А. Оэза Международным комитетом по стандартизации в области биологии человека, следует создать особый Комитет из пяти членов, задачей которого должна явиться подготовка координированной программы действий на ближайшие годы путем консультации с антропологами по их специальностям.

Председателем нового Комитета был избран проф. Марк Р. Сотер (Женева, Швейцария), генеральным секретарем — Ж. А. Оэз (Париж). Для выбора трех заместителей председателя была создана совещательная комиссия, по предложению которой были утверждены кандидатуры профессоров Э. Брейтингера (Вена, Австрия), Г. Ф. Дебеца (Москва, СССР) и Т. Д. Стюарта (Вашингтон, США). Последний сообщил, однако, что он не может принять на себя эту обязанность. Вместо него был единогласно избран проф. Х. Комас (Мехико, Мексика).

Задачей Комитета, который принял наименование «Координационный комитет по стандартизации антропометрии», является определение степени срочности работ, установление контактов с антропологами, интересующимися вопросами, связанными с антропометрией, для привлечения их к решению конкретных задач путем организации специальных подкомитетов.

Прежде всего Комитет предполагает произвести критическое сопоставление различных руководств по антропометрии, используемых в различных странах мира для точного выявления расхождений между этими руководствами с целью устранения этих расхождений или нахождения других способов сделать сравнимыми получаемые результаты. Антропологи, ведущие преподавание или занимающие руководящее положение в исследовательских учреждениях или специально интересующиеся данными вопросами, будут запрошены о применяемой ими методике с уточнением тех пунктов, в отношении которых они в той или иной мере изменили эту методику, и о перечне антропометрических измерений, которые они считают основными для исследований в области расовой антропологии.

Комитет просит антропологов, к которым он обратится, об активном сотрудничестве. С интересом будут рассмотрены и все прочие соображения.

Марк Р. Сотер

Адреса членов Координационного комитета: Председатель Prof. Marc-R. Sauter. Institut d'Anthropologie de l'Université. 44 C, rue des Maraîchers; Genève (Suisse). Заместители председателя: Prof. Emil Breiting. Anthropologisches Institut der Universität. Van Swietengasse 1. Wien IX (Österreich). Проф. Г. Ф. Дебец. Институт этнографии Академии наук СССР, Москва, В-36, 1-я Черемушkinsкая, 19. Prof. J. Comas. Instituto de Historia, Ciudad Universitaria. Mejico 20, D. F. (Mejico). Генеральный секретарь: Dd. G. A. Heuse. Institut international de biologie humaine. 27, rue du Faubourg Saint-Jacques, Paris 141 (France).

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» В 1961 г.

- По ленинскому победному пути (К 40-летию советских республик Кавказа). (1, 3).
К событиям в республике Конго. (2, 3).
Советская этнография накануне XXII съезда КПСС. (4, 3).
В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко (Москва). Основные направления этнических процессов у народов СССР. (4, 9).
И. А. Крывелев (Москва). Преодоление религиозно-бытовых пережитков у народов СССР. (4, 30).
Величайший исторический документ современности (5, 3).
Основные задачи советской этнографии в свете решений XXII съезда КПСС. (6, 3).

Вопросы общей этнографии и антропологии

- М. Г. Левин (Москва). Этнографические и антропологические материалы как исторический источник. (К методологии изучения истории бесписьменных народов). (1, 20).
Г. Ф. Дебец (Москва). О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида. (2, 9).
В. Ю. Крупянская, Л. П. Потапов, Л. Н. Терентьева (Москва, Ленинград). Основные проблемы этнографического изучения народов СССР. (3, 3).
Б. М. Добровольский (Ленинград). К вопросу об изучении народного музыкально-поэтического творчества (3, 13).
С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров (Москва). Основные проблемы этнического картографирования. (5, 9).

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

- А. И. Робакидзе (Тбилиси). Новые черты современного грузинского крестьянского жилища. (1, 29).
Б. А. Калоев (Москва). Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей. (1, 41).
С. М. Абрамзон (Ленинград). Преобразования в хозяйстве и культуре казахов за годы социалистического строительства. (1, 54).
Л. Н. Терентьева (Москва). Формирование новых обычаев и обрядов в быту колхозников Латвии. (2, 24).
Я. С. Смирнова (Москва). Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху. (2, 41).
Т. А. Жданко (Москва). Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана. (2, 53).
В. Я. Калитс (Тарту). Новые черты в быту крестьян острова Кихну. (3, 20).
Л. С. Толстова (Нукус). Материалы этнографического обследования группы «каракалпак» Самаркандской области Узбекской ССР. (3, 34).
З. П. Соколова (Москва). О некоторых этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов и эвенков Томской области. (3, 45).
И. С. Гурвич (Москва). О путях дальнейшего переустройства экономики и культуры народов Севера. (4, 45).
В. И. Козлов (Москва). К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР (Опыт исследования на примере мордвы). (4, 58).
Т. А. Жданко (Москва). Быт колхозников рыболовецких артелей на островах южного Арала. (5, 27).
Л. С. Толстова (Нукус). Каракалпаки Бухарской области Узбекской ССР. (5, 41).
С. В. Иванов (Ленинград). Современное искусство народов Сибири (скульптура). (6, 9).
В. П. Алексеев (Москва). Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей. (6, 29).

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

- С. А. Арутюнов (Москва), А. И. Мухлинов (Ленинград). Материалы по этнолингвистической классификации народов Вьетнама. (1, 72).
- В. А. Кацман (Москва). Рост имущественной дифференциации среди африканского крестьянства Танганьики после второй мировой войны. (1, 83).
- Е. А. Тарвердова (Москва). О некоторых специфических особенностях ислама в Западном Судане в XIII—XVI вв. (1, 94).
- М. Г. Левин (Москва). Некоторые проблемы этнической антропологии Японии. (2, 63).
- Ю. В. Иванова (Москва). Обычное право Северной Албании как этнографический источник. (3, 53).
- Л. А. Фадеев (Москва). Мономотапа (Опыт исследования общественно-экономического строя народов междуречья Замбези — Лимпопо в средние века) (3, 66).
- С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров (Москва). Современный этап национального развития народов Азии и Африки. (4, 74).
- Г. А. Агранат (Москва). Положение коренного населения Крайнего Севера Америки. (4, 100).
- А. И. Першиц (Москва). Племя, народность и нация в Саудовской Аравии. (5, 52).
- И. А. Сванидзе (Москва). Сельское хозяйство и поземельные отношения у народа баротсе. (5, 63).
- В. Р. Кабо (Ленинград). Искусство папуасов в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая. (6, 41).

Вопросы этногенеза, палеоэтнографии и исторической этнографии

- Я. А. Федоров (Москва). К вопросу о раннем этапе этногенеза народов Дагестана. (1, 102).
- В. П. Алексеев (Москва). О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры. (1, 116).
- П. Н. Третьяков (Ленинград). У истоков этнической истории финно-угорских племен. (2, 76).
- С. П. Толстов (Москва). Приаральские скифы и Хорезм. (К истории заселения и освоения древней дельты Сыр-Дарьи). (4, 114).
- Г. Б. Федоров (Москва). Население юго-запада СССР в I — начале II тысячелетия нашей эры. (5, 80).
- Г. Ф. Дебец (Москва). О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики. (6, 51).
- В. А. Ранов (Душанбе). Рисунки каменного века в гроте Шахты. (6, 70).
- Т. Д. Златковская (Москва). К вопросу об этногенезе фракийских племен (6, 82).

Из истории этнографии и антропологии

- К. Г. Гуслистый, В. Ф. Горленко (Киев). О периодизации истории украинской этнографии. (1, 130).
- Э. В. Померанцева (Москва). Первые публикации русских народных сатирических сказок. (2, 97).
- Н. Н. Степанов (Ленинград). М. В. Ломоносов и русская этнография. (К 250-летию со дня рождения). (5, 107).

Народы мира**(Информационные материалы)**

- Р. Н. Исмаилова (Москва). Новые государства Африки. (4, 147).
- А. И. Собченко (Ленинград). Население Анголы. (5, 124).
- М. Г. Журавлева (Москва). Народы Малайской Федерации. (6, 95).

Сообщения

- А. Г. Трофимова (Москва). Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем. (1, 143).
- Л. Е. Куббель (Ленинград). Древнейшее сообщение об обычае соправления брата и сестры у африканских народов. (1, 149).
- Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Бронзовое зеркало из Термеза. (1, 153).
- Л. С. Клейн (Ленинград). Череп, покрытый смолой, в погребениях эпохи бронзы. (2, 105).
- С. А. Арутюнов (Москва). Этнографическая поездка в Японию. (3, 77).
- Г. А. Гулиев (Баку). Этнография Азербайджана за 40 лет. (4, 166).
- Г. А. Сергеева (Москва). Школьный краеведческий музей в Адыгее. (4, 171).
- Г. Г. Громов (Москва). Древнейшие в России этнографические рисунки (Таблица из рукописного сборника XVII в.). (5, 134).
- Г. А. Нерсесов (Москва). Алжир в 1881—1882 г. (по письмам русского журналиста). (5, 140).

Хроника

- Г. Ф. Дебеч, М. Г. Левин (Москва), Д. А. Ольдерогге (Ленинград). Шестой Международный конгресс антропологов и этнографов. (1, 156).
- С. Б. Рождественская (Москва). Новый этап развития художественных промыслов Российской Федерации. (1, 161).
- Т. В. Лукьянченко (Москва). Обсуждение работы Юкагирской экспедиции. (1, 169).
- В. А. Александров (Москва). Работа Института этнографии в 1960 году. (2, 110).
- Б. П. Кирдан (Москва). Декада украинской литературы и искусства в Москве. (2, 115).
- Этнографическая тематика на XXV Международном конгрессе востоковедов. (2, 117)
- Л. Ф. Моногарова (Москва). О работе секции «История Средней Азии» на XXV Международном конгрессе востоковедов. (2, 119).
- З. П. Соколова (Москва). Совещание по вопросам акклиматизации и питания населения на Крайнем Севере. (2, 122).
- И. Ф. Хорошаева (Москва). Мексиканская выставка в Москве. (2, 124).
- А. В. Ушаков (Москва). Историко-бытовые экспедиции Государственного исторического музея в 1959 году. (2, 131).
- З. Соколова (Москва). Международный конгресс финно-угроведов. (3, 90).
- Р. Исмагилова (Москва). Заседание Ученого совета Института Африки АН СССР, посвященное проблеме Конго. (3, 93).
- А. Чугунов (Горький). Этнографическая экспедиция в Приволжские районы Горьковской области. (3, 96).
- В. А. Александров (Москва). Сессия, посвященная итогам экспедиционных исследований 1960 года. (4, 177).
- В. К. Гарданов (Москва). Актуальные проблемы советских социологических исследований (Второе общее собрание Советской Социологической Ассоциации). (4, 180).
- Ю. И. Журавлев (Москва). Научные связи Института этнографии АН СССР с зарубежными странами. (4, 187).
- К. Якимов (Москва). Первое заседание рабочего Оргкомитета VII Международного конгресса антропологов и этнографов (5, 146).
- Н. Полищук (Москва). Научная конференция, посвященная специфике жанров русского фольклора. (5, 148).
- Р. Джарылгасинова (Москва). Совещание по топонимике Востока (5, 152).
- М. Райт (Москва). Выставка современной живописи Эфиопии. (5, 154).
- С. Б. Рождественская (Москва). «Искусство в быт». Выставка новых образцов изделий художественной промышленности. (6, 110).
- С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев (Москва). Новые находки в древнеберингоморском могильнике в Уэлене. (6, 120).
- А. В. Никифоров (Москва). Заседание Ученого совета Института Африки АН СССР. (6, 124).
- А. В. Смоляк (Москва). Совещание по фольклору народностей Крайнего Севера. (6, 127).

Personalia

- Памяти Андрея Александровича Попова. (2, 137).
- А. П. Окладников (Ленинград). Памяти исследователя древнейшего Китая И. Г. Андерсона (3, 100).
- Н. А. Брегадзе, М. К. Гегешидзе, Г. А. Чачашвили (Тбилиси). Георгий Спиридонович Читая (К 70-летию со дня рождения). (6, 129).

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- Фан Хау Зат (Ханой). Вьетнамская этнографическая литература за 15 лет. (3, 104).
- С. Артановский (Ленинград). Проблема сравнительной ценности культур и теория «культурного релятивизма» (3, 110).
- И. А. Золотаревская (Москва). Советские и зарубежные ученые об этнографической серии «Народы мира». (4, 190).
- Г. Ф. Дебеч (Москва). Картографические издания Института этнографии АН СССР. (4, 198).
- Ю. П. Аверкнева (Москва). Проблема собственности в современной американской этнографии. (4, 200).
- Ю. В. Кнорозов (Ленинград). Н. Ф. Жиров. Атлантида. (4, 213).
- Л. Файнберг (Москва). Этнографические материалы в географической серии «Путешествия, Приключения, Фантастика». (5, 158).
- И. Золотаревская (Москва). Новый американский этнографический журнал. (5, 162).

Вопросы общей этнографии

- Ю. Аверкнева (Москва). Этнографические дневники Л.-Г. Моргана. (1, 171).
- В. Бахта, А. Формозов (Москва). Проблемы истории первобытного общества. (5, 168).

Народы СССР

- Э. Литвин (Ленинград). Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. (1, 175).
- Т. Аристова (Москва). Г. Ю. Гербильский. Передова суспільна думка в Галичині. (1, 176).
- И. Гурвич (Москва). Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. (1, 180).
- Г. Сергеева (Москва). Ученые записки [Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадаса]. (1, 185).
- М. Кургузова (Москва). С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. (1, 189).
- Б. Алборов (Орджоникидзе). Х. М. Халилов. Лакский песенный фольклор (1, 191).
- В. Кобычев (Москва). М. Н. Насирли. Сельские поселения и крестьянские жилища Нахичеванской АССР. (1, 193).
- И. Джаббаров (Ташкент). М. А. Бикжанова. Семья в колхозах Узбекистана. (1, 195).
- А. Грач (Ленинград). А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы (Наскальные рисунки у дер. Шишкино). (2, 141).
- В. Алексеев (Москва). Матеріали з антропології України. (2, 143).
- П. Ухов (Москва). С. Г. Лазутин. Русская частушка. (3, 118).
- Л. Файнберг (Москва). Г. А. Меновицков. Эскимосы. (3, 119).
- Я. Смирнова (Москва). Ш. Инал-ипа. Абхазы. (3, 120).
- Г. Васильева (Москва). Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции, т. IX. (3, 122).
- А. П. Смирнов (Москва). Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой (Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3). (4, 218).
- С. И. Вайнштейн (Москва), Ч. М. Таксам (Ленинград). «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера». (4, 223).
- Л. Р. Кызласов (Москва). Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Ин-та этнографии АН СССР. т. 1. (4, 225).
- Л. А. Файнберг (Москва). И. С. Гурвич, К. Г. Кузаков. Корякский национальный округ. (4, 230).
- К. Чистов (Петрозаводск). В. К. Соколова. Русские исторические песни XVI—XVIII веков. (5, 174).
- С. Минц (Москва). Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Иванником в Вологодской губернии. (5, 177).
- В. Соколова (Москва). Русская народная поэзия. (5, 179).
- В. Кобычев, А. Трофимова (Москва). А. К. Алекперов. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. (5, 181).
- Э. Померанцева (Москва). Пословицы и поговорки народов Востока. (5, 185).
- В. Соколова (Москва). Исторические песни XIII—XVI веков (6, 131).
- Н. Чебоксаров (Москва). Новая книга по истории антропологической науки. (6, 132).
- Э. Померанцева (Москва). Чешская книга о русских сказах. (6, 134).

Народы зарубежной Европы

- Г. Анохин (Москва). Изучение пережитков общинного права в Норвегии (1, 198).
- М. Гайдай (Москва). Andrej Melicherčik. Slovensky folklor (2, 146).
- Э. Померанцева (Москва). Цветана Ст. Романска. Фольклор на русите-некрасовци от с. Казашко. (3, 127).
- М. Фрейденберг (Великие Луки). J. Вукмановић. Папштровић. Антропоеографско-етнолошка испитивање. (5, 187).
- Г. Анохин (Москва). Knut. B. Westman och Harald von Sicard. Den Kristna missions historia. (5, 189).

Народы зарубежной Азии

- Ю. Ионов (Ленинград). Ким Иль Чхул. Чосон минсок тхаль нори ёнку (Этнографическое изучение корейских игр в масках). (1, 201).
- Ю. Люшкевич (Ленинград). Журнал «Маджалее мардомшенаси» (1956—1958). (1, 202).
- Б. Рифтин (Москва). Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия. (2, 148).
- Л. Л. Викторова (Ленинград), Ю. И. Журавлев (Москва), А. И. Мухлинов (Ленинград). Восточноазиатский этнографический сборник. (4, 231).
- А. Мухлинов (Ленинград). Национальные меньшинства Вьетнама. (5, 193).
- А. Першиц (Москва). С. И. Брук. Карта народов Передней Азии. (6, 135).
- С. Маретина (Ленинград). Gabrielle Bertrand. Secret Lands where women reign. (6, 137).

Народы Африки

- В. Вавилов, М. Новикова (Москва). *Джек Коуп*. Прекрасный дом. (5, 202).
 А. Халидов (Ленинград). Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары (6, 141).

Народы Америки

- И. Григулевич (Москва). *Antonio Nuñez Jimenez*. Facatativa, Santuario de la Rana. (2, 152).
 И. Григулевич (Москва). Первый венесуэльский этнографический журнал. (3, 128).
 В. Загуменный (Ростов н/Д). Две книги об атапасках Аляски. (3, 129).
 Л. Файнберг (Москва). *Ch. Hughes*. An Eskimo deviant from the Eskimo type of social organization (3, 134).
 В. Афанасьев (Москва). Книга о прошлом и настоящем героической Кубы. (6, 143).
 Ю. Аверкиева (Москва). Марксистский труд по истории Канады. (6, 149).
 В. Загуменный (Ростов н/Д). *Ben Adams*. Alaska: The Big Land (6, 152).

Народы Австралии и Океании

- Д. Тумаркин (Ленинград). *J. W. Coulter*. The Pacific dependencies of the United States (2, 153).
 Н. Бутинов (Ленинград). *Carl A. Schmitz*. Historische Probleme in Nordost Neu-guinea (3, 135).
 В. Кабо (Ленинград). *Ф. Виккерс*. Мираж. (4, 235).
 Н. Бутинов (Ленинград). *H. W. Wright*. New Zeland 1769—1840. Early Years of western contact. (5, 205).

Список диссертаций, защищенных в Институте этнографии в 1956—1960 гг. (3, 138).

От координационного комитета по стандартизации антропометрии. (6, 155).

СОДЕРЖАНИЕ

Основные задачи советской этнографии в свете решений XXII съезда КПСС

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

С. В. Иванов (Ленинград). Современное искусство народов Сибири (скульптура)	9
В. П. Алексеев (Москва). Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей	29

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

В. Р. Кабо (Ленинград). Искусство папуасов в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая	41
--	----

Вопросы этногенеза, палеоэтнографии и исторической этнографии

Г. Ф. Дебец (Москва). О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики	52
В. А. Ранов (Душанбе). Рисунки каменного века в гроте Шахты	70
Т. Д. Златковская (Москва). К вопросу об этногенезе фракийских племен	82

Народы мира

Информационные материалы

М. Г. Журавлева (Москва). Народы Малайской Федерации	95
--	----

Хроника

С. Б. Рождественская (Москва). «Искусство в быт». Выставка новых образцов изделий художественной промышленности	110
С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев (Москва). Новые находки в древнеберингоморском могильнике в Уэлене	120
А. В. Никифоров (Москва). Заседание Ученого совета Института Африки АН СССР	124
А. В. Смоляк (Москва). Совещание по фольклору народностей Крайнего Севера	127

Personalia

Н. А. Брегадзе, М. К. Гегешидзе, Г. А. Чачашвили (Тбилиси). Георгий Спиридонович Читая (К 70-летию со дня рождения)	129
---	-----

Критика и библиография

Народы СССР

В. Соколова (Москва). Исторические песни XIII—XVI веков	131
Н. Чебоксаров (Москва). Новая книга по истории антропологической науки	132
Э. Померанцева (Москва). Чешская книга о русских сказках	134

Народы зарубежной Азии

А. Першиц (Москва). С. И. Брук. Карта народов Передней Азии	135
С. Маретина (Ленинград). Gabrielle Bertrand. Secret Lands where women reign	137

Народы Африки

А. Халидов (Ленинград). Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары	141
---	-----

Народы Америки

В. Афанасьев (Москва). Книга о прошлом и настоящем героической Кубы	143
Ю. Аверкиева (Москва). Марксистский труд по истории Канады	149
В. Загуменный (Ростов н/Д). Ben. Adams. Alaska: The Big Land	152
От Координационного комитета по стандартизации антропометрии	155
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1961 году	156

SOMMAIRE

Tâches principales de l'ethnographie soviétique en lumière des décisions du XXII congrès du Partii Communiste de l'U.R.S.S.	3
---	---

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'U.R.S.S.

S. I. Ivanov (Leningrad). L'art contemporain des peuples de la Sibérie (la sculpture)	9
V. P. Alexéev (Moscou). Matériaux craniologiques et le problème de l'origine des Lettons d'Est	29

Matériaux et recherches sur l'ethnographie, et l'anthropologie des pays étrangers

V. R. Kabo (Léningrad). L'art des Papouas dans les travaux de N. N. Mikloukh-Maklai	41
---	----

Questions d'ethnogenèse, de paleoethnographie et d'ethnographie historique

G. F. Debetz (Moscou). Les voies de peuplement de la région septentrionale de la Plaine Russe et de l'Est Baltique	52
V. A. Ranov (Duchanbé). Dessins de l'âge de pierre de la grotte de Chakhty	70
T. D. Zlatkovskia (Moscou). Le problème d'ethnogenèse des peuples de Thrace	82

Peuples du monde

(Matériaux d'information)

M. G. Jouravleva (Moscou). Peuples de la Fédération Malaise	91
---	----

Chronique

S. B. Rojdestvenskaia (Moscou). Exposition «l'Art dans la vie de tous les jours»	110
S. A. Aroutiounov, D. A. Serguéiev (Moscou). Nouvelles découvertes dans un sépulcre	120
A. V. Nikiforov (Moscou). Séance du Conseil scientifique à l'Institut d'Afrique de l'Académie des sciences de l'U.R.S.S.	124
A. V. Smoliak (Moscou). Conférence sur le folklore des peuples de l'Extrême Nord	127

Personalia

N. A. Bregadzé, M. K. Gueguechidzé, G. A. Tchatchachvili (Tbilissi). G. A. Tchitaia. (A l'occasion du 70-me anniversaire)	129
---	-----

Critique et bibliographie

Peuples de l'U.R.S.S.

V. Sokolova (Moscou). Istoritcheskije pesni XIII—XVI vekov (Chants historiques du XIII—XVI ss)	131
N. Tchebocarov (Moscou). Novaja kniga po istorii antropologitcheskoj nauki. Un nouveau livre d'histoire d'anthropologie	132
E. Pomerantzeva (Moscou). Un livre tchèque sur les contes russes	134

Peuples d'Asie étrangère

A. Perchitz (Moscou). S. I. Brouk. Carte ethnographique du Proche Orient	135
S. Marétina (Léningrad). Gabrielle Bertrand Secret Lands where women reign	137

Peuples d'Afrique

A. Khalidov (Léningrad). Sources anciennes et moyenâgeuses sur l'ethnographie et histoire des peuples africains au Sud du Sahara	141
--	-----

Народы Америки

V. Afanaciév (Moscou). Un liber fur, le passe et le présent de la Cuba héroïc	143
J. Averkieva (Moscou). Un ouvrage marxiste sur l'histoire du Canada	149
V. Zagoumenny (Rostov/D). Ben Adams. Alaska: The Big Land	152
Appel du Comité de coordination dans les questions d'anthropométrie	155
Indicateur d'articles et de matériaux publiés dans la revue «Ethnographie Soviétique» en 1961	156

ПО ВИНЕ СОТРУДНИКОВ АППАРАТА РЕДАКЦИИ В № 4 и 5
ЖУРНАЛА ДОПУЩЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ОШИБКИ:

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
№ 4			
131	Подпись под рис. 7	Схема развития погребальных сооружений племен древней дельты Аму-Дары	Схема развития погребальных сооружений племен древней дельты Сыр-Дары
№ 5			
27	7—8 св.	в нижней части дельты	нижняя дельта
27	6 св.	«Қызыл аскар»	«Қызыл аскер»
31	5 св.	Қанияз	Қанияз
35	9 св.	В улове	В лове
35	18 св.	значение	знание
44	2 св.	1939	1935
45	17 св.	филиала УзбССР	филиала АН УзбССР
48	12 св.	в пяти совхозах: каракалпаки — в совхозах «Кенимех», «Аяккудук» и «Коммунизм»,	в четырех совхозах: каракалпаки — в совхозах «Кенимех», и «Коммунизм»,
51	28 св.	иногда в узбекских и казахских	иногда в узбекских, иногда в казахских
109	8 св.	немецкие	немецкие
вклейка между стр. 136—137	Подпись под рис.	XII века	XVII века
142	32 св.	верблюдов	верблюдоводов
196	9 св.	войны. Сопротивления	войны Сопротивления

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция доводит до сведения авторов нижеследующие правила подготовки рукописей, направляемых в журнал «Советская этнография».

1. Рукописи принимаются только напечатанными на пишущей машинке на одной стороне листа, через два интервала, не менее, чем в двух экземплярах.

2. Ссылки помещаются внизу страницы, нумерация ссылок сплошная.

3. Порядок цитирования монографий: инициалы и фамилия автора, название работы (без кавычек), место и год издания, страница.

4. Порядок цитирования статей в журналах и сборниках: инициалы и фамилия автора, название работы (без кавычек), название журнала или сборник (в кавычках), год издания, том, выпуск или номер, страница.

5. Помещенные в одной сноске ссылки на различные работы разделяются точкой с запятой.

6. Классики марксизма — ленинизма цитируются по последнему изданию.

7. Иллюстрации принимаются только в пригодном для воспроизведения виде (фото — контрастное на белой глянцевой бумаге, рисунки — тушью) в двух экземплярах. На обороте каждой иллюстрации должны быть указаны (мягким простым карандашом) фамилия автора, название статьи, номер иллюстрации, текст подписи под иллюстрацией. Кроме того все эти данные должны быть указаны в особом перечне иллюстраций, напечатанном на пишущей машинке в двух экземплярах.

8. Наименования на приложенных к статье картах должны соответствовать наименованиям в тексте статьи.

9. К статьям должно быть приложено краткое (приблизительно 1/4—1/2 страницы) резюме.

Желательный объем присылаемых в редакцию статей — до 1 авторского листа, сообщений и хроникальных заметок — до 1/2 авторского листа, рецензий — до 1/4 авторского листа.

Не принятые редакцией рукописи авторам не возвращаются.

Цена 1 р. 80 к.

69 СОВ ЭТНО
САДОВАЯ 18
ПУЕЛ. Б. КЕ
7 1.12

П19
4